

An illustration of two soldiers in a forest. The soldier on the left is wearing a blue uniform and a cap, while the soldier on the right is wearing a white uniform and a cap. They are both holding rifles and appear to be in a tense moment. The background is filled with falling orange and red leaves, suggesting an autumn setting. The overall style is painterly and dramatic.

Алексей Булатов

Война

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Юрьевич Булатов

Война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39828764

SelfPub; 2024

Аннотация

Вот представьте себе, что у вас есть технологии даже не этого века, а следующего. Вы попадаете во времена Великой Отечественной войны. Первое желание помочь, закончить эту войну как можно быстрее. И вроде бы все понятно, кому помогать и как. Вот Леха попадает в измерение, которое зеркально с нашим, но с хронодвигом до времени Великой Отечественной войны. И попав на эту войну, он вдруг понимает, что во-первых, он не может ничем помочь, а во-вторых, не хочет... Серия Между Мирами.

Содержание

Глава 1. Домашний ад	4
Глава 2. Старые друзья	27
Глава 3. Вниз и в плен	65
Глава 4. Партизаны	88
Глава 5. Дуэль	117
Глава 6. Госпиталь	143
Глава 7. Лейтхен	169
Глава 8. Выписка	202
Глава 9. Дорога в Люблин	222
Глава 10. Карл Бенц	241
Глава 11. Путь домой	272

Алексей Булатов

Война

Глава 1. Домашний ад

– Ты, Алексей, конечно, великий долбонос, если не сказать больше. Вызвать ревность у эльфийской женщины! Нужно было совершить нечто совершенно невообразимое. И у тебя получилось! Ты это сделал, браво! – Элронд в сердцах высказывал свое мнение обо мне мне же. Я сидел, уперев взгляд в пол, и чувствовал себя глубоко виноватым.

– Нет, ну надо же, умудрился притащить ко мне в дом беременную женщину! И именно тогда, когда у меня в доме беременная от тебя же дочка! Ну вот скажи, зачем ты ее сюда потащил?

– Ну, я это, не мог ее там оставить.

– А сюда ты ее зачем потащил? Что у себя-то, в Родном, не оставил?

– Да мы сначала пришли туда, но она когда машины увидела, ей плохо стало. Сказала: веди меня к остальным назад или убей на месте. Ну не могу я ее ни туда, ни убить.

– И ты решил, что дом Элронда – это лучшее для нее место во всех измерениях?

Мне было жутко и тяжело. Еще и Элронд тут строил из

себя святого, отчитывая меня по полной программе. А куда мне было деваться? Когда мы вытащили всех старух в соседнее измерение, Фартин отправил меня к дому Сафия и сказал забрать Лейлу с собой. Я, в общем, и хотел ее забрать. Мы дошли до Родного и выскочили прямо рядом с шоссе, по которому неслись автомобили. И тут у Лейлы случился нервный приступ. Я не придумал ничего лучшего, чем перетащить ее в Радужное и дойти до дома Элронда.

Он поначалу принял нас радушно, но через пару дней из Техно вернулась Элиза. И тут вдруг выяснилось, что она беременна. Беременность у эльфийских женщин длится дольше, чем у человеческих. Можно было сказать, что у Лейлы и Элизы почти одинаковые сроки. Но это все мелочи. Почему-то Элизу зацепил тот факт, что я уже с другой женщиной и, более того, она тоже ждет от меня ребенка. О беременности Элизы я узнал в первые пять минут после ее появления. Она влетела, вся счастливая и белокурая, обняла меня и прошептала:

– Я решила родить полуэльфика от тебя, Алексей!

Не верить я ей не мог. Я уже был наслышан от Элронда, что у эльфов женщина сама решает, когда и от кого ей рожать. И это было одной из причин крайне редких случаев рождения детей у них. И в тот момент, когда Элиза сообщает мне свою новость, она видит Лейлу, которая сидит за моей спиной на кровати. И видит не только ее, но и ее «положение» тоже.

– Это кто? – спросила Элиза требовательно, показывая пальцем на Лейлу.

Да кто она такая? Какое она имеет право задавать мне такие вопросы? Она-то вообще спала с кем хотела и как хотела. И разрешения у меня на это не спрашивала ни разу. И, собрав все свое мужество, набрав полную грудь воздуха для резкого высказывания, я проблеял слабым голоском:

– Это Лейла, моя жена.

Сказал и понял, насколько жалко я это произнес. Я оправдывался. Хотел нападать, а на самом деле оправдывался.

– Жена?! Она что, ждет от тебя ребенка?

– Да.

Лейла ничего не ответила. Только по ее волосам, стремительно меняющим цвет и форму, я понял, как меняется ее настроение. Я был возмущен, подавлен, расстроен. Она молча повернулась и ушла из комнаты. Во мне горел огонь, и я даже не понимал, как его погасить. От прикосновения Элизы во мне вспыхнуло немного забытое электричество. И в то же время со мной была Лейла, которая, кстати, тоже решила добавить масла в огонь под котлом, что уже вовсю закипал у меня внутри.

– А это кто, Алеша? – прозвучал вопрос Лейлы.

– Дочь Элронда, Элиза.

– А почему она тебя поцеловала и обняла?

– Мы... как бы... были вместе до того, как я познакомился с тобой.

– Ты ее бросил?

– Не совсем. Мне пришлось уйти из того мира, где она осталась.

– Ты бросил ее беременную?

– Нет, она не была тогда беременна. Мы расстались уже почти год назад. И, вообще, она эльфийка! У них нет такого понятия, как взаимоотношения между мужчиной и женщиной. То, что она беременна от меня, я только что узнал. А спала она со всеми мужчинами, которые ее в тот момент окружали.

– Это не имеет значения, она все равно женщина, и она любит тебя. Ты обидел ее!

– Лейла, давай не будем, и так тошно.

Но Лейла и не думала останавливаться. Она выносила мне мозг и делала это весьма качественно. Не понимаю, как это получается у женщин. Ведь она воспитана в мире, где женщины живут отдельно от мужчин. У нее не было ни примера, ни практики в этом. Видимо, это умение женщин – выносить мозг – прошито у них в ДНК во всех мирах и вселенных. Еще и Элронд добавлял мне ощущений. Он ворчал на меня, как настоящий старый дед.

– Нет, как ты смог? Ведь нужно было постараться, чтобы эльфийка ревновала! Это ведь действительно природный талант, Алексей! Это ведь мало кому удавалось в целой вселенной! Да во всех вселенных! Она решила родить тебе ребенка, а ты сразу притащил человеческую женщину, да еще

беременную от тебя. Ты понимаешь, что ударил ее в самое в больное – в самолюбие? Все эльфийские женщины свято верят, что привязывают человеческих мужчин одним прикосновением и делают из них пожизненных рабов. Но ты не просто ей доказал, что это не так, ты нагло макнул ее в ее гордость!

– Она же руководила толпой, которая хотела поднять меня на вилы! Что я должен был делать после этого? Хранить ей верность?

– Да что толку от твоей верности? Ты что, думаешь, вы с Элизой когда-нибудь могли бы зажить семьей? – слова Элронда звучали с вызовом, и мне было от них очень неприятно. А когда мне неприятно, я начинаю выпендриваться.

– А почему бы и нет? Если она была ко мне равнодушна, то почему она не могла мне про это сказать?

– А ты понимаешь, что она старше тебя в двести раз?

– Подумаешь!

Тут Элронд тяжело вздохнул и уже существенно мягче произнес:

– Вы, люди, удивительные существа. Когда Первый вас сотворил, я был уверен, что он ошибся, не рассчитал и уничтожит вас уже через триста лет. Когда из вас начали выходить творцы, мне показалось, что я понял его замысел. Но каждые пятьдесят лет я меняю свое мнение в желании то помогать вам, то уничтожить вас. Не перестаю вам удивляться, несмотря на то, что удивить вы меня не можете в своей

предсказуемости. И все равно ты меня удивил!

Элронд, как всегда, говорил так, что хотелось задушить его голыми руками. Вот так просто взять и задушить! Чтобы он больше не исторгал никаких звуков! Тем более с таким спокойствием, демонстрируя полное пренебрежение человечеством в целом и мной в частности. Каждый раз он доводил меня до истерии и тут же поражал до глубины души. Я любил Элронда и уважал ровно так же, как ненавидел и презирал. Тем не менее это я пришел в его дом, вот уже в третий раз, а не он в мой. Поэтому я обязан был его слушать и внимать. А он понимал, что бежать мне отсюда некуда, и продолжал свои нравоучения. Во мне же все кипело и протестовало, поэтому я спорил.

– Раз Первый нас создал, значит, мы не такие уж и пропащие. Раз уж даже ты, такой великий, по пятьдесят лет кряду помогать нам хочешь, – я говорил зло и с нескрываемым сарказмом.

– Да на большее мне сил не хватает. Следующие пятьдесят лет я хочу вас уничтожить – просто из жалости, чтобы вы не мучились так сильно.

– Как же так? Неужели у такого долгоживущего эльфа не хватило мозгов, чтобы за это время действительно помочь человечеству? Хотя бы тут, в соседнем измерении, во время большой войны, которая была не так давно?

– А ты думаешь, я не пробовал помогать? Ты думаешь, это так просто? А ты бы смог помочь?

– Я бы обязательно помог! Я же помог и в Техно, и в Гаремах, неужели я бы в Родном не смог помочь?

Элронд задумчиво посмотрел на меня, словно оценивая мои способности.

– Насчет Техно и Гаремов... Ты, конечно, помог. Правда, результаты своей помощи ты даже представить себе не можешь! В Техно ты обрек людей как минимум на два века голодного существования! Но в итоге они построят одну из самых лучших цивилизаций в истории человечества. А в Гаремах создал ситуацию, которая погрузит мир в долгую и самую кровопролитную войну в истории этого измерения. Причем не одну – ты запустил целую цепь больших военных конфликтов. Однако результат будет тоже позитивным. Конечно, на это уйдет почти пятьсот лет... Вот что я сделаю! Я подскажу тебе путь в мир, зеркальный твоему Родному. Правда, он имеет хроносдвиг на несколько десятков лет. Но именно за счет этого ты можешь попасть в эпицентр сражения и попытаться помочь. Может быть, ты и тут сможешь так же блистательно помочь человечеству, как уже сделал это в других мирах? Может, тебе и в самом деле стоит туда прогуляться...

– Что значит «хроносдвиг»?

– Иногда так случается, что несколько вселенных двигаются по очень схожим сценариям. По счастливой случайности, рядом с твоим родным измерением есть еще одно. Оно развивается по очень схожему сценарию, но отстает по шка-

ле времени. По вашему летоисчислению они сейчас подбираются к середине двадцатого века. В настоящее время ситуация там крайне похожа на то, что происходит в Родном. Так что, как только будешь готов, отправляйся туда и помоги.

– А как же Лейла?

– Ты за нее не переживай, она привыкла жить без постоянного мужского внимания и прекрасно справится. Без тебя они тут даже станут подругами и будут очень мило общаться.

«Прекрасно, значит, я являюсь яблоком раздора между эльфийской женщиной, преисполненной гордыней, и человеческой женщиной из мира, где женщины идут на корм свиным, как только перестают рожать», – подумал я.

– Можно я хоть пару деньков тут поживу? Можно мне в отдельную комнату?

– В комнату-то можно. И пожить ты тут можешь – от тебя зависит, сколько ты тут выдержишь.

– Хотя бы пару дней – и я, пожалуй, действительно смогаюсь. А где этот мир с хронодвигом и как туда попасть?

– Мир находится под вами, нижнее измерение. Придется тебе в него упасть. Найди своего друга – он сделал ключ и ходит ко мне в гости, иногда без разрешения. Но вроде не шумит и не вредит, поэтому пусть ходит. Он тебе поможет перейти, а вернешься сам, после того как сможешь.

В последних словах Элронда был неприкрытый сарказм, который провоцировал меня, чтобы рвануть в Родное прямо сейчас. Но я все-таки хотел прожить тут пару дней, по-

нежиться в эльфийской кровати и принять волшебный эльфийский душ.

«В конце концов, я заслужил небольшой отпуск, – размышлял я. – Полгода работы в адских условиях средневековья! Я требую компенсации моих затрат в виде хотя бы краткосрочного отпуска. Никто не виноват, что все так сложилось в итоге. Откуда такая несправедливость? В Гареме ведь можно было быть сразу и с двумя, и с тремя! Тут же мне спокойно жить не дают две женщины – эльфийка, для которой не должно существовать понятие ревности, и Лейла, которая родилась для того, чтобы ублажать мужчин. Почему вместо того, чтобы устроить мне праздник, они обе разрушают мне мозг? Может, это просто моя карма?».

Я гулял рядом с деревом и думал. Уйти прямо сейчас вроде нехорошо, все-таки только притащил сюда Лейлу. Но и оставаться тут долго, видимо, не смогу. Я поднялся по капилляру на жилой этаж и пошел в комнату к Лейле. Ее не было. Я разделся и пошел в душ.

О, это великое чудо – эльфийский душ! Это цветок, который мягко тебя переваривает, попутно обмывая твою кожу, снимая с нее все омертвевшие частички. Это и пилинг, и массаж, и просто фееричное наслаждение! У этого душа был только один недостаток – он сам решал, что я уже чистый, и прекращал свою божественную процедуру. А так бы я, наверное, не вылезал из него вообще. Вот и сейчас, спустя десять минут божественных прикосновений, он распрямился и

выпустил меня. Я вздохнул с сожалением – обмануть живой организм гораздо тяжелее, чем железку. И совсем невозможно заставить делать так, как тебе хочется.

Как только цветок поднялся, я увидел в комнате Элизу. Она стояла в выжидательной позе. Ее черные прямые волосы не оставляли сомнений – настроение у нее было хуже некуда. Я не успел одеться и немного смутился от неожиданного вторжения.

– Нам надо поговорить, – сказала она.

– Сейчас оденусь – и поговорим, – ответил я, чувствуя, как мое лицо заливают краской от ушей до подбородка.

– Конечно, одевайся.

Я вышел из душа, подошел к кровати, где лежала моя одежда, и наклонился поднять ее. Как вдруг почувствовал ладонь Элизы на своей ягодице. Словно электрический ток пронзил меня от копчика до основания черепа, все тело покрылось мелкими мурашками. Я замер в не очень красивой, как мне казалось, позиции. А Элиза продолжила гладить меня уже по обеим ягодицам. Мозг парализовало, я чувствовал себя как самец паука черной вдовы. Я понимал, что меня сейчас сожрут, но ничего не мог с этим сделать.

Элиза властно развернула меня и бросила спиной на кровать. Я безвольно упал на спину. Она почему-то уже была обнажена и смотрела на меня сверху вниз. Волосы ее оставались черными и прямыми, как стрелы. Когда она села на мой восставший член, я готов был выть от наслаждения! Элек-

трический ток полностью выбил из моего мозга способность воспринимать реальность адекватно. Сейчас я хотел только одного – чтобы она продолжала двигаться. И она это делала. Она начала эти самые сладостные движения.

Элиза была прекрасна, она смотрела на меня сверху вниз, и я не понимал, что означал ее взгляд. Но мне было все равно – я смотрел на ее грудь, на животик, который был чуть больше, чем обычно. И был в оцепенении, в наслаждении, готовый ко всему, кроме того, что сейчас все может закончиться. Я кончил, когда она только начала набирать темп. Конечно, она почувствовала, ее лицо стало чуть более насмешливым. Но не остановилась – сдавила рукой мои яички, и теперь электричество шло от них прямо в мозг. И мой член, несмотря на то что уже получил удовольствие, стоял как стальной. Мне же было скорее больно, чем приятно, но оцепенение не прошло. Я все еще был полностью в ее власти. И если бы она сейчас решила откусить мне голову, я бы принял это с благодарностью. А она продолжала наращивать темп, подбираясь к своему пику наслаждения. Ее волосы начали светлеть и завиваться, это было восхитительно!

Кончив, она упала на мою грудь и жарко поцеловала меня в губы. Я ответил на ее поцелуй, я был рабом эльфийской женщины! Я все еще мечтал о ней и все еще хотел ее больше всех женщин на свете! Хоть меня и накрыло угрызениями совести, как только она легла мне на грудь. И, как назло, именно в этот момент в комнату вошла Лейла!

Она стояла и молча смотрела на нас, ее глаза были полны слез. А Элиза, наоборот, пришла в великолепное расположение духа. Она встала с меня, подняла свою одежду с пола.

– Спасибо, Алексей. Лейлочка, ты не плачь, он твой. Мне просто нужно было снять напряжение, – весело сказала она и вприпрыжку выбежала из комнаты, веселая и светлая. Я же лежал на кровати, мой член продолжал стоять торчком, а перед кроватью стояла Лейла, все еще готовая заплакать. Она продолжала смотреть на меня, мечтавшего об одном – сгореть прямо на кровати, так, чтобы от меня не осталось и следа.

– Не смотри на меня так, умоляю. Я не смогу оправдаться перед тобой.

– Ты зачем меня сюда привел? Чтобы издеваться тут надо мной? Лучше бы я осталась там, в соснах! Зачем ты меня сюда привел? – Лейла откровенно ревела. Она села на край кровати, закрыла лицо руками и рыдала.

«Боже, почему мы, люди, не можем относиться к сексу как эльфы? – пронеслось у меня в голове. – Ну, подумаешь, переспал с другой, в чем трагедия?».

В общем, во внутреннем диалоге я легко себя оправдывал в глазах Лейлы. Но вслух ни один из аргументов я произнести не мог. Потому что Лейла плакала, а это меня тоже блокировало. Возможно, еще сильнее, чем электрический ток Элизы.

Я сел на кровати и надел комбинезон. Попробовал обнять

Лейлу, но она дернула плечами, скидывая мои руки.

– Убирайся! Уйди от меня, видеть тебя не хочу! Я-то, дура, думала, что ты мой и только мой! А ты такой же, как и все в гаремах! Как мой отец, который перед тем, как прийти к матери, идет в золотую часть. Он хотя бы не делает это у нее на глазах! А ты? Как ты мог?

Как можно было объяснить, что я не мог ничего изменить? Что мужчина – раб женской красоты, что он безволен перед эльфийской женщиной? Она ведь не примет сейчас этого, да и вообще кто это сможет принять? А я бы сам принял, если бы увидел Лейлу в объятиях Элронда? Конечно, нет, я бы уже дрался! Может быть, и в последний раз в жизни, но точно бы уже дрался.

– Я уйду на задание, Лейла. Что бы ты сейчас ни думала, знай, что я тебя люблю. Ты самое ценное, что в моей жизни было и будет. Я не смог удержаться против магии Элизы, прости меня.

Я встал и хотел уже уйти из комнаты.

– Куда ты уходишь? – вдруг подняла голову и спросила Лейла.

– В один мир, где ждут моей помощи.

– Надолго?

– Не знаю.

– Ты возьмешь меня с собой?

– Нет, там слишком опасно.

– Ты хочешь оставить меня тут одну?

– Почему одну? Тут есть Элронд, он позаботится о тебе.

А когда я вернусь, мы будем только вдвоем.

– Ага, вдвоем, а она? Она ведь тоже тут будет?

– Элронд говорит, что она родит и уйдет.

– Не уходи, Алексей. Не оставляй меня тут одну! – новая волна плача, уже совсем по другой причине, заполнила комнату. Только что она была меня готова убить, а теперь просила остаться.

– Я не могу остаться, мне нужно идти, – конечно, я лукавил, я бы мог остаться, Элронд в этот раз меня не посылал, а просто направлял. Хотя он ведь ни разу меня не посылал по-настоящему. Но оставаться сейчас рядом с Элизой и Лейлой было действительно невозможно.

– Я должен идти. Я вернусь через пару месяцев, может быть, быстрее. И мы будем втроем – я, ты и наш малыш.

– Ты обещаешь мне? – всхлипывая, с красными от слез глазами, спросила Лейла.

– Да, обещаю. Я буду только с тобой и только твой. Я найду мир, где мы сможем жить счастливо с нашими детьми. А сейчас мне нужно идти!

– Ты не поцелуешь меня?

Я вернулся на кровать и поцеловал Лейлу долгим поцелуем. Она ответила мне, и я понял, что сейчас будет продолжение. Она хотела отомстить Элизе или доказать мне, что она ничуть не хуже и тоже может быть сексуальной и спонтанной. К моему великому сожалению, секс с Лейлой после секса с

Элизой был действительно серым и скучным. Электричества не было и в помине. Я старался не подавать виду и мастерски изображал страсть, но на самом деле все время думал только о том, как бы сохранить эрекцию. Помогло только то, что я действительно любил Лейлу. И если бы не секс с Элизой 10 минут назад, то все могло быть намного лучше. Но сейчас я чувствовал себя высокотехнологичным роботом из Техно. Я старался делать все хорошо и красиво, но ничего не чувствовал. Поэтому, когда мы закончили, я поцеловал Лейлу на прощание и решил уйти. Я снова чувствовал стыд. Все-таки у людей слишком много комплексов и шаблонов по поводу секса, справиться с ними совсем не просто. И я ушел...

Я зашел в зал к Элронду, чтобы попрощаться. Он сидел за столом, а рядом с ним Элиза. По волосам которой я понял, что настроение у нее отличное.

– Я пришел попрощаться. Схожу в мир, про который ты рассказал мне, с хронодвигом, – сказал я, надеясь, что Элиза так же, как Лейла, станет меня уговаривать остаться. Но она так холодно посмотрела на меня, как будто впервые видела. Мне было неприятно – непонятная волна чувств снова забурлила внутри. Но мою внутреннюю борьбу прервал Элронд.

– Оденься соответствующе. Не вздумай взять с собой эльфийское оружие, там оно тебе не понадобится, только будет мешать. И комбинезон тоже с собой не бери, незачем.

– Ну его-то хоть можно оставить?

– Я бы не стал. Все-таки период, в который ты попадешь, совсем другой. Незнакомый материал может тебе навредить.

Элронд давал мне правильные советы – я вспомнил фильм, где немецких шпионов вычисляли по тому, какие гвозди у них были в подошвах – квадратные или круглые.

– Ну я хоть до Канева так доберусь, а там переоденусь. Кстати, не подскажешь, как лучше добраться? – я вспомнил, что от Канева до места перехода в наше измерение мы с Коляном добирались двое суток.

– Тут я тебе помогу немного. Садись, перекуси, и я провожу тебя. Элиза, ты не против, если Алексей поест с нами?

– А почему я должна быть против этого человека, отец? Пусть, конечно, присядет и поест.

Элиза была в хорошем настроении, это было видно по ее волосам. Но держалась нарочито холодно. Меня это очень цепляло – хотелось, чтобы было иначе. Но как, я даже сам не понимал. Поэтому я ничего не стал предпринимать. Тем более что я был голоден как волк после секса сначала с одной, а потом с другой женщиной.

В зал вошла Лейла, поздоровалась со всеми и спросила, можно ли к нам присоединиться. Элронд милостиво указал ей место рядом со мной, и она села. Я стал наблюдать за Лейлой и Элизой и понял, что если Элиза и переживала, то это уже в прошлом. Она подтвердила самой себе, что имеет власть надо мной. Видимо, это ее успокоило, и теперь она вела себя нарочито холодно и безразлично и ко мне, и к Лей-

ле. Лейла тоже по-своему чувствовала победу, как женщина это умеет чувствовать. Я ведь остался с ней и был с ней после Элизы. И потому она села рядом со мной и всем своим видом демонстрировала, что я принадлежу ей. Во всей этой тайной борьбе я чувствовал себя лишним. Я бы предпочел бороться сам, но совсем не был готов к обратному.

В зале было тихо. Я молчал, Элронд молчал. В этом была своя прелесть. Мясо на моей большой тарелке было изумительно вкусным. И я старался прогнать лишние мысли из головы.

– Может, пойдем уже сейчас? – спросил я Элронда, когда наелся.

– Ты же хотел остаться еще на пару дней? – удивился он. Я действительно хотел этого еще час назад. Но теперь понимал, что могу не выдержать. Повисла неловкая пауза, и я решил врать.

– Ты же говорил, что задержка нежелательна. Я решил идти прямо сейчас.

Элронд посмотрел на меня с удивлением, потом по очереди окинул взглядом Элизу и Лейлу. И, видимо, найдя какой-то ответ для себя, поддержал меня.

– Да, чем быстрее ты приступишь, тем больше шансов на успех. Пойдем провожу, – Элронд встал, и мы пошли по направлению к капилляру.

– Удачи тебе, Алексей, возвращайся, когда все закончишь, – произнесла Элиза. Она сказала это с очень странной

интонацией – холодной и теплой одновременно. Я обернулся и посмотрел на нее. Она была эльфийкой, существом, которое живет тысячи лет. Моя жизнь для нее стоит меньше, чем жизнь кошки для человека. Может быть даже существенно меньше. Чем-то я привлек ее, но оставался всего лишь человеком. Простым смертным, к тому же влюбленным в такую же простую женщину, которая сейчас сидит рядом с ней, почти Богиней. Лейла, всхлипнув, вскочила на ноги, подбежав, обняла меня. Я обнял ее в ответ.

– Элиза, Лейла, вы, пожалуйста, не ругайтесь из-за меня, – от всего сердца попросил я. – Простите меня, если я обидел вас чем-то или сделал все не так. Как говорил отец Фартин в Гаремах, я лишь тупое бревно, которое несут сейчас в дубовые ворота, и это бревно ничего не может изменить. Я обидел вас обеих и прошу у вас прощения. Я надеюсь, что, когда вернусь, вы будете подругами.

– Да будут, не переживай. Давайте без долгих проводов, не так уж далеко ты в этот раз идешь, – грубо перебил мои сентиментальные излияния Элронд. Лейла отпустила меня, я вошел в капилляр и вышел внизу Древа на поляну.

– Уж не знаю, что ты сделал с Элизой, но она сегодня в настроении, спасибо. Думаю, все будет хорошо. И еще спасибо за то, что порадовал внуком на старости лет. Пусть даже и полуэльфом.

– Да не за что, я тут последний, кто хоть как-то на это повлиял.

– Ладно тебе, не преуменьшай своих способностей. Да, ты не видишь всей картины мира, как не видит ее никто из людей. Но ты чист сердцем и откровенен в своих намерениях и желаниях. Поэтому Элиза и полюбила тебя, как может полюбить эльфийка человека.

– А они могут любить?

– Не юродствуй, могут и умеют любить. И, поверь, теперь ты до конца своих дней будешь под ее присмотром. Она всегда будет за тобой следить, ты будешь встречать ее в самых неожиданных местах и в самое неожиданное для себя время.

– Да уж, – сказал я, вспомнив ее прикосновение к моей ягодице пару часов назад, – я сегодня уже встретил ее неожиданным местом в неожиданное время.

Элронд, видимо, понял, что я имел в виду, и весело засмеялся.

– Но ты действительно удивил меня. Ты украсил ближайšie тридцать лет моей жизни. Полуэльфы смертны. И живут хоть и дольше человека, но все же очень недолго в сравнении с эльфами. Мне будет приятно воспитывать твоих сыновей – и от Лейлы, и от Элизы.

– Как будто мое мнение в этом вопросе кого-то интересует. Я и отцом-то в обоих случаях стал, в общем-то, без предварительного согласия.

– Ты уже взрослый мальчик, знал же, что от секса бывают дети.

– О нет, то же самое мне уже говорила Лейла.

– Видимо, она мудрей тебя.

«Ага, все мудрей меня, а я один бревно на цепях», – подумал я и решил сменить тему, раз Элронд рад, что ему тут внуков перепало. Оставляю их в надежных руках. Меня же сейчас интересовал вопрос, как добраться до Канева и как найти Коляна.

– Так как мне добраться все-таки до Канева?

– Очень просто, на тараканах. Сейчас мы это устроим.

– Как на тараканах?

– Это будет, может, не очень приятная поездка, но зато быстрая. Они довезут вас до поляны, где вы с Коляном лагерь строили. А оттуда дальше ты сам. Николай сейчас заходит ко мне в гости, в мой мир, километрах в двухстах, найдешь его. И пусть он ко мне заглядывает время от времени, а то нехорошо – в мир мой ходит, а с хозяином не здоровается. Передай ему, что мне интересно то, чем он занят. И если он придет ко мне на пару дней, я ему помогу с тем реактивом, который он ищет.

– А чем он занят и о каком реактиве идет речь?

– Я боюсь, ты не поймешь. Он сам тебе все расскажет, если посчитает нужным.

Я уже привык к отношению Элронда ко мне как к слегка туповатому человеку. Переубедить его не представлялось возможным. Да и тараканы, которые уже ждали нас на краю поляны, полностью переключили мое внимание на предстоящую поездку.

– Они меня отвезут, да?

– Да. Поездка не очень комфортная, но очень быстрая. Дорогу они знают и доставят тебя в лучшем виде. Если уронят, то вернутся и поднимут. Но ты не переживай, доедешь без травм. Да, кстати, просьба – когда переоденешься, брось свой комбинезон сюда, они его мне привезут. Вернешься – отдам, нечего ему валяться. А то один ты уже погубил в Техно.

– Хорошо. Так и сделаю.

Перспектива поездки лежа на тараканах меня пугала и завлекала одновременно. Но, поскольку показывать Элронду свою робость перед гигантскими насекомыми было ниже моего достоинства, я смело подошел к шести ожидающим меня тараканам. Они выстроились в ряд таким образом, что образовалась площадка из панцирей. Я аккуратно и с опаской сел на крайнего таракана. К счастью, он уверенно выдерживал мой вес.

– Не бойся, выдержат и домчат тебя очень быстро. Я еще вчера их призвал, они тут паслись и ждали тебя.

– Ты уже вчера думал, что я уйду?

– Я еще месяц назад это знал. И год назад. Не важно, в общем. Я же вижу будущее.

– Тебе жить, наверное, скучно?

– Отчего же, забавно ведь наблюдать, по какому именно сценарию оно пойдет. Будущее ведь многогранно. Хотя, конечно, порядком уже начало надоедать, но ты вот мне взял и

внука подарил. Этот вариант я почти и не видел, а тут такой подарок. В общем, иди, Алексей, из этого путешествия ты вернешься совсем другим человеком. Ты и так очень сильно изменился за последний год, но это тебя сформирует до конца. Береги себя, не торопись с выводами и внимательно смотри на людей, которые тебя окружают. На всех людей, на каком бы языке они ни говорили и каких бы взглядов ни придерживались. Вы, люди, очень забавные существа. Вы не представляете, насколько сильно вы все похожи, но думаете о своей уникальности через одного. В общем, в добрый путь, Алексей. И лучше ляг посередине, они не должны разбежаться. Но голову не поднимай, а то ветка или еще что. Я так и не смог их научить смотреть на дорогу чуть выше уровня их восприятия. Чем-то эти тараканы похожи на вас, людей.

Прежде чем я успел сообразить, что Элронд при мне успел оскорбить напоследок весь род человеческий, платформа из тараканов пришла в движение. Поначалу они шли медленно, видимо, давая мне расположиться. Я послушался совета Элронда и лег на спину. И тут тараканы понеслись. Мне было сложно оценить скорость, с которой они двигались, но это было действительно быстро. Я лежал на спине и смотрел вверх, где проблескивало синее небо.

Вокруг меня кружился целый мир, словно разноцветный калейдоскоп сумасшедшего художника. Ветки всех цветов и оттенков проносились иногда буквально в сантиметре от мо-

его носа. Тараканы неслись по своим тараканьим тропам, и я очень надеялся, что нам не встретится ветка размером прямо с их панцирь. Не хотелось быть сбитым веткой на такой скорости – это могло оказаться для меня очень неприятным, если не смертельным действием. Я очень надеялся, что Элронд видел мое будущее и не хотел оставить своих будущих внуков сиротками. Хотя от него всего ожидать можно.

Солнце садилось, перед глазами мельтешила радуга, чуть-чуть качало, и я уснул.

Во сне на меня двигалось две толпы женщин, которые тянули ко мне руки и кричали: «Ты мой... ты мой... ты должен». Потом почему-то они превращались в тараканов и разбежались в разные стороны...

Проснулся я от того, что больно ударился о землю. Было очень темно, и я никак не мог понять, где я, сон это или явь. Когда память вернулась ко мне, я сообразил, что нахожусь в Радужном и что, видимо, только что закончил свое путешествие на тараканах. Они разбежались, оставив меня на той самой поляне, где когда-то была наша с Колянном нарколаборатория. Сейчас в ночи при свете луны на поляне виднелись остатки брезента и куча мусора. Но толком разглядеть это было невозможно. Поэтому я глянул в Родное, в котором также было темно, и перешел в том месте, где точно знал, что препятствий нет.

Глава 2. Старые друзья

Я смотрел на свое отражение в зеркале. Вроде бы знакомое лицо, но это был совсем не тот человек, который когда-то уходил из этой самой квартиры на работу. Я даже не сразу уловил, что во мне изменилось. Просто стоял перед зеркалом, внимательно смотрел на себя и никак не мог понять, в чем разница. Вроде бы все те же нос, рот, глаза... Может быть, дело в том, что я шесть месяцев не видел себя в зеркале? И просто забыл, как выгляжу? Нет, ерунда, я же брился в Гаремах, было у меня медное зеркало, которого хватало на то, чтобы видеть свою бороду. И кардинальные изменения я бы точно заметил. Может, дело в глазах? Точно, глаза! У меня изменились глаза, а точнее, взгляд.

Я приблизился вплотную к зеркалу и еще раз посмотрел себе в глаза. Так и есть, на меня смотрел взрослый мужчина. Я бы сказал, очень взрослый. Я смотрел сам на себя по-новому. Так, наверное, смотрит стрелок в амбразуру. Я оценивал свое отражение, как привык оценивать любого мужчину в Гаремах, где каждый мог стать противником. И именно оценивающий взгляд, который внимательно изучает каждую деталь в потенциальном враге, и был тем новым, что привлекло мое внимание в зеркале. Точно таким же взглядом на меня смотрел Змей в нашу первую встречу! Именно поэтому выражение моего лица изменилось. Возможно, как раз такой

взгляд отличает человека, который убивал, от невинных людей...

Ценность человеческой жизни в Гаремах была равна ценности ярлыка для доступа в сам гарем. Может, это и была одна из главных причин отсутствия святых в этом измерении. Стимул для духовного роста как такового отсутствовал. Была цель просто жить и получать, как высшую степень награды за свои труды, доступ в гарем. Вся пассионарность снималась на аренах. Поэтому войн практически не было. Люди селились в городах, и только редкие бандиты пытались выжить самостоятельно. Но и они не могли долго выдержать в таком режиме. Конечно, полноценно географию Гаремов я изучить не мог – такая дисциплина отсутствовала. Только из рассказов Сафия и Фартина я получил более-менее цельные представления о мироустройстве этого измерения.

В Каневской квартире был идеальный порядок – кто-то тщательно прибрался здесь после моего спешного ухода и поддерживал чистоту. Даже постельное белье было чистым и выглаженным. Чему я весьма удивился, когда пришел сюда вчера вечером, но не стал про это думать и лег спать. А вот утром снова вспомнил, как был здесь в последний раз, и теперь уже по-настоящему удивился.

Когда я пришел, ключи от квартиры лежали в почтовом ящике, куда я бросил их, уходя, как часто делал. Почтовый ящик был закрыт. Но, слегка нажав на одну сторону дверцы, я смог проникнуть в него. Входя в квартиру, я ожидал, что

тут будет дикая вонь, а электричества вовсе не будет. Но оказалось, что все в порядке. В квартире пахло просто квартирой – линолеумом, старой мебелью и паркетом. Кровать была застелена покрывалом, мои вещи выстираны и повешены в шкаф, счета, судя по наличию электричества, оплачены. В общем, за моей квартирой кто-то заботливо ухаживал. Или внимательно следил? Хорошо бы понять, кто.

Утро вечера было определенно мудренее – голова была свежей, мысли – ясными. Я умылся и думал, как поступить дальше. Найти Коляна было несложно – достаточно выйти в сеть и написать через «Телеграм». С помощью своего коммуникатора я мог давно это сделать – еще возвращаясь из Техно через Россию, я смог настроить под вай-фай и даже взломать телефонную сеть GSM. В общем, все системы связи в Родном мне были доступны. Проблема в том, что в моем родном городе и собственной квартире я мог позвонить только через сотовую связь. Но канал передачи данных был очень плохим, и «Телеграму» не хватало его, чтобы установить связь с необходимыми точками. Поэтому я решил просто прогуляться по городу и посмотреть, что в нем изменилось за год.

С большим сожалением я снял эльфийский комбинезон, который носил, практически не снимая, в течение последних шести месяцев, и надел обычную одежду. Тело возмущалось – ему была неприятна хлопчатобумажная ткань. Она казалась слишком грубой после живой материи комбинезона. Но

других вариантов не было. Преодолев собственное сопротивление, я выбросил комбинезон в Радужное, помня, что Элронд обещал его подобрать. Правда, сделав это, я вдруг вспомнил, что неподалеку поле с комапауками, и тараканам Элронда выходить на это поле совсем нельзя. Но Элронд сказал, что переодеться и перебросить одежду будет надежней. И я предпочел поверить ему. «Может, комбинезон так и проваляется до моего возвращения в болоте, и ему будет там действительно лучше? Нужно будет не забыть проверить, когда вернусь», – подумал я.

Я ничего не ел со вчерашнего дня и был голоден. В принципе, это было привычным состоянием – в последние полгода поесть один-два раза в сутки было нормальным положением дел. Как и то, что приходилось довольствоваться тем, что есть в наличии, а не выбирать, что хочется. К изысканной кухне эльфов я не успел привыкнуть, так как в этот раз перед новым приключением провел в гостеприимном древе Элронда всего три дня.

С едва теплящейся надеждой я открыл отключенный холодильник. И – о чудо! – на полке стояли консервы! В кухонном шкафу нашлись чай и макароны. Это ли не волшебство? Я поставил чайник и кастрюлю на огонь, открыл консервированное мясо и стал ждать. Все-таки современная квартира – это восторг! Не нужно разжигать печь, чтобы разогреть воду, в любое время дня и ночи можно просто воспользоваться удобным туалетом. Какое счастье иметь возможность

провести в нем столько времени, сколько хочется, в удобной задумчивой позе, не вспоминая об этой процедуре как о чем-то крайне неприятном, не ограничивая себя собственной способностью терпеть ужасную вонь. Оказывается, мы тут, в Родном, счастливые люди! Мы можем себе позволить наслаждаться столькими дарами цивилизации! Но многие ли из нас ими наслаждаются и ценят сэкономленное время?

В Гаремах ранний подъем был жизненной необходимостью. Самого понятия – поваляться в кровати – как такового не было. Ну разве что после турнира. Но это еще нужно было заслужить. А мы в Родном? Сколько я тут слышал воя, что в выходные выспаться не получилось? Да некоторым жителям Гаремов, например, выходной еще заслужить нужно. И то от обычного дня он будет отличаться только необходимостью утром пойти в церковь. Я, правда, от этого ловко избавлялся завтраками с Фартином, но совсем избежать участия в богослужениях не удалось. А уж о том, чтобы иметь два выходных в неделю, и вовсе речи не шло.

Я даже думал: а что если человечеству дать возможность проводить отпуск в условиях средневековья? Ограничить доступ к благам цивилизации, скажем, на месяц без возможности прервать его. Чтобы научиться вновь ценить горячую воду из-под крана и холодильник на кухне. По-моему, после такого отдыха человечество станет сильно счастливее, хотя в процессе, скорее всего, будут стоять плач и скрежет зубовой.

Примерно с такими мыслями я сидел в своей милой шестиметровой кухоньке и наслаждался возможностью вот так запросто вскипятить воду и забросить туда гениальное изобретение человечества – макароны. Рядом со мной стояло еще одно гениальное изобретение – тушенка. Я предвкушал поедание очень простого и вкусного блюда под названием «макароны по-флотски» и получал от этого какое-то феерическое удовольствие. Словно был лишен его всю жизнь. Хотя было время, когда ел это блюдо как минимум раз в неделю, а то и чаще. Жаль, что пельменей не было. Их бы я сейчас съел, приправив майонезом и кетчупом, с не меньшей охотой.

С удивлением я понял, что мечтаю о том, как помою посуду после трапезы. Настолько меня радовало бесконечное количество воды в кране и отсутствие необходимости таскать ее самому из колодца. Конечно, в Гаремах у меня всегда была прислуга. Воду мне натаскивали в бадью и печку топили почти всегда без опозданий. Но тут не зря присутствует слово «почти». И были случаи, когда я просыпался от холода и топил печь сам. И за отсутствующей водой сам ходил...

Так сидел я в своей крошечной однокомнатной квартире в маленьком городе Канев, наслаждался благами цивилизации, а в окошко светило майское солнышко, и славно пели птички. И тут я услышал голос пробудившейся лени, которая начала нашептывать, что никуда мне не нужно, что я нашел райское место, где можно остаться навсегда. Может,

найти сейчас Наталью Петровну, опять попроситься к ней на работу и продолжить свою простую счастливую жизнь, какой я жил два года назад, без всяких соседних измерений? Ведь возвращаются люди с войны и живут себе дальше? Потихоньку переведу сюда Лейлу, будем растить ребенка.

Я думал об этом, но что-то внутри протестовало. Я же помнил свою жизнь до начала приключений! За эти два года я прожил словно две жизни и уже никогда не смогу вернуться к прежнему существованию. Я хотел жить, а это значит – я хотел движения и воздуха. Мне нравилась сама жизнь, я перестал жалеть о потере умения пьянеть – сама жизнь пьянила меня лучше любого допинга.

Элронд отправил меня в мир, воплотив мое желание помогать людям. Я понимал, что сделал он это только для того, чтобы помочь мне самому. И поэтому хотел ему что-то доказать – что я справлюсь, что он не прав относительно меня. Но что-то уже сейчас подсказывало мне, что из этой миссии я не вернусь победителем. В любом случае я должен попытаться, а там будь что будет. Нужно будет попросить Элронда отправить меня в отпуск в какой-нибудь мир типа Техно, но чтобы люди были живы и здоровы. Чтобы мы с Лейлой чудно провели время в каком-нибудь отеле. Хотя что мне мешает в Родном заработать денег и отвезти Лейлу с ребенком в ту же Турцию? Там ей будет комфортно, почти как в ее Гаремах.

Макаронны сварились. Я достал сковородку, вывалил в нее тушенку и, недолго думая, бахнул туда все макароны. По-хо-

рошему их бы промыть, но лень победила. К тому же я был слишком голоден. Полная сковородка еды казалась мне сейчас вполне достойным объемом, который способен утешить мой желудок. И тут я услышал, что дверь в мою квартиру открылась и кто-то вошел. Страх не было – почему-то я не боялся ничего, хотя был без оружия. Я выглянул из кухонной двери и увидел Виктора Сергеевича. Он улыбнулся мне и сказал:

– Алексей, приветствую, можно к тебе в гости?

– Здравствуйте, Виктор Сергеевич! Проходите, конечно!

Рад вас видеть.

– Алексей, давай или Змей, или Витя – без выканья и званий. Мы прошли с тобой огонь, воду и медные, так сказать, трубы, – сказал он, улыбаясь своей змеиной улыбкой. – Можно присоединиться к твоему завтраку? Угостишь чаем старого товарища?

Было радостно от появления Анаконды – так продолжал я звать про себя Виктора Сергеевича. Я был уверен, что встреча с ним ничем мне не угрожает.

– Конечно, Змей, рад тебя видеть! Проходи, садись, я вот хотел из сковородки прямо. И чайку, ты не против?

– Конечно, нет! Тушенка с макаронами – это ведь мечта холостяка. Ты-то как, нашел себе кого? Или Элиза, может, вернулась?

– И нашел, и вернулась, поэтому я тут. Долгая история.

– А ты куда-то торопишься?

– Не то чтобы тороплюсь – я иду опять по поручению Элронда. Только в этот раз вроде по своему желанию. Хотя тут до конца не поймешь, куда я иду и по чьему желанию. В том мире, где я был последние шесть месяцев, один старик назвал меня орудием, которым пробивают ворота. Что я эффективен, но слеп и глуп. Обидно, но, видимо, это правда.

– А где ты был? Расскажи подробнее, мне так интересно. Я-то тут жучка поставил, ты прости старика. Ждал твоего возвращения, чтобы рассказ твой услышать. Заодно квартиру твою в порядок привел, ты не против?

– Нет, конечно. Я, возвращаясь, боялся, что у меня тут уже тараканий рай, не меньше. Уходил-то – такой бардак был, а пришел – все чисто, продукты даже есть. Спасибо хотел тебе сказать, – перейти на ты было просто – когда-то мы с ним порядочное время были на ты.

– Ну вот и славно. Я и за квартиркой Коляна тоже слежу, все счета ваши оплачиваю. Да и за ним самим поглядываю, чтобы не натворил чего лишнего. Но он молодец, быстро учится. Ну, рассказывай: где был, что делал...

Я налил чай, поставил сковородку на стол, достал две вилки и сел. И, с упоением поедая немного остывшие макароны, начал свой рассказ про Гаремы. С того места, как бил меня Элронд, обучая держать оружие. Анаконда слушал, время от времени посмеиваясь на тех моментах, которые теперь казались смешными. Потом становился серьезен и опять смеялся. Иногда переспрашивал.

– И что, Милл реально стал хирургом?

– Не просто хирургом, а главным врачом, по сути.

– Удивительно – кастрированный мужчина, который не потерял интерес к жизни. Это гениальная личность!

Когда я заканчивал свое повествование, дело шло к обеду.

Я рассказал о своей встрече с Элизой, о том, как они сошлись с Лейлой, и глаза старика вообще вылезли на лоб.

– Она решила от тебя родить? Чем же ты ее так зацепил?

Я думал, что мужчины ее интересуют только с определенной целью. Ее власть над мужчинами, сказать по-честному, меня лично пугала. Так-то, конечно, ты нанес серьезный удар по ее самолюбию, понимаю, за что она тебе так отомстила. Но, думаю, Лейле твоей ничего не угрожает. Она привыкла к женскому обществу, да и Элронд, уверен, поможет ей во всем.

– Я тоже так думаю. Элронд так и сказал: пройдет время, вернешься – и все образуется.

– И куда же ты сейчас собрался?

– Да мы, как всегда, с Элрондом дискутировали на повышенных тонах, и я сказал, что хочу помогать людям. Он пробурчал что-то вроде того, что помогать нам бесполезно. И в итоге предложил мне сходить в измерение, зеркальное с нашим, но с хронодвигом. Сказал, что там идет Вторая Мировая, и это отличное место, чтобы понять, могу я ли помочь людям. К слову, в Техно он меня отправил после того, как я сказал, что если бы человечеству дать триста лет без войн,

то оно достигнет небывалых высот.

– Да каких там высот, оно просто вымрет!

– Ну, в Техно церковники довели все до абсурда.

– Думаешь? Я бы не был так уверен. Кстати, я почему жучки поставил у тебя? Опасался, что ты вернешься и решишь помогать в Родном необдуманно. И натворишь всяких ненужных дел. Элронд прав – сходи туда, куда он послал. Думаю, тебе это действительно будет очень полезно. Но по возвращении найди меня, пожалуйста, и сообщи, как и что у тебя получилось.

Меня раздражали слова Анаконды. Хоть я и начинал понимать смысл сказанного.

– Ладно, Змей, я обязательно сообщу, когда вернусь. Пойдем, может, где пообедаем. И мне нужно ехать к Коляну. Поможешь?

– Да, конечно, Арсен тебя отвезет. И пообедать сейчас сходим в одно место рядом.

– А у тебя-то как дела?

– Да какие дела у старика могут быть? Живем и крутимся помаленьку. Бог дал мне неожиданно еще несколько лет жизни, и я хочу, как и ты, прожить их с пользой для человечества. Начну с себя и близких мне людей, а там как пойдет.

Виктор явно темнил. Старый разведчик что-то не договаривал, но по опыту прошлого общения с ним я понимал, что если Анаконда молчит, то расспрашивать бесполезно. Мне было приятно иметь такого человека в союзниках и почти в

друзьях. Близким другом, конечно, я не мог его назвать. Да и дела, которыми он занимался тут, не совсем мне нравились. Хотя рассказ Виктора о том, почему и как он пришел к этому, немного оправдывал его. Но, если подумать, я и сам был в похожей ситуации. Змей-то хоть ради своих людей этим занимался. А я исключительно ради выгоды.

– Спасибо, Виктор. Сейчас посуду помою и пойдем.

– Оставь, Клава все уберет.

– Клава?

– Соседка твоя, баба Клава. Выше этажом живет.

– Да знаю я ее.

– Ну ты же не думал, что я сам тут у тебя полы мою?

– Нет, конечно, не думал.

– Это она следит за порядком – у нее и твои ключи есть, и от Колиной квартиры.

– Даже не знаю, как отблагодарить тебя.

– Ты, сам того не ведая, уже отблагодарил меня, – сказал Виктор, показывая свое запястье, где был закреплен сканер.

Мы вышли из квартиры, внизу ждала огромная машина, «Шевроле Тахо». А около двери стоял огромный Арсен. Увидев меня, он удивленно поднял бровь. Но больше ни один мускул не дрогнул на его суровом лице. Арсен молча открыл заднюю дверь, я робко скользнул туда, а рядом сел Виктор. Я старался даже про себя называть его именно так, хотя иногда проскальзывало его другое имя – Анаконда. А вот армейская кличка Змей мне совсем не нравилась. Как

только мы устроились, он обратился к Арсену:

– Нас в «Магнолию», пообедать. А потом отвезешь меня домой, а Алексея – к Николаю. И, пока мы обедаем, найди ему одежду теплую времен Великой Отечественной. Сапоги, шапку, ватник – он у нас в кино сниматься будет, нужна полная идентичность.

– Хорошо Виктор Сергеевич, а ППШ нужен?

– Не думаю – на месте найдет. Или нужен тебе ППШ?

«Нужен ли мне пистолет-пулемет? – я задумался. – Все-таки иду во времена, где нужно уметь стрелять. Наверное, нужен».

– Вроде да, а что, есть возможность достать?

– Этого добра на складах завались, – ответил Арсен. – С патронами сложно – такой калибр лет пятьдесят не производят. А то, что в цинках, все осаленное. Но попрошу подобрать пару магазинов. Осечки, конечно, будут. Но тебе ведь для съемок, только пошуметь?

За меня ответил Виктор Сергеевич:

– Да пошуметь, конечно, но ты все же поищи патрончики получше. К копателям сходи – они переснаряжают патроны. Ты им цинки поставь, а они тебе проверенные. Нормально будет. А еще аптечку походную тех времен найди. И так, разное по мелочи, для полноты образа.

– Слушаюсь, Виктор Сергеевич.

Машина остановилась у невзрачного кафе «Магнолия». Я видел его и раньше, но всегда считал, что кафе не сто-

ит той вывески, под которой расположено. Внутри оказалось неожиданно интересно. Вернее, сначала было помещение, как я понял, для простых смертных. Оно и выглядело как обычная забегаловка, в которой всегда страшно есть даже бутерброды. Но, пройдя через кухню на второй этаж, я с удивлением обнаружил шикарные апартаменты с кабинками. Всего кабинок было четыре, две были занавешены, а одна ждала нас. Стол был уже накрыт – на нем стояли салат и зелень, на четыре персоны. Мы сели с Виктором по обе стороны, а неизвестно откуда взявшийся официант закрыл шторы. Видя мое изумление, Виктор улыбнулся и сказал:

– Должно же быть у отцов города место для уединения и переговоров. Не все ты про свою родину знаешь! Вот вернешься когда, решишь подольше побыть у нас, я тебя еще и в баню свожу городскую.

– В этот гадюшник?

– Там далеко не везде гадюшник. Нужно знать правильные пути и правильного банщика. В общем, решено: в следующий твой приезд ходим, с людьми тебя заодно познакомлю. Как ты к бане относишься?

– Позитивно!

– Вот и отлично. Ты ешь, ешь.

Еда, кстати, была без изысков. Обычная домашняя еда. Но в этом, видимо, и была ее ценность. Я съел салат «Мимоза», борщ и картофельное пюре с рыбкой на второе. Эти простые, с детства знакомые и превосходно приготовленные

блюда привели меня в восторг. Я уже и забыл, когда так вкусно ел в последний раз. У Виктора зазвонил телефон, он поднял трубку, выслушал, произнес «отлично» и положил трубку.

– Давай по чайку и поедем, – обратился он ко мне. – Арсен уже достал все, что тебе понадобится. Экипируем тебя в поход по полной.

– Замечательно! Если честно, мне так неохота куда-то ехать, снова быть орудием без мозгов и глаз. Так неприятно ощущать себя пешкой в чужой игре!

– Зато, пройдя через поле, попадешь в ферзи. Если выживешь, конечно. Элронд мудр, стоит к нему прислушаться. Он все видит наперед, насколько я понял. Я бы с удовольствием поменялся с тобой местами, да стар уже. Даже несмотря на наличие волшебного сканера из Техно, мне не так уж долго жить осталось. Так что живи, Леха, постигай смысл этого слова – жизнь! Учись ее ценить. Ты ведь стал мужчиной! Ты уже не тот мальчик, который висел у меня в подвале на крюке, хоть я тебя тогда и недооценил. Ты стал мудрее и намного старше. Очень немногим людям в жизни выпадает шанс просто проснуться и понять ценность жизни. А тебе он выпал, хотя, конечно, довольно мистическим образом.

– Да я все время про это думаю! Вот сегодня утром в квартире пришел в восторг от простой возможности легко набрать воду в кастрюльку, чтобы макароны сварить.

– Да, человечество привыкло к хорошему и перестало

быть счастливым, за редким исключением. Но с этим ничего не сделать, такова суть человека. Мы с тобой видели, к чему приводит всеобщее ожирение человечества. Поэтому люби жизнь, Алексей, и не давай себе зажиреть.

– Спасибо за совет. Ну что, поехали?

– Поехали. Ты ведь в Черкасской области будешь заходить в измерение с хронодвигом?

– Где-то там.

– Около Будищ, в лесу, ищи наших. В самих Будищах немцы, туда не суйся. Николай в четырех километрах от них находится. Но все зависит от года, в который ты попадешь. Вот и все, чем мог, я тебе помог.

– Спасибо, Виктор Сергеевич! Вы мне очень помогли. Я рад нашему знакомству, несмотря на то, что произошло оно при весьма странных обстоятельствах.

Мы засмеялись. Каждый, видимо, вспомнил что-то свое. А потом просто спустились в машину и поехали. Арсен все еще с удивлением поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Но даже когда Виктор вышел из машины, вопросов не задавал. Видимо, считал меня каким-то секретным агентом, задавать которому вопросы было неправильно. Да и сам он был весьма секретным товарищем, так что еще неизвестно, что он думал на самом деле.

Ехать нам было три часа, и я решил, пока есть связь, написать Коляну. Запустил приложение «Телеграм» на коммуникаторе и отправил сообщение: «Привет, Колян. Буду у тебя

через два-три часа. Нужна твоя помощь». И буквально через секунду получил ответ: «Привет, Лехич! Как это – будешь у меня?».

«Меня везет к тебе Арсен, человек Виктора Сергеевича, он знает, где ты, – ответил я. – Это была моя просьба».

Видимо, сам факт того, что его местоположение кому-то известно, сильно удивил Коляна. Так как в следующем сообщении были одни смайлики с широко открытым ртом. Я же в свою очередь удивился тому, что Колян не знает об осведомленности Виктора:

«Я думал, вы с ним общаетесь. Он о тебе так хорошо отзывался».

«Мы созванивались пару раз, но я думал, что он не знает, где я и чем занимаюсь».

«Оказывается, знает».

Тут мы въехали в очередную область, где доступа к каналу передачи данных не было. На коммуникаторе высветился маркер, что сеть 3G отсутствует. Мое последнее сообщение зависло в непонятном статусе – то ли отправлено, то ли нет. Но прошло немного времени, и пришел ответ:

«Я расстроен. Я был уверен, что не под колпаком, специально уехал из Черкасс в пригород и спокойно тут работал. Видимо, я не все знаю. Приедешь – расскажешь. Через сколько будешь?».

– Арсен, когда мы будем на месте?

– Часа через два примерно.

Я ответил Коляну, а он спросил, топить ли баню к моему приезду. Конечно, я был только за!

Виктор Сергеевич тоже пообещал мне баню в следующий приезд. Но когда это еще будет! Колян же ждет меня уже сегодня. Вечер обещал быть приятным. Немного смущало ожидание встречи с Лилей, но я надеялся, что у нее уже не осталось обид. По идее, Колян уже должен был стать отцом. «Что, интересно, у него там вообще происходит?», – думал я.

И тут вдруг Арсен вывел меня из задумчивости:

– Если бы я не знал, что это невозможно, точно подумал бы, что Виктор Сергеевич тебя на Великую Отечественную собирает. Найти сапоги диверсанта, заложить в каблук капсулу с документами – как-то это уже многовато для съемок и исторической реконструкции.

– Какую капсулу? – удивился я.

– О, да я же тебе должен был это сообщить. Смысл в том, что у тебя есть документ в правом сапоге. Ты капитан Красной Армии Алексей Сергеевич Бурда. По легенде заброшен в тыл противника для совершения диверсий и внедрения в партизанский отряд. Я же говорю – для реконструкции это слишком. Но вопросов не задаю. Хотя ты вообще мистическая личность – Змея нам вернул обновленного, здорового! Мы-то его уже похоронили, отпели, думали, все... И тут он появился – сильный и крепкий!

Я не знал, что ответить Арсену. Говорить ему правду нельзя, да и не поверит. К тому же, если Виктор ему не стал

рассказывать, мне тем более не стоит.

– Прости, я не имею права раскрывать тебе детали операции. А за документы спасибо, оперативно сделал.

– Да там делать нечего – на принтере распечатали и все. Бумагу только поискать пришлось, нельзя было печатать на современной бумаге. Но это не так сложно. Я больше спрашивать не буду. Один только вопрос, если можно.

– Не буду обещать ответить, но задавай.

– Чем вы ребят вырубили тогда в лесу?

– Не могу рассказать, Арсен.

– Да, я понимаю. Злая штука. Из пятерых в итоге только один и выжил!

– Как?! Это же было не смертельное вещество. Почему только один выжил?

– Четверо в течение шести месяцев покончили с собой, один за другим. Один выжил только потому, что у него трое детей, но и он до сих пор на грани. Что-то странное вы им врубили. И, кстати, наркоманов в Каневе тоже покосило – за год больше пяти тысяч человек на тот свет отправилось.

Вот это да! Это мы с Коляном виноваты в стольких смертях? На душе стало очень тяжело, почти невыносимо. Может, поэтому Виктор Сергеевич приехал, чтобы узнать, не намерен ли я снова наворотить дел в родном городе. И с радостью меня проводил на новое задание. Прав был Фартин: ни глаз, ни мозгов нет у меня. Ох как прав! И как же тяжело себе в этом признаться. Слава Богу, Арсен больше не зада-

вал вопросов, а я молчал, погрузившись в невеселые мысли.

Мы съехали с основной дороги и направились по весенней грунтовке. У нашей машины была прекрасная подвеска, благодаря чему даже на серьезных ухабах практически не трясло. Хоть наши дороги и были лучше средневековых, но не намного. Минут двадцать мы ехали по пролеску, где леса сменялись полями, поля – лесами и небольшими хуторами из пяти-шести домов. Пока не въехали в деревню побольше – с магазином, автобусной остановкой и даже церквушкой. Особо красивых домов я не видел. Арсен уверенно рулил через деревню и остановился почти на самом краю, около перекошенного старого домика с тремя окнами. Потом вышел из машины, открыл мне дверь и сказал:

– В багажнике сумка, там все твое. ППШ с магазинами на дне. Но патроны все-таки не очень, будет возможность – поменяй. Да еще пружина во втором магазине на ладан дышит, собачка там плохая, соскакивает, пока заводишь. Я хотел еще тебе пару гранат взять, но слишком уж они древние, не решился.

– Спасибо тебе, Арсен. И Виктору Сергеевичу от меня передай благодарность. Извини, что так с твоими ребятами вышло.

– Да ладно, действуй. Я не знаю, чем ты занят, но, судя по всему, чем-то очень важным. Уже одно то, что ты не убил их на месте, было благородно с твоей стороны.

Арсен, судя по всему, был не таким уж плохим челове-

ком. Каждый раз меня поражали подобные открытия. Встречаешь, например, кого-то вроде Анаконды. Ну стопроцентный злодей ведь! А потом вдруг выясняешь, что он человек. Настоящий, с заботой о ближних. Но есть целая куча объективных обстоятельств, делающих его злодеем в глазах людей. Да что тут говорить, я ведь сам в Родном, получается, тьму людей погубил! Тоже злодей. В Техно меня чуть не линчевали, едва сбежал. Вошел в историю едва ли не как дьявол. Немного больше повезло в Гаремах – может, хоть там обо мне будут вспоминать хорошо. Хотя еще неизвестно, к чему на самом деле приведут мои действия в Гаремах, если вспомнить слова Элронда. Чем дольше я живу, тем меньше понимаю, что же есть добро и что есть зло.

Арсен достал из багажника большую спортивную сумку. Как я понял, достаточно тяжелую, и вручил мне ее. Я поднял... Да, вес у нее был приличный.

– Вот твоя калитка, – сказал он. – Николай с Лилей тут. А я поехал, бывай.

Арсен протянул мне руку, и я ответил ему крепким рукопожатием. Мои кисти после шести месяцев регулярных занятий на мечях и с копьем были по-настоящему сильными. Я увидел, как правая бровь, видимо, отвечающая у Арсена за удивления, слегка взлетела вверх, когда он почувствовал мою силу. Довольный своим наблюдением, я взял сумку и пошел в калитку.

Во дворе стояла пустая собачья будка, в дальнем углу –

маленький сруб и, видимо, баня. Слева от бани был какой-то сарайчик. Дорожка от калитки шла прямо до бани. В доме, как и во дворе, никого не было видно. Я открыл дверь и вошел в полог. Запах хлеба ударил мне в лицо – здесь явно была корова. Вот это да! Колян стал настоящим деревенским жителем? Низкое грудное мычание стало ответом на мой вопрос. Я прошел по темному пологу и открыл дверь, обитую дерматином и ватой. Дверь не поддавалась с первого раза, я потянул второй раз, уже сильнее. И тут она так распахнулась, что я чуть не ввалился вовнутрь. Оставив сумку у двери, засунул голову в дом и позвал:

– Хозяева, есть кто дома?

– Тихо, Алексей! – на меня налетела Лиля, агрессивно жестикулируя и давая понять, что мне нужно молчать. Оттолкнула меня от двери, надела сапоги и выскочила в полог.

– Прости, пожалуйста, только Асю уложила. У нее зубки режутся, совсем не спит. Мы по дому на цырлах бегаем, только бы не разбудить. Ты надолго к нам?

– Нет, ненадолго. Думаю, завтра утром уже отбуду, – Лиля явно вздохнула с облегчением от того факта, что я у них не задержусь. Но вслух сказала:

– Очень жаль. В следующий раз предупреди хотя бы за пару дней о приезде, чтобы мы тебя при параде встречали. А то как снег на голову свалился. Да и в прошлый раз тоже.

– Да тут не все от меня зависит. Так выходит. А где Николай?

– Он или в бане, или в сарайке своей. Баню топит – воды натаскал, говорит, париться будете. Вещи твои пусть тут по-лежат. Я тебе чистые приготовила – размер-то у вас один.

– Спасибо большое, – я чувствовал, что мне тут и рады, и не рады одновременно. Улыбаются и приветствуют, но вместе с тем хотят, чтобы ушел. Странное это было чувство.

– Пойду найду его. Переночую сегодня у вас, а утром отправлюсь.

– Ночуй, конечно. Мы всегда тебе рады, ты же знаешь. Для Коляна ты почти как брат.

Ох уж эта дежурная вежливость! Я развернулся и пошел к выходу. Прошел по дорожке налево и заглянул в баню. Печка топилась вовсю, запах горелых дров и разогреваемой русской бани приятно защекотал мои ноздри. Банька была что надо! Бревенчатое строение четыре на четыре метра с мокрой парилкой. В предбаннике небольшой столик, на нем электрический самовар. В общем, настоящая колоритная русская баня, со всеми атрибутами. Только самовар электрический. Что, конечно, немного расстраивало, но, с другой стороны, облегчало жизнь – не нужно бегать с ним по улице, можно сразу сесть и пить чай.

Я закрыл дверь и пошел в сарай. А когда подошел ближе, заметил, что на самом деле он представляет из себя цельно-металлическую сварную коробку, оклеенную сверху пленкой с рисунком под доски. В двух шагах от него казалось, что это обычная деревянная сарайка. И только при более близком

рассмотрении становилось понятно, что это огромный сейф.

Дверь была закрыта изнутри. Я попробовал постучать в нее, но рука больно ударилась о железо, не издав практически ни звука. Я посмотрел внимательнее и увидел звонок рядом с дверью, явно с видеокамерой. Нажал на него, и почти сразу в скрытом динамике радостно захрипело:

– Леха, мать твою! Ты уже приехал!

– Ну да.

– погоди!

Пару минут было тихо, потом раздался звук откидываемого запора, еще одного. И дверь открылась. Я увидел белое лицо Коляна. Белое оно было в прямом смысле – как бумага. Видимо, он провел в темноте порядочно времени.

– Заходи, Лехич!

Я перешагнул порог, и Колян от души обнял меня обеими руками.

– Рад тебя видеть! Я все мечтал добраться до Элронда, спросить, куда ты пропал. Но было некогда. И тут ты собственной персоной! Ты по делу или просто в гости?

– К сожалению, по делу, но хотел бы просто в гости. Нужно, чтобы ты мне путь открыл в измерение, которое внизу.

– Туда? – спросил Колян, показывая пальцем вниз. – А что там?

– По словам Элронда, там измерение, зеркальное нашему, с хронодвигом лет на семьдесят-восемьдесят. В общем, там сейчас вроде бы Великая Отечественная идет.

– Ух ты, как интересно! Открыть открою, конечно, это не сложно. Пирамидку я сделал и в Радужное проход регулярно открываю. Я тут исследованием одним занимаюсь, расскажу, если будет интересно.

– Интересно, но лучше потом. Сейчас бы в баньку! Я заглянул – аж сердце защемило. Ты даже не представляешь себе, где я провел последние полгода...

Внутри железного шкафа было достаточно уютно. Тут была самая настоящая лаборатория. Причем довольно большая. Во всяком случае, существенно больше, чем казалось снаружи. В ней царил самый настоящий творческий беспорядок, который напомнил мне мою квартиру тех времен, когда мы с Коляном барыжили плодами. Кроме того, видимо, существовал еще второй этаж – справа от входа я заметил лестницу, ведущую вниз. Проводив мой взгляд, Колян объяснил:

– Там такое же помещение, как и здесь. Это бункер, мне сварили по заказу и вкопали на месте старого сарайчика. А я оклеил его пленкой. Вообще я тут все по ночам делал, чтобы никто не просек. А оказывается, у Виктора Сергеевича все на виду.

– Он говорит, что внимательно за тобой следит, ему интересна твоя работа. Кстати, и Элронд сказал то же самое и попросил тебя прийти к нему за реактивами. Говорит, что может тебе помочь, – у Коляна отпала челюсть.

– Эээ... Элронд знает, чем я тут занимаюсь?

– Он мне так сказал, я дословно тебе передал.

– Этого не может быть! Но я все же схожу к нему, раз зовет. А сколько, кстати, до него ехать?

– Часа три примерно.

– Понятно. Вообще-то ничем особенно противозаконным я не занимаюсь. Кое-какие реагенты на поток поставил, чтобы денежка была, но они все из разрешенных. А что с ними потом делают, меня не касается. А с плодами я завязал, слишком опасные они, как оказалось. Мы с тобой дел, конечно, наворотили по незнанию.

– Да, Арсен мне сказал. И Виктор прибежал, как только я в квартиру вошел. Кстати, он за нашими квартирами следит, счета наши оплачивает и тетю Клаву нанял, чтобы она убиралась.

– Отлично! А то я все думал, что у нас там долги. Нужно будет продать те квартиры. Мне тут в деревне так хорошо, и Лиля тоже довольна. Корову вот уговорила меня купить – Асю свежим молочком поит. Мы тут как короли деревенские – на вид все простенько, но все есть, что нужно человеку.

– Да я уж заметил, какой у тебя тут сельский рай.

– Ладно, пойдем отсюда, все равно уже работать сегодня не буду. Линзу завтра с утра откроем, на краю участка как раз проходит большая мощность, быстро откроется, минут за двадцать, не больше. Ночевать будешь у меня, здесь вполне уютно.

Колян показал на диванчик, который был завален всяким

хламом. Это, конечно, не эльфийская кровать, но мне не привыкать.

– Ты не думай, я о тебе забочусь. Сам тут через день дрыхну – Ася по ночам сейчас спит еще беспокойно, и Лиля не против моих ночевок в лаборатории, я потом эффективнее работаю. Молодец она, люблю ее сильно! – Колян, произнося эту фразу, внимательно следил за моей реакцией. И я решил приоткрыть тайну моего приезда:

– Ты, Коль, за меня не переживай. У меня сейчас вообще, можно сказать, две жены – Лейла и Элиза. И обе от меня детей ждут, вот я и сбежал из Радужного.

– Элиза – это которая дочь Элронда? Ты тогда рассказывал, что она чпокается со всеми, с кем только может, а с кем не может, все равно чпокается.

– Она и есть. Оказывается, она решила родить от меня ребенка. Для них, эльфиек, это какой-то особенный выбор. Я вроде бы должен быть счастлив безмерно. А я с Гаремов Лейлу притащил, и она тоже беременная. Да и люблю ее по-настоящему. В общем, ад у меня там получился. Вот Элронд и сжалился.

– Расскажешь мне про Гаремы за чаем после бани? Жуть как интересно! А я тебе про свои исследования. Идем глянем, как там наша баня.

Мы вышли из сарая, Колян попросил меня подождать и убежал в дом. Я стоял на улице и разглядывал местность. Конец участка заканчивался небольшим полем, на котором,

видимо, сажали картошку, лук и что там еще принято выращивать в огороде. А за полем начинался сосновый лес. Красивые высокие сосны грациозно покачивались на ветру. Апрель в этом году был теплым, а весна ранней. Солнце припекало уже достаточно сильно, зелень перла отовсюду. И в течение недели-двух можно было сажать картошку.

Колян выбежал из дома и спросил:

– Леха, ты жрать сильно хочешь?

– Не очень еще, могу потерпеть.

– Ну хорошо, тогда после бани похаваем. Лиля там какой-то праздник прямо мутит. Это твоя сумка?

– Моя, там вещи.

– Лады, айда в баню!

Баня была уже на самом пике, мы проверили воду в кадке и жар на каменке. Колян заварил два березовых веника и посетовал:

– С березой в этой местности беда какая-то, чуть ли не за пять километров ходил в прошлом году, чтобы веничков навязать. Кругом сосны да ели, а я еловые веники не люблю. Чего стоишь, – прикрикнул он на меня весело, – давай самовар заряжай, чай завари – заварка в банке. Я пока парилку приготовлю и начнем.

Я с удовольствием послушался Коляна. Набрал в самовар водички из кадки, воткнул его в розетку, промыл фаянсовый заварник и стал ждать. Через пару минут самовар забухтел. Если поначалу у меня и было недовольство электрическим

самоваром, то сейчас я в очередной раз порадовался простоте превращения холодной воды в горячую. Я впал прямо в какое-то медитативное состояние рядом с закипающим самоваром. Колян вышел из парилки и сел рядом.

– Прикинь, Коль, как реально круто, что так просто можно вскипятить воду. Я даже не думал, какое это огромное достижение человечества, пока не лишился. В Гаремах ведь все еще средневековье – ни электричества, ни воды горячей так просто не добыть. Хоть я там и оставил кое-какие технологии, больничку им построил...

– Больничку, ты?

– А как иначе? Они там от каждой царапины на тот свет отправлялись, научил их бинтами да йодом пользоваться. Ну, еще самогон варить.

– Самогон?! Ну, Леха, ты бы их еще там траву курить научил!

– Ты не понимаешь! Мне нужно было что-то для обработки ран, я и придумал самогон варить для этого дела. А они по моему чертежу аппарат размером с паровоз построили. Мастер Кий так разошелся, что спился наглухо. Пришлось его кодировать.

На этой фразе улыбку с лица Коляна как ветром сдуло. Он вдруг стал очень серьезным:

– И как ты его закодировал?

– Да там не я, там Милл. Я только подсказал, что есть грибы-навозники, пожрав которые, с алкоголя блюешь дальше,

чем видишь. Он и подстроил Кию сценку мистическую, так что у того чуть крыша не поехала на религиозной почве. И грибами его теми накормил. Тот к бутылке больше не при-трагивался.

Я ожидал, что Колян от моего юмористического рассказа как минимум будет ржать. Или хотя бы хихикать. А он почему-то стал угрюмым и грустным. Он встал и начал раздеваться, думая о чем-то своем. Я присоединился к нему, и мы зашли в парилку. Колян, все еще не выходя из задумчивости, сказал:

– Первый раз без веничков, погреемся только, а потом уже я тебя отделаю.

– Ты что набычился-то вдруг?

– Да ничего. Моя работа как раз направлена на поиск лекарства от алкоголизма, я исследую эту область и прошел достаточно глубоко. Гораздо глубже того, что вообще можно было бы объяснить. Мне кажется, я ушел уже из научной плоскости в мистическую. Или метафизическую. Все началось еще в Каневе, когда мы с тобой съели черные плоды и дали их Парику. Это ведь была наша первая жертва. Потом еще много их было у нас... Позже, в Черкассах, я очень много общался с психиатрами, которые мне открыли глаза на один вопрос. Блокировать желание употреблять алкоголь и удовольствие от опьянения не так уж сложно. А вот научить человека быть счастливым без алкоголя, наркоты, наслаждаться жизнью... Это задача из задач! Вот мы с тобой,

почему мы не наложили на себя руки, как только поняли, что больше на нас не действует алкоголь? Вот ты почему?

– Если честно, мне и думать про это некогда было. Столько событий происходило, что я за ними и не поспевал. Поначалу, конечно, это меня сильно расстроило. Но потом дошло, что я начал жить по-настоящему только после того, как совсем бросил пить. Если бы я бухал, в Техно ничего не сделал бы. Уж больно доступно там все это – столько вина и разных напитков, один коньяк чего стоил, – вспоминал я с упоением.

– Вот про это я и говорю. А для некоторых потеря возможности выпить почему-то оказывается фатальной. Поначалу мое исследование было направлено только на поиск средства, которое снимает эффект черного плода. Я думал: найду противоядие и буду давать тем, кто хочет закодироваться. И тем, кто захочет опять бухать, тоже. И я в этом направлении очень далеко продвинулся. Но по пути совершил одно открытие, которое полностью изменило мои планы... да и взгляды на жизнь в целом.

– Очень интересно! Давай в предбанник выйдем, а то уже жарко. Там расскажешь.

Мы ополоснулись ледяной водой и вышли в предбанник, где самовар уже кипел вовсю. Заварили чай, сели за стол.

– Так что за открытие ты сделал?

– Понимаешь, объяснить непросто, ты, скорее всего, считаешь меня сумасшедшим. Любой умный человек точно

посчитал бы...

– Знаешь, после того, как я познакомился с Богом, который сказал мне, что лучшее, что у него получается в его Вселенной – это заваривать чай, я тебя сумасшедшим считать не буду. Потому что я и сам, считай, орудие без глаз и мозгов.

– Тогда слушай. Во время изучения перестройки метаболизма, вызываемой плодами из Радужного, я открыл новые вещества, которые пробуждают определенные ранее недоступные области мозга. И узнал, что активизация этих областей позволяет видеть энергетические линии и возможности перехода между мирами, как у тебя. Но и нечто гораздо большее. Оказывается, в каждом мозге вроде как спрятана своя вселенная. Я не могу это объяснить толком, но я нашел способ погружения в эту вселенную. И собираюсь сделать это. Ты своим звонком как раз отсрочил начало эксперимента.

– А ты не думаешь, что это всего лишь плод твоего воображения под действием наркотика из плода?

– Об этом я думаю в первую очередь. Но ведь то, что я вижу линии, а ты умеешь ходить между мирами, – факт?

– Да, конечно.

– Значит, скорее всего, то, о чем я тебе говорю, близко к истине. Я точно не знаю еще, что там, – одним глазком только удалось заглянуть. И то, что я увидел, мне пока не понравилось. Но я обязательно схожу туда до конца.

– Сходи, за чем дело стало?

– Боюсь не вернуться. Я работал именно над тем, чтобы

был возврат. Чтобы действие с погружением было обратимым. И вроде бы у меня получилось.

– Я, если честно, не понимаю и половины из того, что ты мне сейчас говоришь. Но искренне стараюсь понять.

– У меня есть предположение, что между мирами можно ходить не только телесно, но как бы духовно. Только там другие миры, которые сильно отличаются от материальных. Этих миров тоже много. Я не знаю, что там, но первое, что приходит на ум, слово «Ад». В общем, Леха, я собираюсь сходить в Ад.

– Может, тогда лучше в Рай? Если есть Ад, то есть и Рай! Может, лучше сходить туда?

– Вариант. Об этом я не подумал, а стоило бы. Рай тоже должен быть, ты прав.

Глаза Коляна светились нездоровым огнем. Он просто бредил своей идеей. Но я чувствовал, что в его исследовании не бред сумасшедшего, а что-то по-настоящему важное, какой-то скрытый путь. И мне очень хотелось знать, к чему приведут его исследования.

– Коль, ты мне подробный отчет в телек сбрось, когда вернешься. Я очень хочу знать, что у тебя получилось и как. Я пока вне доступа буду, но ты все равно, пожалуйста, отправляй, как сможешь. А я вернусь и все прочитаю, хорошо?

– Договорились, так и сделаю. Пойдем в парную, а потом до колодца сбегает.

Дальше было уже действительно не до разговоров. Снача-

ла Колян парил меня от души. Потом я его – он аж мурлыкал от удовольствия.

– Ух, Леха, как же мне тебя не хватало! Лиля-то грудью кормит, ей в парную нельзя совсем. Я тут один себя вениками хлещу.

– Да я сам уже давно в бане толковой не был. В Гаремах не баня, а издевательство одно – на камни горячие воду льют. Там целый день лежать можно да раны штопать.

– Ну вот вернешься – и давай сразу ко мне, хорошо?

– Заметано, брат!

Потом мы в чем мать родила побежали к колодцу с журавлем, где стояли ведра с водой. С гиканьем вылили на себя по ведру ледяной воды и вернулись в баню. На улице стемнело, мы решили зайти еще разок и идти в дом.

Когда мы вернулись, Лиля уже накрыла на стол. От вида разнообразных яств мой желудок свернулся в трубочку. Котлеты, картофельное пюре, сало, соленые огурцы с грибочками, колбаска-кровяночка. Я начал подозревать, что из-за стола меня придется выносить. Лиля, видимо, неправильно поняла мой жадный взгляд, обращенный к столу, и начала извиняться:

– Простите, Алексей, чем богаты, тем и рады. Все простое, свое.

– Лиля, да я такой еды больше года не ел, я сейчас со скатертью все схаваю! Спасибо, ребята! – Я совсем забыл, что в этом доме есть еще один человек. А человек, услышав

незнакомый голос в доме, зарыдал во всю мощь своих детских легких, на которую они были способны. Лиля печально улыбнулась и попросила:

– Алексей, тише, пожалуйста. Асю вон разбудил.

– Прости, я не нарочно.

– Не страшно, ей все равно уже пора есть, – сказала Лиля, прикасаясь к груди. – У нее уже зубы растут, больно кормить, но хочу все-таки до годика продержаться, чтобы иммунитет был лучше, – поделилась она со мной.

А потом встала и ушла за печь, где, по всей видимости, была детская. Мы с Коляном накладывали, и у меня сложилось впечатление, что он голоден не меньше моего. Видимо, поесть вовремя он частенько забывал.

– Вот сейчас бы стопочка была весьма кстати, за встречу старых друзей, – сказал я.

– Ну да, традиция ведь. Если бы не тот случай, обязательно ведь накушались бы сейчас в кабаку. А завтра весь день потеряли бы.

– Что правда, то правда. Но как будто не хватает сейчас чего-то отравиться, – засмеялся я.

– Вот именно что отравиться! В следующий раз, когда приедешь, могу тебя вылечить временно от влияния черного плода. И сможешь вернуться к своей привычной жизни в Каневе.

Предложение Коляна прозвучало как угроза. Или как предложение чего-то крамольного. Над столом повисло мол-

чание. Которое разрушила Лиля. Она вышла из детской с Асей и, сев за стол рядом с нами, произнесла:

– А мы не хотим кушать, мы хотим посмотреть, кто к нам пришеел. Это дядя Лееша, – смешно тянула она, – вот, смотри, Асечка.

И Асечка смотрела во все свои огромные глаза, которые занимали ровно половину ее детского лица. Видимо, гости в этом доме были редкостью. Новое лицо, ворвавшееся в ее маленький детский мирок, было чем-то весьма необычным. Я взглянул в эти детские глаза и от души улыбнулся. Мне нравился ребенок, а я, видимо, нравился Асе. Так как она требовательно протянула ручки в мою сторону и произнесла что-то вроде:

– Агм магма, гум.

Лейлу удивила и обрадовала реакция Аси, и она спросила то ли меня, то ли ее:

– Ты хочешь к дяде на ручки? – и, получив в ответ утвердительное «Агм», вручила девочку мне.

Мне было не впервой держать ребенка, но все же я не часто имел дело с грудничками. Дикий страх причинить вред этому маленькому созданию сковал мои движения. Но Лиля все сделала сама – расставила мои руки и посадила Асю мне на колени так, чтобы она сидела самостоятельно, а я только придерживал ее обеими руками. Девочка была в восторге от нового персонажа, которому угодила в руки, и начала мне что-то активно рассказывать на языке, который мой комму-

никатор даже не пробовал переводить. Делала она это с таким усердным и серьезным видом, что я невольно втянулся в игру под названием «Беседа с маленьким ребенком».

– Агхм бсс тааа, – говорила мне она.

– А меня Алексеем звать, Ася, – вторил я ей.

– Бхх ссс чща, – раздавалось из маленького ротика.

– Ага, вот, в гости пришел, сейчас покушаю и пойду, – отвечал я.

Мы наслаждались диалогом, а счастливые родители смотрели на свое чадо и радовались. Я поднял на них глаза и сказал:

– У меня тоже скоро будет ребенок... точнее, два ребенка...

– Что, УЗИ показало двойню? – радостно залепетала Лилия. – Ты женился?

– Ну, не то чтобы двойню... У меня будет двое детей от разных женщин... Ммм... Точнее, от эльфийской и человеческой женщины.

Видимо, я зря сказал это. Настроение Лили мгновенно изменилось с радостного на удивленно-испуганное. Она встала и забрала у меня ребенка, который явно был еще не готов покидать своего нового знакомого, но кричать не стал. Возмущенно пуская пузыри, Ася продолжала разговор на своем чудном языке. А я тем временем начал оправдываться:

– Ты не подумай чего, просто так сложилось. У эльфиек беременность больше года длится. Я не знал, что она бере-

менна от меня, у них вообще все чудно с этим вопросом, не как у людей. А Лейлу я очень люблю, по-настоящему люблю! Я вернусь и обязательно женюсь на ней в Родном, если смогу уговорить ее переехать сюда. Но вот поэтому у меня скоро и будет минимум двое детей.

О том, что у Элизы и Лейлы может быть двойня, я раньше и не думал.

– Интересно, как к этому всему Элронд относится, – спросил Колян.

– Да кто его знает, как он вообще ко всему относится. Вроде рад. Сказал, что не ожидал такого развития событий или не верил в него. Короче, он как всегда: и рад, и в то же время убить готов. В итоге отправил меня черт знает куда для моего же блага.

– А куда он тебя отправил? – спросила Лиля.

– Куда-куда? На войну...

Глава 3. Вниз и в плен

Рано утром меня разбудил Колян. Я спал в его сарайке-лаборатории без окон. И потому мне опять показалось, что я только уснул и меня тут же разбудили.

– Пойдем, умоешься и в путь. Я тебе воды нагрел.

– Какой воды, где нагрел? – спросонья я не сразу сообразил, о чем он говорит.

– Умыться, зубы почистить. Я бойлер-то еще тут не установил, поэтому по старинке – чайник на газу. Сейчас в баньке все готово – и позавтракать, и умыться. Мы тут в деревне рано встаем. Корова, будь она не ладна, лучший будильник. Я по ночам работаю, поэтому и сплю тут, в лаборатории. А Лиля мне в бане накрывает и не трогает меня.

– Ну пойдем, пойдем, – сказал я, вставая. – Ты сумку мою принеси – мне переодеться нужно.

– Уже все принес. Сумка тяжелая, что у тебя там, патроны? – хотел пошутить Колян.

– Да, и ППШ.

– Ого, ты и впрямь на войну собрался? Полностью экипирован...

– Да, только Арсен говорит, что патроны – дерьмо, нужно менять. А как я их поменяю? Я вообще не понимаю, зачем туда иду.

– Так не ходи.

– Ну уж нет, схожу ненадолго, гляну, что там. Все-таки интересно побывать на Великой Отечественной. В реально существовавшем историческом прошлом я еще не был – все в каких-то мистических мирах, а тут прямо наш, зеркальный. Интересно ведь.

– Хорошо, я пойду ключ поставлю, а ты завтракай, – Колян прошел к правой стене, где на полке стояла золотая пирамидка. Я смотрел на нее и сомневался, что пирамидка из чистого золота весом килограмм десять может стоять вот так запросто. С другой стороны, почему бы и нет, ведь сам сарай – это, по сути, сейф, который вскрыть очень непросто.

Я вышел на улицу и поежился. Ранее весеннее утро не самое приятное время. На улице было зябко, небо светилось холодной синевой, и умываться не было никакого желания. Но когда я зашел в баню, стало легче. Там все еще было очень тепло и остро пахло парной. На столе стояла полная чашка молока и тарелка яичницы с колбасой. Я быстро умылся, почистил зубы и побрился. Когда в следующий раз получится побриться удобным станком «Джилет», неизвестно, а бриться ножом (или чем там брились шестьдесят лет назад?) то еще удовольствие.

Позавтракав, я открыл сумку и начал изучать ее содержимое. Вещи были, видимо, откуда-то с «Мосфильма». Такие трусы я видел только в старых черно-белых фильмах – черные парашюты с двумя трубами, в которых мужские причиндалы болтаются свободно и независимо. Назначение майки

было для меня тайной только до тех пор, пока я не надел свитер. Но в целом выбирать было не из чего и незачем, поэтому я продолжил экипироваться.

Портянки немного смутили меня: понимание, как ими пользоваться, было, а вот навыка завязывать – нет. Но я справился. Закончив переодеваться, повесил на шею ППШ, посмотрел на себя в зеркало и заржал. Хотя, если убрать оружие и вещмешок, вид у меня был вполне деревенский. Под конец с удивлением обнаружил в мешке краюху намертво черствого хлеба, банку американской или английской тушенки, ложку и нож – Арсен внимательно поработал с деталями.

Находиться в бане в ватнике было невозможно. Я чувствовал, что пот начинает течь струями по спине, и вышел на холод, где встретил Коляна.

– Ого! Тебе только ордена не хватает для полноты картины. Красной Звезды как минимум.

– Так я же вроде в оккупированную часть попадаю.

– Штирлиц шел по улице Берлина и насвистывал «Варшавянку». И ни висящий ППШ, ни болтающийся за спиной парашют не выдавали в нем разведчика, – продекламировал Колян, и мы засмеялись.

– Пойдем, покажу тебе, где будет линза, в земле. Я сам, правда, никогда не ходил вниз, не знал просто, как оттуда вернуться.

– То есть как это – не знал?

– Пойдем, сам увидишь.

Мы подошли к месту, где Колян установил пирамидку. Пока линза формировалась, он рассказывал, как собирал золото для пирамиды:

– Я сам ее выплавил, в тигеле. Золото по ломбардам скупал – у них цена за лом самая низкая, да и не афишируют они это дело. Так что набрал быстро. Тигель сам сделал – несложная задача, хотя две тысячи градусов не так просто создать. Пришлось горелку на керосине мастерить. Но если тебе свой ключ будет нужен, с тебя пять килограммов золота, и я сделаю.

– Хорошо, спасибо.

Линза начала формироваться, и стало понятно, о чем говорил Колян. Она открыла пространство, и я увидел землю метрах в двух внизу. Как же я смогу вернуться? Во всех мирах, где я был до этого, меня утешала одна мысль – я всегда могу сбежать, если что. А тут такой возможности, видимо, у меня не будет. Потому что как минимум понадобится лестница, чтобы подняться на такую высоту. Но я утешил себя обещанием найти ее, если что, и обнял Коляна на прощание.

– Спасибо, Коль. Ты давай аккуратнее в своих экспериментах. И поцелуй Лилю от меня, по-братски.

– Смотри у меня! Это моя жена! – в шутку рассердился друг. – Ты тоже там аккуратнее, все-таки реальная война. Не затягивай – пару дней и назад, ко мне! А я тебе все напишу! Ждем, в общем, тебя.

Я не люблю долгих прощаний, поэтому отстранил Николая, бросил в линзу ППШ, за ним вещмешок и следом прыгнул сам...

Удар о землю оказался ощутимее, чем я предполагал. Стояла весна, и было существенно холоднее, чем в Родном. Приземлившись на ноги, я поскользнулся, не удержался и упал на спину. Воздух резко вышел из легких, перед глазами закружились звездочки. Я еще не успел вдохнуть, как вдруг увидел настоящего живого немца, который взглянул на меня с улыбкой и опустил приклад карабина прямо мне на лоб...

– Слышишь меня? Ты живой? – услышал я голос словно из космоса.

– Вроде живой, глазами двигает. – Дикая головная боль пронзила меня от макушки до копчика, и я, видимо, издал стон. Так как услышал явно радостный возглас:

– Да живой! Похоже, по кумполу его огрели – вон синячина на лбу аккурат размером с приклад.

Сознание неумолимо возвращалось, будь оно проклято. Возвращаться в это тело в такие моменты совсем не хочется. Уж лучше бы я бухал – просыпаться с бодуна хоть не так обидно, как приходить в себя с головной болью, которую никаким пивом не снимешь. Еще не открыв глаза, я прочитал на коммуникаторе о необходимости госпитализации. И отчет о выработке обезболивающего средства. «Это приятно, значит, скоро станет легче», – подумал я, а когда открыл глаза, увидел склонившихся надо мной людей.

Я лежал на соломе на земляном полу в каком-то подвале. Было очень сыро – ватник промок насквозь. Но не холодно, скорее, даже душно и жарко, а еще темно – свет проникал только в щели наверху. Людей почти не было видно. Я не стал включать ночное зрение, чтобы внимательнее рассмотреть их. И так понял, что оказался в плену, а это, видимо, мои сокамерники, тоже пленные. Один из них, сидевший прямо рядом со мной, увидел, что я открыл глаза, и спросил:

– Пришел в себя? Молодец. Хотя, если бы помер, может, и легче было бы. Как звать-то тебя?

– Алексей, – с хрипом в голосе выдавил я.

– А я Гриша. Ты как сюда попал-то?

– Да по глупости. Диверсант я. Забросили, должен был партизан найти и попался.

– Так ты их нашел, – засмеялся он грустно, – вот они, перед тобой, геройский партизанский отряд численностью пять человек. Временно находимся на задании по разведке данного подвала.

Гриша, видимо, шутил, чтобы разрядить обстановку.

– А сам-то ты откуда?

– С Канева я.

– Понятно, почти земляк, значит. В общем, крышка нам тут. Офицеришко по одному нас колет, что быков на шпагу, тореадор хренов.

– Что значит «колет»?

– Да он сабельщик ядреный. Вызывает нас всех и спраши-

вает, кто, мол, с ним сегодня сразится. Если победит, мол, свобода. И сабельку свою, значит, дает. Но сабелькой-то он хорошо своей владеет. Вчера Миколку проткнул насквозь, жалко пацана, молодой совсем. В следующий раз я пойду, но тоже, думаю, не справится мне с ним.

Несмотря на всю незавидность ситуации, у меня появилась надежда выбраться отсюда. Хоть высота перехода была и недостижима, а из подвала я даже не видел другого измерения.

– А что у него за сабелька, как выглядит?

– Да что шашка у Чапая, только прямая и с чашкой. Ну, может, потоньше.

– Сабля, значит... А когда он бои-то свои устраивает?

– Да поутру обычно. А ты что, сабельке обученный, что ли?

– Да, спортсмен я. Так что у нас есть шанс, хоть и небольшой. Все-таки силу его я не знаю. Но на нашей стороне неожиданность – он нас явно недооценивает.

– Ага, глумится, гад, как может. Но, если ты его проткнешь, нас тут же всех положат. Он ведь, сука, врет, что свободу даст.

– А я его протыкать и не буду, я его в плен постараюсь взять. Но говорю же: шанс совсем небольшой. А сколько сейчас времени?

– Да кто его знает? Думаю, полдень, может, чуть позже. Миколу-то часов пять назад, утречком проткнули. Да, кста-

ти, ты не серчай, мы провизию твою того, пожрали. Тебя, когда к нам определили, краюху и банку твою следом бросили. Мы тут ее с трудом открыли и схавали. Уж больно жрать охота было.

– Да не страшно, на здоровье, что вы, в самом деле? А что, немчура хавчика не дает?

– Когда и бросают кой-чего, но они же к нам хуже, чем к свиньям, относятся. Жрать тошно то, что дают. Вчера вон картофельных очисток кинули, сволочи. Ух, мне бы до них добраться, я бы голыми руками их всех!

– Голыми не надо. Если твой офицер не передумает, у нас будет шанс.

– Слышь, Серый, Леха говорит, что сабелькой владеет. Может, немца-то и одолеет. Нам бы не сплеховать.

– Да слышу я, чай тут не поле футбольное, все слышим. Так-то, конечно, план – дерьмо, но лучше такой, чем никакого. Я, Гриш, сам бы с голыми руками на них полез завтра, тошно тут в подвале дохнуть и ждать, пока эта сука тебя сабелькой проткнет. Мы все завтра собирались кинуться на них, – серая тень по имени Серега чуть шевелилась где-то впереди.

– А сколько нас тут?

– С тобой шестеро будет, – отозвался Григорий. – Ты-то как? По голове-то тебе здорово съездили, точно с сабелькой справишься?

– Постараюсь, вроде ничего. Мутит, конечно, но, думаю,

к утру пройдет. А сколько немцев там?

– Трое обычно – офицер и двое солдат. У одного карабин, у другого МТШка. Но это во дворе, а так их тут порядочно в деревне расквартировано. Что они тут делают, непонятно. Мы тоже попались по глупости – за харчами в деревню пришли, а тут их сидит, почитай, целая рота.

В темноте раздался новый голос:

– Это староста деревенский, он нас сдал, не хотел, падлюка, геройский партизанский отряд харчевать!

– Ага, точно он! Ну, погоди, выберемся – покажем тебе, что такое геройский Черкасский партизанский батальон.

– Да погодите вы, горячие головы, – остановил Гриша. – Еще выбраться нужно, разобраться. Так-то он нам помогал всегда, а тут сдал... Может, и не виноват он вовсе.

– Так он и сознался, – раздался голос из темноты.

– Ну, кстати, если мы офицеришку-то в полон возьмем, староста сам к нам в отряд пожалует. Немцы деревню дотла сожгут, они же за потери сильно мстят.

– И то верно, но если он на них работает, может, и пожалеют суку немецкую. Вздернуть бы его на журавле колодезном, чтобы другим неповадно было, вот на ремне и вздернуть прямо!

– Погодь, еще раз говорю, Семен, не пыли! – сказал Григорий. – Ты уж больно скор до расправы, нельзя так.

– Да они мне за жинку и дочку кровью ответят! Я их душить буду, всех! И пособников их!

В голосе Семена звучала такая обида и ярость, что мне аж стало не по себе. «А что бы я чувствовал, убей немцы Лейлу и дочку?» – подумал я. В глазах сразу всплыла Ася, дочка Лили, которая вчера играла у меня на коленях. Я даже почувствовал тепло ногой в том месте, где она сидела. На глаза навернулись слезы, в носу сильно защипало – я понимал Семена. Да и раньше, когда смотрел фильмы про войну, сильно сопереживал нашим. А сейчас попал прямо в самый очаг боли и почувствовал ненависть, которая словно висела в воздухе этой темной камеры яркими фиолетово-красными флажками. Но тут раздался грустный голос Григория:

– Спокойно, Семен! Погибнув, ты не отомстишь. Месть должна быть холодной и расчетливой, чтобы победить в этой проклятой войне, а не просто героически сдохнуть. В общем, так, братцы, на завтра расклад такой: когда этот офицеришка нас выстроит и Леха вызовется биться с ним, мы все потихоньку должны оказаться за спинами у солдатиков. Как там пойдет у Лехи, непонятно еще, но в любом случае, как я понял, он продержится дольше Михи и Миколы, и они отвлекутся. Главное не дать им поднять шум, давим быстро и слаженно. Семен, Серега, вы со мной, а Федор и Иван вдвоем. Вань, ты парень сильный, сразу бей его в голову, а Федор пусть оружие выхватывает. Я сам тоже бить буду, чтобы не мешать друг другу. Если вдруг солдат больше будет, тогда по обстановке действуем.

Видимо, потому Григорий и был командиром, что умел

планировать заранее. Никто в подвале не возразил и не дополнил. А Григорий продолжал:

– Если все пойдет по плану, бьем и уходим в лес. Если позовет всех, как вчера, люди еще спят в это время, околицей пройдем тихо. А уже в отряде решим, что дальше делать. Если Леха офицера возьмет живьем, в отряд его уведем. Нужно будет только кляп ему сделать быстро, чтобы не заорало сучье племя.

– А можно я ему портянку в рот запихаю? Хоть за Миколу отомщу.

– Ну ты, Семен, и изверг! – Видимо, тут все знали старый анекдот про Василия Ивановича и его носки, или, точнее, портянки. Так как в камере вдруг стало весело и сразу словно светлее и проще. Хотя угроза засунуть в рот немцу портянку если и была шуткой, то только наполовину. Да только нужно было и о себе подумать – оставить ногу босой, когда предстоит быстрое отступление в лес, было не лучшим решением для солдата.

В Подвале было холодно и сыро, мы лежали на полу, прижавшись друг к другу. Но сырость и холод все равно проникали в самый позвоночник. Это была, наверное, самая длинная ночь в моей жизни. Несмотря на все свои предыдущие скитания, я не мог уснуть – без конца засыпал и просыпался. Григорий лежал рядом со мной и, видимо, был в похожем состоянии. А может, и не только он. И, когда я в очередной раз открыл глаза, задал мне вопрос:

– А что наши-то, все отступают? Мы тут в лесу без связи, только слухами питаемся.

Я лихорадочно вспоминал историю Великой Отечественной. Сейчас весна 1942 года, наши уже перешли в наступление или нет? Голова не выдавала никаких ключевых событий по этому поводу, но, поскольку я точно знал, что мы в итоге должны победить и плюс-минус полгода не имеют значения, то сказал:

– Нет, перешли в контрнаступление. Тяжело приходится, но от Москвы уже отбросили.

– А, переломали таки немцу хребет? Я так и думал, что зимой их поломаем. Все-таки не воевали они никогда толком. Еще осенью, когда мороз ударил – даже у нас тут минус висел, – еще тогда я понял, что хана им. Теперь дело времени.

– Да, так и есть, думаю, года за два, край – за три до Берлина дойдем.

– Думаешь? Наверное, да, так быстро не задавить, и через Европу будет идти сложно... Там, конечно, не только немцы воюют... Видел бы ты, сколько у нас в отряде оружия разного! Мы ведь конвои грабим, и там чего только нет. Ну, даст Бог, вырвемся – увидишь все своими глазами. Ты-то с передовой, в тылу не был у немцев?

– Я с учебки в школу диверсантов попал, потом сразу сюда забросили, так как местность знаю, а я и вляпался.

– Да с кем не бывает! А сабелькой-то где научился?

– Спортшкола ДОСААФ, там дисциплина была у нас в Каневе – стрелковые и шпага. Я мушкетеров начитался и все хотел шпагой овладеть. Вот со спортшколы нас всех сразу в учебку и отправили, прямо в первые дни войны эвакуировали. А сейчас вернули.

Я очень надеялся, что моя легенда будет выглядеть достоверной, без особенно больших дыр.

– Разведчик, значит? Бумаги-то есть с собой какие?

– Давайте выберемся и там решим. Мне тоже не все рассказывать можно.

– Понимаю, понимаю, ты вообще что-то разболтался, как я посмотрю. Я-то, кстати, по должности политрук. Мы с братом решили, что мне нужно отвечать за политическую и моральную составляющую, и я согласился. А брат на себя командование отрядом взял.

– А что, у Семена правда жену и дочку немцы убили? – решил я перевести тему.

– Да тут весь отряд такой, у каждого счеты. У Семена всю деревню сожгли. Дотла, ничего не осталось. В первые дни войны налет был. Он вилы где-то горелые нашел и в комиссариат Черкасс так и пришел – без документов, черный весь. Говорит, покажите мне, где тут немцы, я их вилами брать буду. Его и записали в добровольческий отряд да в самое пекло отправили. Он под пули лез, смерти искал, а смерть, видать, от него спряталась. В итоге контузило его, а когда очнулся, немцы уже на сто километров ушли. Нас таких много оказа-

лось, в итоге мы в отряд и сбились. Все практически местные, с областей. Вот уже больше года как воюем по-своему. Ранним, так сказать, немцев в самую задницу.

– Ну хорошо, я тут, видимо, с вами какое-то время побуду, если можно. Но мне нужно будет вернуться к нашим. Задание ведь.

– Придумаем что-нибудь. Нам бы связь, конечно. Связист у нас в отряде есть, но вот рацию мы никак живую достать не можем. Все кусками, хлам один.

Незаметно я провалился в сон, и Григорий, видимо, тоже. Точнее, это был не сон, а дремота, которая прерывалась все время тревожными мыслями и звуками. В подвале была полная тьма, хоть глаз коли. Поэтому для мозга не имело значения, открыты были у меня глаза или закрыты. В итоге он впал в какое-то оцепенение. Может, именно так чувствуют себя лягушки или ящерицы по ночам, когда становится холодно. Имей я возможность, свалил бы из этого измерения куда подальше и не возвращался. Но ее уже не было. И если меня тут убьют, это будет совсем по-настоящему.

Светало медленно и неторопливо, я впадал в оцепенение и выходил из него. О наступлении утра я понял по слабым полоскам света, которые пробивались сквозь дырки в потолке. Это даже нельзя было назвать светом. Просто стали видны бледные щели, через которые одиночные фотоны пробивались в подвал, давая главному яблоку, полностью отдохнувшему в крошечной тьме, увидеть их и порадоваться.

Я решил, что валяться мне хватит и нужно как-то размять затекшее и замерзшее тело. Если мне предстояла схватка, то важно было выйти на нее с горячими мышцами. Но для этого нужно было совершить подвиг – встать из пусть мокрой, но все-таки теплой кучи тел в холод. Мозг категорично отвергал эту идею. Большая часть моего сознания готова была просто умереть, но не вставать сейчас. Но другая часть, которая подсказывала, что нужно встать и действовать, активно боролась и в итоге победила.

Я встал, снял тяжелый ватник и, оставив на себе свитер, начал растирать ноги и руки, чтобы восстановить кровообращение. Конечности отчаянно отказывались подчиняться, тело было словно чужим, деревянным, а даже не живым. Когда оно немного проснулось, я ушел в другую часть сарая и начал разминку. Сначала просто ходил на месте, двигая руками вверх и вниз, пока не прошло покалывание во всех членах, потом начал приседать и даже смог отжиматься под конец. Когда мое тело смирилось с активностью и начало возвращаться к жизни, я почувствовал голод.

– Ты что там делаешь, Лех? – спросил меня из темноты чей-то голос.

– Да нужно размяться, если не разогреюсь, то какой я противник? Бревно, а не противник.

– А-а-а, ну це дило, нужно бы и нам, хлопцы, подразмяться, а то реально не сдюжим.

– Только давайте тихо, а то немчура пронюхает и будет

подозрительна, – раздался голос Григория, и рядом со мной возникли серые тени, которые тоже скинули фуфайки и начали двигаться кто как мог. Минут через десять мы услышали сверху шаги по деревянным доскам. Видимо время пришло.

– Ш-ш-ш, – строго зашипел Григорий, – быстро все легли!

Мы накиннули сброшенные фуфайки и повалились на сырую землю. Через секунду открылся люк в потолке и яркий свет осветил подвал. Я зажмурился – глаза отвыкли от такой роскоши. Из люка спустилась лестница, и сверху раздался голос:

– Поднимайтесь наверх по одному, господин офицер вас ждет.

Я было хотел рвануть первым, но Григорий оттолкнул меня и сказал:

– Пойдешь последним.

Я не понял его замысла, но не стал спорить и поднялся в самом конце. И оказался ровно в том же дворе, где был с Коляном. Точно такой же сруб, по самые окна ушедший в землю, и банька. Только на месте железной сарайки-лаборатории оказался навес, под которым и был тот самый подвал, в котором мы провели ночь. «Интересно, дом, в котором живет Колян, такой старый или все-таки перестраивался? – подумал я. – Нужно будет узнать, он и сейчас уже очень старо выглядит».

Двор был засыпан свежим хорошо утрамбованным пес-

ком. Видимо, это и была импровизированная арена или ринг для соревнований. Как и предполагалось, во дворе было двое солдат: один с карабином, один со шмайсером, ствол которого был направлен на нас. Солдат с карабином стоял около входа в подвал и, ткнув меня стволом в спину, толкнул к партизанам.

– Шагай давай!

Я посмотрел на него с удивлением – он говорил по-русски. Одет был в немецкую форму, шевроны в виде треугольника, пришитого вниз основанием с одной полоской. Я подошел и встал со своими ребятами в какое-то подобие строя. Выглядели мы все ужасно – грязные ватники, грязные сапоги, грязные лица. Мы были просто отребьем в глазах этих холеных немецких солдат. При этом видно было, что они принимали нас всерьез – и автоматчик, и парень с карабином все время держали нас на мушке.

Вскоре из дома вышел еще один немец в гражданском. По тому, как вытянулись солдаты, я понял, что это офицер. Он был одет в странную одежду, какой я раньше и не встречал: брюки из ткани, похожей на очень тонкую кожу, светлый свитер и что-то вроде кожаной безрукавки поверх. В руках держал две сабли в ножнах. Он вышел на середину песчаной площадки и, повернувшись к нам, произнес что-то по-немецки. Парень с карабином начал переводить:

– Я, Гендель фон Иорих, имею честь вызвать любого из вас на поединок. В том случае, если этот человек одержит

победу, я дарю ему свободу.

Мой коммуникатор сразу начал обработку речи, но ему нужно было больше фраз, чтобы понять, как устроен язык и начать его переводить.

– Кто из вас кинет мне вызов?

Мы стояли молча, я держал паузу – вызываться сразу было нельзя.

– Что, у русских нет смелости, чтобы сразиться со мной по правилам наших предков?

Тут я уже не выдержал, поднял голову и сказал:

– Меня Алексеем зовут, я готов ответить на ваш вызов.

Немец приветливо заулыбался и поманил меня рукой на площадку. Я вышел, краем глаза отметив, что человек с карабином повернулся спиной к ребятам, но автоматчик не сводил с них глаз и держал оружие наизготовку. «Может, и получится осуществить задуманное и уйти без шума», – подумал я.

Гендель предложил мне на выбор одну из сабель. Он милостиво предлагал мне выбор. Мне бы, конечно, обе взять – было бы существенно проще. Я понимал, что на одной сабле против опытного бойца у меня шансов ровно столько же, сколько когда-то на арене против эльфа. Единственное, что можно было сделать, – играть в дурака. Тогда у меня оставался шанс поймать противника, но очень маленький. Гендель обратился к своим солдатам на немецком:

– Я уложу эту русскую свинью за пять минут. Может, се-

годня очищу мир от двух грязных русских.

По всей видимости, моему коммуникатору уже хватило времени и данных для адаптации, так как на экране засветились строчки из самоучителя. Я понял всю фразу немца от начала до конца, но постарался не выдать этого ни единой эмоцией. Но вот заткнуть ему рот портянкой Семена мне теперь казалось очень здравой идеей. А из его свитера, например, сделать новые портянки.

Я снял фуфайку и вынул саблю из ножен, примерив к руке. Оружие было хорошо сбалансированным, легким, практически идеальным. Видно было, что за ним ухаживали с большой любовью. На лезвии не было и намека на ржавчину, на рукояти оставались следы инкрустации камнями, хотя сами камни то ли выпали, то ли были вынуты. Я встал в позу медведя, неловко выставив перед собой саблю, и стал ожидать противника. Моя хитрость сработала – увидев мою стойку, Гендель произнес:

– Ну чистый медведь! Никакой культуры и понимания боевого искусства у этих русских нет!

Солдаты весело заржали над шуткой своего офицера, а Гриша сделал два шага в сторону автоматчика, который повернулся вполоборота, чтобы лучше видеть то, что сейчас произойдет.

Гендель не принял меня за серьезного противника, и потому у меня был шанс. Но торопиться с атакой я не стал. Офицер вытянул руку с саблей вперед и вверх, целясь в меня

сверху вниз. Он красовался, и это было замечательно. Гендель сделал колющий выпад, целясь мне в область живота, я сделал шаг назад, резко махнув саблей так, чтобы она как будто нечаянно отбила выпад Генделя. Для полноты образа я махнул саблей еще несколько раз из стороны в сторону, делая вид, что я так и планирую защищаться.

– Он думает, что если будет изображать ветряную мельницу, я не сделаю из него свиной шашлык?

И опять солдаты весело засмеялись над шуткой своего командира. А я краем глаза увидел движение ребят в нужных направлениях. Автоматчик внимательно наблюдал за нашей схваткой и потерял контроль, как и второй солдат с карабином. Я решил для себя, что хватит валять дурака, и начал действовать. Гендель не менял хвата, держал саблю ровно так же, как в самом начале, выставив сверху вниз. Я прекрасно понимал слабость этого хвата, когда кисть, по сути, вывернута и держит саблю недостаточно сильно. Да и рука у Генделя была уязвима, так как чашка эфеса закрывала только пальцы, запястье же было доступно.

Я плотно сжал рукоятку сабли и стал ждать следующего выпада Генделя, встав к нему уже правым боком и расставив ноги на ширину плеч. Гендель заметил изменение моей стойки, но не придавал этому значения и продолжил выпендриваться. Он нанес свой удар сверху вниз, а я, сделав полшага назад, со всей силы догнал сверху по сабле, чтобы она по инерции продолжила свое движение вниз. А потом, рез-

ко подняв оружие вверх, сделал шаг вперед и ударил плоскостью сабли по запястью Генделя. Я проводил этот прием в бою второй раз в жизни, и второй раз результат был тот же – оружие противника оказалось на земле. Я крутанулся вокруг Генделя, оказавшись у него за спиной, прижал саблю к его горлу и сказал на немецком фразу, которую успел подобрать заранее:

– Тихо, немецкая свинья, а то горло перережу.

Мой расчет оказался верным – Гендель был потрясен от проведенного мной приема. И от того, что вдруг оказался в заложниках с мечом у горла. Он изучал саблю из спортивного интереса и только на войне использовал ее для убийства людей. Да и это сложно было назвать убийством – он просто колол беззащитных неумех. Я же имел боевой опыт и потому, применив хитрость, одержал победу. Хотя в исключительно спортивном сражении, если бы он ко мне относился всерьез, я, возможно, проиграл бы ему по технике.

Поединок отвлек внимание обоих солдат. И в тот момент, когда неожиданно для всех троих сабля Генделя оказалась в песке, а я делал красивый кульбит, чтобы оказаться за его спиной, партизаны пришли в движение, слаженно и одновременно. Я не видел, как все произошло, но когда встал, прижимая саблю к горлу Генделя, оба солдата уже лежали лицами в песке и не подавали признаков жизни. А ребята активно снимали с них амуницию.

Гендель был настолько потрясен случившимся, что стоял

с открытым ртом, куда Семен и запихнул какую-то тряпку. После чего связал Генделю руки португеей, которую только что снял с убитого солдата с карабином.

– А этот-то по-русски шпарил, видать, из белых, – сказал он, зло сплюнув на спину труп.

Григорий тихо командовал, и ребята перемещались по двору вполне осознанно. Трое ушли в дом, Семен со шмайсером встал у ворот, внимательно осматривая дорогу. Григорий с карабином пошел в баню. Через минуту он вышел оттуда с ППШ и спросил: «Твой?».

– Да, вроде.

– Не важно, держи, охраняй своего немца.

Я взял ППШ, взвел, проверил, вошел ли патрон, и направил его на Генделя. Тот сидел на корточках с тряпкой во рту. Семен все-таки сжалился и засунул ему не портянку, а просто обрывок ткани, который оторвал от немецкой формы убитого солдата. Ребята вышли из дома с довольным видом, неся за спиной какие-то мешки.

– Держи, Гриш, тебе по званию положено, – сказал один, вручив Грише пистолет в кобуре и с португеей. Видимо, оружие Генделя.

– Богатая пожива! А теперь айда в лес, живо! Немца своего держи.

Я подобрал шпаги, убрал их в ножны и засунул за ремень. Они мешали, но мне было жалко бросать такое красивое оружие.

– Зачем тебе эти сабельки? – спросил Семен.

– Не могу выбросить, оружие очень хорошее, древнее.

Прямо рука не поднимается.

– Ну тащи, раз охота, по мне так бесполезная железка, – сказал Семен.

– Он этой железкой тебя из плена вытащил, – возразил Григорий, – пусть берет, чего добру пропадать.

– А я что, я ничего, – отозвался Семен.

Мы вышли через задний двор и направились к лесу. Я шел позади Генделя, то и дело тыкая его в спину стволом ППШ. Он все понимал и не сопротивлялся...

Глава 4. Партизаны

Мы шли по лесу вслед за Григорием. По мне, так мы заблудились уже через 10 минут, так как ни одной тропинки в лесу я не видел. Время от времени Григорий останавливался и поднимал руку вверх с вытянутым указательным пальцем. Это означало, что нужно остановиться и не дышать. Он внимательно прислушивался, и после этого мы продолжали движение.

– Это он собак слушает, – сказал мне Семен после первой такой остановки. – Если в деревне были немцы с натасканными собаками, они могут по следу немца пустить и выследить нас, вот он и слушает. Но, похоже «господин» офицер очень не любил, чтобы его беспокоили, – сказал Семен, с презрением глядя на Генделя. – А потому нам, похоже, ничего не угрожает.

Григорий услышал наш разговор и сказал:

– Осторожность еще никому не мешала, след еще сутки горячим будет для собак, поэтому сейчас до ручья дойдем и по ручью километр протопаем, а там уже к лагерю рванем. Все-таки офицера взяли, могут и привлечь собачников-то.

И мы шли, прогулка по лесу была, в общем-то, приятной, и после почти суток, проведенных в сыром и темном подвале, казалась раем. Но тем не менее очень хотелось жрать и просушить ватник, который от сырости весил тонну и сейчас

сильно давил уже на плечи.

Мы прошли до того самого ручья, который сейчас бурлил половодной жизнью, так как, видимо, паводковые воды в лесу еще не закончились, и ручеек напоминал полноводную речку шириной в 1 метр, с перекатами и перетоками. Мы пошли по берегу, так как по самому ручью идти было невозможно.

– Тут все равно следы смоем, ручей русло меняет каждый час, промывая дорогу, так что идем по берегу, пока сможем, думаю, хватит уже, чтобы следы запутать. Через час встанем лагерем, пожрем и послушаем, если все в порядке, то идем в лагерь.

Информация о том, что мы пожрем, сильно взбодрила наш отряд, и меня в том числе, и мы пошли бодрым шагом, и на лицах были улыбки. Видимо, ватники давили на плечи всем, и потому возможность развести костер и немного посушиться радовала всех.

Но костер Григорий развести не дал.

– Нечего сейчас тут дымить, в лагере посушимся, привал 10 минут. Серега, давай доставай, что ты там надыбал.

– О, не извольте беспокоиться, – сказал хитро улыбающийся Сергей. – У меня все с собой, – и он как хитрый Дед Мороз из своего мешка стал извлекать подарки. Он достал несколько банок тушенки, краюху хлеба и бутылку с немецким шнапсом.

– Шнапс оставить, ребят, это наш трофей, и делить не бу-

дем, но давайте вечером уже в лагере. Сейчас пока нельзя. – Все заулыбались, радостными глазами глядя на литровую бутылку с немецкой этикеткой, энтузиазм подогревали и обещания Григория, что этим трофеем делиться не будем.

– Да тут и пить-то нечего, на шестерых-то, – обиженно сказал Семен. – Может, нам Феодосий-то добавит из мобрезерва за плен?

– Может и добавить, но сейчас давайте по куску хлеба с тушенкой и вперед. А что там еще из доба-то достали?

Серегу, хитро улыбаясь, снял вещмешок с Ивана и, развязав узел, показал всему отряду.

– Да ну? Не может быть! Рация! – восторженно вскрикнул Григорий. – Немецкая?

– Да, целехонькая, с ключиком, как положено.

– Ну отлично, надеюсь, Петя разберется с немецкой техникой, если что, вражина-то поможет? – спросил Григорий, головой кивая на Генделя.

– Да куда ему деваться-то с подводной лодки? – ляпнул я.

– С какой лодки? С подводной? В лесу? Ха-ха-ха, – заржали ребята в один голос, видать, моя шутка оказалась новой. – Ну ты юморист, а и правда, куда ему деваться-то, только на дно Егорьевки, больше некуда.

Егорьевкой называли болото, видимо, по названию какой-то деревушки или речушки, я решил не уточнять. Но судьба Генделя была незавидной, и его взгляд был печальным. Вот она, судьба-то, только что он был хозяином поло-

жения, и ему казалось, что он царь мира и ничего ему не угрожает, и вот оно все изменилось в мгновение, и теперь пленный уже он, топает по лесу навстречу своей гибели, и всему виной гордыня и недооценка противника. Интересно, задумался я, а сколько вообще в мире народу в могилу попадает по этим двум причинам? Как бы не половина всех смертей приходилась на гордыню, а половина – из-за недооценки противника или серьезности положения вещей. Вспомнился анекдот: «По статистике, 40 % несчастных случаев происходит после фразы “Смотри, как я умею”, а еще 40 % – после “Смотри, как надо”». От этих мыслей я заулыбался.

Немецкая тушенка и хлеб, который, видимо, испекли только сегодня утром, показались мне божественно вкусными. Правда, эти консервы больше походили на ветчину, а может, это и была ветчина. Три банки вскрыли и сожрали в одно мгновение, все были много голодней меня, видимо, но делили все поровну, по-братски, и никто не смотрел на размер куска другого. Сергей даже хотел кусок дать Генделю, но Григорий его остановил.

– Обойдется немчура, он завтракал недавно, а нас трое суток на голодном пайке держал, нужно и его трое суток выдержать и помоями его покормить.

– Да ладно, Гриш, ну что мы, звери, что ли? Если еда есть, почему бы не покормить? Хотя все одно ведь его в расход, может, и не нужно кормить, – сказал Серега, как бы рассуждая сам с собой. Вот она – странная особенность русского

человека: только ведь сам голодал, а уже готов накормить. Все-таки широта души русских – это какое-то национальное достояние с национальной трагедией одновременно.

Мы двинулись в путь, и через час вышли к лагерю, но в лагере никого не было. То, что это партизанский лагерь, я не сразу понял, так как это просто было место в лесу, где не было подлеска и была хорошо вытоптанная земля.

Из одной землянки из трубы шел дымок, и именно туда и направился Григорий. Мы остались наверху, а он вошел внутрь. Через минуту он вышел оттуда еще с одним бойцом в обнимку. Тот, видимо, очень обрадовался тому факту, что вернулся Григорий, так как тараторил без умолку.

– Феодосий-то, он говорит как: а вдруг ваших поломают, и тогда лагерю конец, наведут, мол, на лагерь, и хана нам. В общем, он ушел с отрядом тут недалеко, 3–4 километра, а нас тут в засаде оставил, а вы, значит, вырвались? Ого, и немца еще пленного привели? А я, значит, Феодосию-то и говорю: не тот, мол, парень Гриша, чтобы немцу просто так вот сдать, не тот! Вернутся, говорю, обязательно вернутся. А он все равно мне говорит, что осторожность и все такое, все-таки поп – он и есть поп.

– Тихо ты, Захар, он командир отряда прежде всего! Я бы на его месте поступил точно так же. И не твое собачье дело его приказы и разуменье подвергать сомнению.

– Да я что, – начал оправдываться Захар. – Я же не осуждаю, но я-то точно знал, что ты, Гриш, вернешься живым и

здоровым. Вот и кто был прав?

– А кто поп-то? – не удержался и спросил я.

– А это кто? – ответил Захар вопросом на вопрос.

– Кто-кто, брат мой, Феодосий. Священник он с Будищ, откуда мы сейчас шли. Вот такая вот семейка, коммунист и священник. Сейчас вот партизанским отрядом управляем. А это Леха, он в плену с нами был, из диверсантов он, – Григорий ответил на оба вопроса, чем поверг меня в смущение. Все, что я знал о советском времени, вроде никак не укладывалось в картинку того, что священник и коммунист могут быть вообще братьями, ну а то, что священник-поп может быть командиром партизанского отряда, у меня вообще никак не укладывалось в голове. Видимо, не все в нашей истории об СССР было правдой. Хотя, может, если бы я этим вопросом интересовался, то, меня бы так это и не удивило.

– А, ну хорошо, – сказал Захар, – ну вы тогда тут располагайтесь, а я за отрядом тогда сбегая, может, вернется тогда сюда, раз все так хорошо. Только вы там по краям аккуратней ходите, там растяжки понаставили, вы чудом реально прошли.

– Да не чудом, а нюхом моим и умением, видел я ваши растяжки, аккурат мимо всех и провел, – ответил с явным сарказмом Григорий.

Захар убежал, а Григорий обратился ко мне:

– Пойдем немца отведем, пока все наши не вернутся. В крайней землянке посидит. А вы, ребят, пока нормально

еды, что ли, приготовьте, там крупы у Захара мешок и пару банок тушенки осталось. Когда отряд вернется, и отметим наше возвращенье.

Ребята рванули исполнять приказанье, а мы втроем пошли к краю поляны, где, видимо, и была землянка, специально оборудованная для пленных. Пока мы шли, Григорий начал оправдываться за брата.

– Он командир-то настоящий, брательник-то мой, только с головой у него что-то в 37-ом приключилось – он в рясю залез. Главное, церковь-то отстоял, не дал снести, и в рясю залез. Мы так и не поняли, что с ним стряслось, так-то вместе ведь на срочку ходили, и учились, и звание с ним, считай, в одно время получили. Мы с ним погодки, он на год всего и старше меня будет. А тут такое дело. А когда немцы-то пришли, он вдруг церковь закрыл и вот в отряд пришел. А с ним, главное, все мужики с деревни, считай, пришли, те, кто и не очень-то за советскую власть-то ратовал – и с ним. Считай, 100 человек и привел, ну они его, значит, командиром и назначили. А я вроде как политрук, вот мы с ним, значит, и агитируем – я за советскую власть, а он за духовные подвиги. Но при этом немцев он бьет – почище нас с тобой будет. Как это все в его голове-то помещается, не понимаю. Я-то в бога не верю, чушь все это, правильно Ленин говорил: опиум это для народа. Нужно было церковь эту снести, но мы с ним порешали, что все разборки на эту тему после победы над врагом вести будем. Он почему-то уверен, что после войны

ему церковь разрешат открыть, и говорит, что бог, значит, вернет себе свое. Тьфу, – рассказывая про своего брата, Григорий явно ощущал идеологический диссонанс. Я решил задать вопрос, который мне показался уместным:

– А как тебя-то в партию с таким братом-то приняли?

– Так я в партию-то в 36-ом вступил, а его в 37-ом завернуло. Меня вызвали в Райком по этому поводу, но там посудили-подумали и поручили мне, значит, вести разъяснительную работу среди населения, ну и не стали его трогать, а меня из партии, значит, выгонять. Много еще у нас несоznательных, очень много. А он брат мой, хоть на голову-то и тронутый, но сознательный. Звучит-то как странно.

– Да я понимаю, все в порядке.

Мы завели немца в землянку, которая была на самом краю, и он вдруг меня спросил:

– А ты немецкий знаешь?

– Ну, так, немного совсем, учил перед войной и в учебке.

– Это прекрасно, нам человек с немецким тут как воздух нужен. Ты ему сейчас скажи, что мы его развяжем и чтобы он сидел смирно, что все вокруг заминировано и чтобы он не думал убегать.

Мы зашли в землянку, там была керосиновая лампа, печка-буржуйка и нары. Мы развязали Генделю руки, вынули кляп, и я ему сказал, вычитывая фразы с коммуникатора:

– Гендель, ты пленный нашего отряда, бежать отсюда бесполезно, вокруг одни болота и мины. Тут вот печь с дрова-

ми, можешь топить, керосинка тебе для света». – Тут я не удержался и съязвил: —

Вот видишь, как советские солдаты обращаются с пленными немецкими солдатами? Не то что вы.

Гендель смотрел на меня полными тоски глазами и вдруг произнес:

– Если ты разрешишь мне еще раз с тобой сразиться, это будет достойно с твоей стороны. А для меня это будет честная смерть.

– Что он говорит?

– Ну, я ему про печку и про то, что мы ему условия дали получше, чем он нам. А он мне говорит, что хочет со мной еще раз сразиться, типа для него это будет лучшей смертью.

– Ого, вот он ненормальный, ей-богу, не будем мы с ним сражаться, к стенке поставим сегодня вечером – и дело с концом. Но нам с него информация еще нужна, чтобы он все рассказал, но позже.

– Мне бы немецким с ним позаниматься, заодно информацию выведать. Так-то я практики на немецком почти и не имел, мало ли, еще пригодится.

– Ну ради этого пару дней можно, ладно, сегодня он все равно не сбежит, а к вечеру тут часового приставим, пусть отдыхает. Пойдем.

Мы пошли в центральную землянку, где ребята, уже натопив буржуйку докрасна, разделись и сушили свои ватники и другое белье.

– Нам бы баню! Гриш, баньку бы. Можно?

– Ну а че бы и нет?

– Может, прямо тут замутим? Тут уже тепло, сейчас камней-то наложим и попаримся.

– Захар нас убьет, что мы с его землянки баню сделали, он же ее сушить потом десять лет будет.

– Да ничего и не десять, мы сами все и выветрим. Ну просто сил нет сейчас ждать-то, а сырые все не пропаримся – подохнем.

– Ну, и то верно, ладно, действуй, Семен.

Я слабо себе представлял, о чем они говорят, но вдруг увидел, как из землянки можно сделать баню буквально за 30 минут. Ребята принесли круглые булыжники, обложили ими буржуйку и продолжали топить так, что она стала красной. Вещи при этом куда-то унесли и принесли ведра с водой.

– Что, Леха, замер? Не парился никогда по-партизански?

– Нет, ни разу.

– Ну, не переживай, скидывай с себя все, сейчас постираемся и пропаримся.

Я не стал себя второй раз уговаривать, я снял штаны и фуфайку, которые мне уже сильно надоели, и Иван их куда-то утащил. А трусы и майку я постирал тут же. В землянке было уже градусов 60, и пот лился градом. Но когда Семен взял кочергой один из камней, который уже раскалился докрасна, и бросил его в ведро с водой, которая мгновенно вскипела, в землянке стало градусов 80, а может, и больше. Уши нача-

ли сворачиваться в трубочку, но тепло реально выгоняло тот холод, который успел проникнуть по самый позвоночник. И в ход пошли еловые веники, которыми мы парили друг друга по очереди. Недостаток такой вот походной бани был в том, что минут через 30 в парной стало абсолютно нечем дышать, а температура достигла невероятных размеров. И я выбежал на улицу, что называется, в чем мать родила, а со мной с веселым улюлюканьем и гиканьем – весь остальной народ. На улице по-весеннему уже пекло солнышко через деревья. И было жарковато, чтобы охладиться, хотелось бултыхнуться в пруд или закопаться в снег, но, к сожалению, ни того, ни другого не было. Но мы весело бегали по поляне, голые и веселые, а из землянки варил пар так, как будто там был пожар.

– Ох и влетит нам от Захара, ох и влетит, – весело кричал Григорий. – Придется нам ему вшестером новую землянку копать-то.

– Ничего, выкопаем, что нам стоит дом построить, – весело вторили в ответ.

«Посреди войны люди праздновали жизнь», – откуда-то всплыла в моей голове фраза. Вот реально, ведь еще три часа назад мы были фактически трупами, жизнь которых не стоила ничего. А тут мы опять жили и радовались жизни. Может быть, впервые я почувствовал эту радость жизни именно тут, в этом месте. Я не мог в любой момент сбежать, и именно тут я был ближе всего к смерти. И потому это парное безумие для меня было таким же радостным, как и для

ребят, которые там тоже уже успели попрощаться с жизнью.

Отряд начал прибывать через час после того, как мы закончили париться, хорошо поели и выпили весь шнапс в количестве 1 литра. Я бахнул вместе со всеми и почувствовал жар внутри, который дополнил картинку. Но литр на шестерых – это литр на шестерых, хоть я и не просил добавки, но ребятам было мало, и они начали требовать еще у Григория.

– Ну, Гриша, найди, ты же знаешь, что есть заначки.

– Ну откуда тут заначки-то? Все ведь ушли, нет ни хрена, погоди, вернутся, может, и сообразим че.

И они вернулись, лагерь неожиданно стал живым, люди приходили и начинали делать какие-то свои дела, которые были нужны. Затопились печи в землянках, и всюду запахло дымом, появились костры. Раздался крик Захара, который вдруг увидел, во что превратили его землянку.

– Ну что вы, Е№5ать, натворили, – звучал его голос, и в ответ ему бубнил что-то Григорий. А я сидел рядом на земле, прислонившись спиной к дереву, в сухом и теплом ватнике...

– Проснись, отрок, проснись, – кто-то меня будил, разлеплять глаза не хотелось, что за отрок еще? Что за слово? Кому я понадобился? Я открыл глаза и увидел священника. Ну, или, точнее, странную комбинацию из человека в черной рясе с крестом на цепи, с распахнутым ватником и автоматом ППШ за правым плечом. Ему бы кадило, а не ППШ, но у него явно был ППШ, а не кадило...

– Что вам? – спросил я, злясь на то, что меня вырвали из сна. Хоть, может, и правильно, что вырвали, сейчас я понял, что у меня затекла задница по самую половину тела. Так как сон сидя на голой земле, сидя не очень правильная позиция.

– Вставай, пойдем побалакаем, потом в землянку спать пойдешь как человек, ты тот самый геройский герой, что брата моего выручил?

– Ну уж скажете тоже – герой, никакой я не герой.

– Ну ладно, не прибедняйся, сейчас все, кто выжил, – все герои.

За день лес прогрелся уже почти до летней температуры, было градусов 18, а то и 20. Судя по всему, было уже около четырех часов. Спать вроде было еще рано, и, наверное, я не усну сейчас, хотя после ночи, проведенной в подвале, в холоде и после бани это было вполне себе возможно. Я встал, чуть размял ноги, которые мгновенно пронизала тысяча иголок, и пошел вслед за странного вида священником. Он провел меня в землянку, где был стол, целых две керосиновых лампы и четыре спальных места. На одном из них лежал Григорий.

– Садись за стол, отрок, тебе чай или самогону?

– Лучше чай. Меня Алексеем звать. А что, Григорий спит?

– Да спит, они у меня четверть самогону выпросили, я выдал, вот теперь все пятеро в отрубе. А ты что отказываешься?

– Да почему отказываюсь-то? Мне просто и не предложили.

– Ну я сейчас предложил.

– Да сейчас-то уже и неохота.

– Меня отец Феодосий звать, но сейчас можно просто Феодосий. Сейчас мы тут в других чинах. Так ты откуда? Гриша начал было говорить, но я уже его и не понял.

Я пересказал Феодосию свою легенду, и он вроде как и поверил, но вдруг спросил:

– А бумаги есть какие при тебе?

– Есть, в сапоге в каблуке, есть ножик?

– Есть, конечно, на вот, – он дал мне тесак размером с половину от меча. Я снял сапог и понял, что не знаю, где точно эта самая капсула должна быть: то ли в самом каблуке, то ли под резинкой, – но решил, что сниму каблук целиком. Я подковырнул ножом, и каблук отошел на гвоздях. Капсула оказалась в нише самого каблука. Капсула представляла собой черный шестигранник, который был плотно завинчен. Я чуть не высказал свое удивление, глядя на этот самый шестигранник. Так как у нас дома точно в таком же вот шестиграннике хранили иголки, сколько я себя помнил. А оказывается, это была самая настоящая солдатская капсула. Развернув ее, я достал плотно скрученный листок бумаги, на котором было написано:

«6467974 Старший лейтенант разведки Алексей Сергеевич Бурда»

– Старлей, значит? Хорошо! Командиров нам очень не хватает, так ты, значит, и по-немецки шарахаешь?

– Ну так, понемногу, практики не хватает, но набор слов есть.

– Гриша что-то говорил, что ты просил пока немца не кончать?

– Да не то чтобы просил, просто говорил, что мне бы это помогло.

– Ну, если ты сможешь разобраться с немецкой радиостанцией и еще ему пару вопросов задашь, то тогда, конечно, пусть живет какое-то время, но вообще тебе его шлепнуть по-любому придется.

– Мне?

– Ну да, тебе, ты уж прости, но это будет твой грех и твое испытание. А я уж за твою душу молиться буду.

Ишь, молиться он будет, а я должен взять вот и человека убить? Сам бы взял и убил. Но вслух я сказал:

– Он просил реванша, чтобы я с ним на саблях сразился. Может, так я его?

– А справишься?

– Ну, если мне к сабле еще во вторую руку вот этот нож, то точно справлюсь, – я помахал тесаком, которым отковыривал каблук с сапога. Я думал, что с тесаком и саблей я смогу применить технику обеих рук, которой хорошо владею, и у меня всяко будет преимущество. Не совсем, правда, понимал, насколько это будет выглядеть честно в глазах Генделя, но, с другой стороны, какая разница?

– Ну смотри, это твой выбор, но хоть ребят потешишь.

Мне главное – рацию запустить, чтобы с центром связь установить. Все-таки пользы-то всяко больше будет от нас тут, да, может, и немец твой сведенья какие толковые передаст.

– Ну я рад помочь, чем могу.

– А какое задание у тебя тут было? – неожиданно спросил меня Феодосий.

– Я не имею права говорить, скажу только, что задание я выполнил и должен был присоединиться к отряду партизан и по возможности вернуться к своим.

– Не посмотрим на счет возможностей, ребята говорили, что наши наступают уже?

– Да, наступают и победят точно, – зачем-то сказал я с излишней, может быть, уверенностью.

– Да я знаю, что победят. Не могут не победить, это всего лишь дело времени и определенное число жизней, – меня поразило, с каким спокойствием произнес эти слова священник.

– Вы так спокойно про это говорите? Ведь жертва великая, и вам все равно?

– Было бы все равно, разве я тут в лесу комаров бы кормил?

– Ээ, нет, наверное.

– Ну вот и не говори того, чего не знаешь, молод ты еще очень. Хоть я вижу по глазам, что и тебя жизнь многому научила. И главное, что душа у тебя живая, не спящая.

– Что значит «живая»?

– Ты думаешь, для человека самое страшное – это война? Нет, Алексей, для человека самое страшное – это умереть душой при жизни. Ты никогда не встречал живых, но мертвых людей в своей жизни?

Я задумался над словами отца Феодосия: живых, но мертвых? Конечно, встречал, два года назад такой вот человек смотрел на меня по утрам из зеркала, и неплохо так смотрел.

– Да, пожалуй, встречал, я понимаю, о чем вы говорите.

– Давай ко мне на ты, не выкай меня, как силу нечистую. Вот про то я тебе и говорю, ты понял, о чем я, война – это страшно, но есть у нее и полезная сила – будит души человеческие поднимать их.

Я вспомнил Техно, где 300 лет не было войн и были мир и порядок, где человечество практически вымерло, я бы хотел поспорить с Феодосием, но именно я точно знал, что он прав.

– Вы даже не представляете себе, насколько вы правы, отец Феодосий, – опять буркнул я вслух, находясь в своих мыслях. Он посмотрел на меня долгим взглядом и вдруг начал рассказывать.

– Ты, наверное, хочешь спросить, как это так: брат – коммунист, а тут священник? Это в 36-ом было, мы тогда только звание с братом получили и все горели идеями светлыми, потом со мной приключение одно произошло, которое я даже брату родному не рассказывал. Направили нас тогда в деревню одну, банду одну изничтожить нужно было. В эти года их уже мало осталось, но, бывало, возникали они-то там, то

тут. Вот нас и направили в помощь милиции, молодые офицеры, тогда лет как тебе было. Только лейтенанта получили с Гришей. Счастливые, полные планов и надежд на будущее. И тут бандиты, мы всех их положили с края деревни. Нас перевес-то был даже больше, чем 3 к 1, у них шансов-то и не было. Ну, в дом заходим, а там главарь их сидит на коленях, и дочку свою на коленях держит, ее пулей шальной убило, и такую тоску я тогда в его глазах увидел смертную. Что-то во мне сломалось тогда, оружие в руках стало противно держать. Я отпуск взял и в Будищи вернулся. А там в церкви отца Филарета встретил, он мне другой путь-то и рассказал, вот я и в священники подался. А когда немцы пришли, я смотрю – чужие они, как есть чужие, а народ в Будищах меня уважал тогда уже, ну вот я и принял решение, что пока враг на моей земле, стану солдатом. И главное, если я спасу душу того же Семена, который каменным сердцем стал, то и свою священническую миссию выполняю как положено. А немца выгоним – опять надену святые праздничные одежды и бесов кадиллом гонять буду.

– А что, Семена, ты считаешь спасать надо?

– Да, это обратная сторона войны, много душ она будит, но много душ ожесточается, немцы – враги, но все-таки они люди, которые рабы своей идеологии. Они многие сюда не по своей воле пришли, и многие падут тут и родины не увидят. Но, разбудив внутри зверя кровожадного, обратно его не загонишь. И звери что в немцах просыпаются, что в наших. И

не важно, есть ли оправдания для этого зверя, но стоимость ему – душа человеческая. Вот я и стараюсь тут, как могу, с Гришей пополам, чтобы люди зверя в себе не будили.

– Священник и коммунист в борьбе за души людские, пожалуй, это много даже для меня. Скажи мне, пожалуйста, а вот чем было бы можно помочь Красной армии, чтобы жертв было меньше? – я задал вопрос, который я думал еще по пути сюда: а чем я им помочь-то смогу?

– Да чем тут поможешь, кровавая жертва принесена будет целиком и полностью, и ничего тут не изменишь, как ни старайся, а немцы уже проиграли, они еще этого не поняли, но они уже эту войну проиграли. Они проиграли ее еще тогда, когда границу нашу перешли. Но поймут они это не сразу, может, до конца войны не поймут. Война эта была лишь делом времени, когда человек веру потерял. А веру-то он не сейчас потерял и даже не в 1917-ом, а намного раньше. Разве допустил бы народ сноса церквей, если веры бы не потерял? Вон в Будищах все на дыбы встало, и партийные ничего сделать не смогли. Придет время – и вернется господь в души человеческие, и вспомнят они имя его.

Отец Феодосий включил священника и начал откровенную проповедь, но почему-то я перестал раздражаться этому факту или высмеивать его. Сейчас мне слова его казались очень значимыми, смущал только один факт: что он верит в бога всемогущего, а я вот знал, что бог – он совсем другой, что он может быть практически обычным человеком.

– Скажи мне, отец, ты считаешь, что бог всемогущий? И может все-все на свете?

– «Ох ты, лукавый отрок, поймать меня хочешь? – Я немного опешил от такого ответа.

– Как это «поймать»?

– Ну я скажу, что он всемогущий, а ты спросишь, сможет ли он создать камень, который сам поднять не сможет.

Я несколько секунд смотрел на отца Феодосия, силясь понять, что он сказал, а потом я не выдержал и засмеялся, а он засмеялся мне в ответ. Высмеявшись, я все-таки продолжил свой разговор:

– Я хотел спросить про другое: вот вы себе бога представляете всемогущим дедушкой, который может все. А я вот хотел спросить: а если он такой же, как и все люди? Он же создал нас по своему образу и подобию, значит, и он может быть человеком?

– Да ты еретик, оказывается? А я-то в темноте своей тебя за комсомольца принял. А ты вон теософ, оказывается? – он говорил с юмором, явно уходя от ответа на вопрос, который я хотел ему задать.

– Я не еретик и не теософ, просто довелось побывать в таких местах, о которых и говорить-то не получится. Вот и пришел к выводу, что мир-то создан не просто так, а может, он создан не всемогущим, а таким же, как вот ты или я, человеком, со всеми присущими человеку ошибками и просчетами.

Отец стал серьезным, насупил брови и задумался над моими словами.

– Может, оно и так, только это не ошибки и просчеты, а мне кажется, это условия для роста душ человеческих. Ты расскажешь мне о своих приключениях? Сдается мне, камень у тебя на душе висит и исповедь тебе требуется.

– Вряд ли вы мне помочь сможете и вряд ли исповедь мне поможет.

– Ну так не сейчас, приходи ко мне, когда готов будешь, и расскажешь мне все.

– Ну, когда готов буду, тогда и приду.

– Славно, отрок. Давай спать ложись, а я пойду покомандую немного людьми неразумными. Утро вечера мудренее, у нас очень много дел и заданий.

Я с радостью принял предложение лечь спать, так как глаза мои безбожно слипались, несмотря на всю высокопарность нашей беседы. И поэтому я занял кровать, которую мне показал отец Феодосий, и провалился в сон, не успев донести голову до вещмешка, набитого сеном, который был тут вместо подушки.

Утро было холодным и сырым. Буржуйка, которая быстро нагревала помещение, так же быстро остывала, и, даже несмотря на то что землянка была по большей части под землей, под утро все равно было свежо. Интересно, как оно тут зимой? Слава богу, что попал сюда поздней весной.

Я вышел из землянки и увидел, что лагерь уже не спит,

всюду было движение, и недалеко от входа я увидел отца Феодосия, который разговаривал с Семеном.

Подойдя поближе, я услышал возмущенный голос Семени, который отвечал на часть разговора, которую я не услышал:

– Ты мне тут свои религиозные штучки брось, я буду их мочить, везде и всюду этих гнид немецких, никогда им не прощу того, что они сделали.

– Ты должен простить вот тут, а защищать родину от врага – это святое дело. Умереть за родину тоже правильно. Но злобы быть не должно.

– А как мне убрать эту злобу? Она ведь меня душит, прямо вот тут стоит, – рассказывал Семен, сжимая руками горло. – Вот тут пусто, как в бочке, – показал он на область сердца. «Как вижу этих гадин, холеных всех, выглаженных, так прямо ярость берет.

– Нужно стараться простить себя. Ты к себе ведь ненависть испытываешь, что не смог их спасти, что не смог предотвратить. Ты должен в первую очередь себя простить... О, Алексей, доброе утро.

Увидев меня, отец Феодосий улыбнулся, а Семен смутился, что-то пробурчал и ушел.

– Пойдем со мной, нужно помочь Петру со станцией. Если не разберется, нужно к немцу сходить, чтобы он помог.

– Хорошо, пойдем. – Мы пошли на другой край лагеря, по дороге Феодосий спросил:

– Ты пойдешь в поход с отрядом?

– В какой?

– У нас тут, в общем-то, цель одна, мы наблюдаем за дорогами и по возможности уничтожаем одиночные машины и небольшие конвои. Ходим отделениями, не больше и не меньше 10 километров от лагеря. Почему так важно связь иметь. Если большую колонну или большое перемещение сил противника видим, то сообщаем. Но в прошлый раз после передачи налет был на лагерь, и рацию потеряли. С тех пор вот уж 6 месяцев без связи.

– А поезда с рельс не пускаете?

– А где их тут взять-то, поезда? У нас тут нет поездов. Дороги вот минируем, но со взрывчаткой проблемы, если возьмем ящик снарядов, то сделаем, что сможем. Но взрывателей не хватает, поэтому все самодельное выходит опасное и неэффективное. В прошлом году повезло: машину взяли, там два ящика мин было, так мы немцу много кровушки-то пустили. Но пока что больше такого добра не попадалось, поэтому только так вот и действуем.

Мы дошли до землянки, как я понял, тут и жил Петр. Вошли внутрь, я увидел Петра. Молодой симпатичный парень, с бородой, где-то мой ровесник. Он встал и поприветствовал нас: «Вот она, техника-то немецкая, никак не могу понять, что не так, вроде и геродин нашел, и с ключом разобрался, но оно все что-то не то в эфир шлет.

– Ты отсюда не смей ничего слать, запеленгуют и бомбар-

дивовщики пришлют.

– Да я знаю, я передачи-то не веду, так только, слушаю, тут шифровальщик какой-то встроенный, не могу понять, как его отключить-то? Так-то станция наши все опережает на много, хорошая станция и батареи очень хорошие, а Серега еще и запасные к ней притащил, но будь она неладна, не могу морзянку нормальную выстукать, все что-то не так передает.

– Ну бери аппарат, пойдем к немчуре, пусть подскажет.

Петр быстро убрал станцию в вещмешок, обращался он с ней с максимальной осторожностью и уважением, видно было, что он относился к этому немецкому чуду техники, как бы я, например, относился к новому айфону.

– Это чудо-аппарат, у него прямо все волны на прием есть. Можно хоть Москву слушать, только антенна нужна метров 10 и желательно вверх по елке. Можно будет организовать? Один час в день слушать?

– Да, новости не помешают, особенно хорошие!

– Я все организую в лучшем виде, а передачу, кстати, я придумал, лучше всего с плота на Лозивке делать. Отсюда километров пять, но пеленга они по реке не получают, большая зона будет. А если и бомбить будут, то там и жилого ничего нет, а можно и по варшавянке. Может, и лодочку какую найдем.

– А ты в лодке-то ключом бить сможешь?

– Я и стоя на голове смогу, я в учебке на спор со спины бил и ни разу не ошибся.

– Не нужно со спины, а идея хорошая, лодку, думаю, не сложно будет найти, главное, чтобы немцев не было. Алексей, может, ты компанию Петру составишь?

– Да почему нет?

– Я вам, если что, еще и форму немецкую дам, Алексей – он по-немецки говорит, так что если попадетесь, так, может, еще и отбрехаетесь с божией помощью.

– Да не попадемся, там немцев-то и нет на реке-то этой.

– И в Будищах не было, и в Мошнах не было, а сейчас всюду есть. Так что осторожность нужна. Но вы вдвоем неприметней будете, чем с отрядом.

Мы подошли к землянке, где сидел Гендель, рядом стоял часовой со шмайсером.

– Открой, Вань, поболтать нужно с немцем нам.

Мы зашли в землянку и увидели Генделя, он лежал на шконке, видимо, мирно спал. А керосиновая лампа тихо тлела на столе. От звука двери Гендель вскочил и ошалело огляделся по сторонам.

– Кто здесь? – спросил он испуганно, видимо, спросонья не сразу сообразив, где он находится.

– Спокойно, Гендель, спокойно, – сказал я ему по-немецки. Я решил не тянуть резину и сразу предложить Генделю сделку, как мне казалось, достойную того, чего он просил. – У меня к тебе деловое предложение: ты помогаешь мне с рацией, а я тебе обещаю достойную смерть на дуэли. Но если ты сломаешь ее или откажешься помогать, тебя повесят, и

глаза твои выключают вороны.

Когда я произнес это свое предложение на немецком, мне показалось, что я какой-то Фауст, который делает мрачное предложение из двух зол. Но Генделю мое предложение понравилось, и он спросил:

– Ты даешь мне слово офицера, что сразишься со мной?

– Да, я даю тебе слово офицера, – правда, никаким в действительности офицером я не был, но и нарушать данное слово я не планировал. – «Только у меня условие: я буду, кроме сабли, иметь в руке еще и нож.

– А мне нож не положен?

– А тебе он нужен?

– Нет.

– Ну вот и порешали.

Я перевел содержание нашего разговора Феодосию, он поморщился.

– Ну зачем это мальчишество?

– А как его еще было уговорить помогать? Он же благородный фон Иорих, ему честь выше, чем жизнь.

– А если он тебя убьет?

– Ну, убить не убьет, я думаю, я справлюсь.

– Думает он.

– Давайте, как я сказал, иначе сами с ним говорите.

Гендель внимательно наблюдал за нашим разговором и, когда я добился своего, он спросил:

– Это твой офицер? – Не уверен, что коммуникатор пра-

вильно перевел слово «kopf», но на всякий случай ответил утвердительно. Коммуникатору нужно было еще больше времени в общении на немецком языке, чтобы сформировать успешную программу для занятий.

Петр достал рацию и поставил ее на стол все так же бережно, почти как ребенка.

– Спроси его: она шифрует сообщение в работе с Морзе?

Я спросил и получил ответ, который перевел. Гендель действительно решил помогать, правда, после того как счастливый Петр убежал со своей драгоценной станцией вон из тюремной землянки, он сказал:

– Вам все равно не победить, вы пещерные люди с затуманенными мозгами, вам не победить цивилизацию.

– Ты очень ошибаешься Гендель, и ошибаешься сразу по нескольким вопросам. Первый – вы обязательно проиграете эту войну, и победа будет 9 мая 1945 года, практически ровно через три года. Во-вторых, ты ошибаешься, что наш мозг затуманен сильнее, чем ваш. Немецкий народ будет каяться перед всем миром за содеянные преступления, и в-третьих, что ты считаешь нас варварами и себя цивилизацией, – я был доволен такой длинной и красивой, как мне казалось, фразой на немецком, хоть и выговаривал я ее не торопясь. Но Гендель, видимо, не оценил всей красоты, он посмотрел прямо пристально мне в глаза и произнес:

– Dummheit, – что коммуникатор перевел как «чушь собачья». Мне захотелось вдарить кулаком по этой немецкой

наглой морде. Но, подумав, я понял, что переубедить его сейчас в обратном – это нереальная задача. Это как доказать мне, что солнце вращается вокруг земли, я был уверен в обратном, хоть, по-хорошему, сам я этого никогда и не видел. Поэтому я повернулся и ушел. Феодосий распорядился покормить пленного, и мы пошли к складу, где подобрали немецкую форму и даже документы. Я перебрал несколько документов и остановился на одном из документов, который мне показался самым реалистичным.

Йежи Ковальский, город рождения – Краков. Я подумал, что если придется говорить с немцами, то мой акцент будет больше всего похож на польский, но очень надеялся, что поляков не так много на стороне немецкой армии и что мне повезет. Звание обер-лейтенанта вермахта. Кладовщик нашел форму лейтенанта, а Петру – форму рядового.

Вот все-таки что умели немцы, так это шить форму, в партизанском отряде было очень много немецкой формы, и партизаны очень часто ей пользовались, потому что это было хорошей маскировкой, ну и потому что она была удобной. Хоть, как мне сказал Петр, она очень холодная.

– Зимой в ней дуба дашь в лесу. Немцы кутаются тоже во все, что могут, не рассчитали они на нашу зиму, может, к следующей подготовятся лучше, а этой много померзло их, очень много. По-моему, больше, чем от пуль погибло. А так форма у них очень удобная, много кармашков, то что надо.

И я был с ним согласен, даже сапоги хромовые, которые

кладовщик держал для «особого случая», были просто удивительно удобными и мягкими сапогами, в которых не нужны были портянки, а можно было обойтись носками.

– А откуда столько формы? – спросил я кладовщика, имени которого не знал.

– Меня Яша зовут. Формы у нас много, через одну машину, которую мы берем, это обязательно машины с формой. Вот и натаскали тряпок полный склад. Немцы очень много в прачечную отправляют, вот и потому и ходит. У нас есть практически на любое звание и любой размер форма, – Яша был истинным евреем, и нахождение его в партизанском отряде было вполне понятным. С его акцентом и носом он бы среди немцев не прожил бы и одного дня. Но щедушный вид и слабые руки делали из него не очень хорошего воина, и потому он занимал должность «зам по тылу». Или кладовщик.

– Спасибо тебе, Яша, подобрал все, что нужно.

– О, у меня для вас еще есть дополнение, скажите мне: вы курите?

– Нет.

– Как жаль, я бы вам еще немецкий портсигар был выдал.

– Так Петру выдайте.

– Не положено рядовому портсигара, а вот господину офицеру очень даже положен.

Глава 5. Дуэль

К полудню в лагере сильно обезлюдело, отряды уходили один за другим, уходили молча и тихо. Без слов уходили. Может, вернуться, может, не вернуться, но никто не прощался. В лагере остались только тыловые, кто отвечал за лагерь. И отряд, с которым я пришел вчера из плена, им Феодосий дал сутки отдыха. И завтра они уже должны были также пойти в новый поход. Я же решил не отдыхать и пойти с Петром на речку, откуда осуществить передачу.

– Мы передавать будем по открытой волне и по всему диапазону, чтобы наши слышали и поняли, кто и что передает. Первая передача короткая, просто что мы отряд такой-то, находимся там-то, готовы действовать, ждем указаний. И время приема. В общем, минут в пять уложусь, а вот когда уже получим обратную связь и канал выделят, тогда уже будет дольше.

В общем, на сегодня наше задание было дойти до речки, разведать, есть ли плот или лодка, и передать первый раз передачу.

Мы шли по весеннему лесу, весна в этом году была поздняя, холодная. Но солнышко при этом пекло нещадно. Я, глядя на солнышко, невольно поежившись, сказал:

– Эх, скорей бы тепло. – На мое высказывание Петр аж сморщился.

– Да ну это тепло, пусть лучше холодно будет, особенно по ночам.

– Почему? – сильно удивился я

– Комары, блин, ты не жил в лесу?

– Когда бы я жил в лесу? Я городской!

– Вот и я городской, и потому тебе говорю: холод гораздо лучше. Еще пару дней – и ты поймешь, что такое ад. Я в прошлом году просто умирал. Деревенским проще, их, похоже, или не кусают, или они уже не чувствуют, а я в отряд в августе попал, и реально хуже нет напасти. Я чем только не мазался и так радовался, что осень холодная была. Вот еще солнышко попечет, и проснутся твари эти фашистские, я их хуже немцев ненавижу. Немцев-то мы выгоним, а от этих тварей не избавиться никак.

Да, про этих тварей я как-то не подумал. Вспомнил, как ходил с ребятами на ночную рыбалку на Днепре и как мы чуть ли не в костер залезали от этих созданий. И как не спали всю ночь и с первыми лучами солнца с радостью рванули на воду, чтобы скорей уплыть от этих кровососущих вездесущих. Да, видимо, зря я ждал тепла, с ним действительно проснутся комары.

– А можжевельник не помогает? – спросил я, вспомнив, как мы палили сухие ветки можжевельника в попытках спастись от комаров, и нам тогда казалось, что это немного помогает.

– Может, и помогает, да где ж его взять, нет можжевель-

ника тут нигде, я не находил, так-то я хоть конским навозом намажусь, лишь бы ночью поспать спокойно.

Мы дошли до речки Лозивки и пошли по кустам в течение 40 минут, и вдруг Петр улыбнулся.

– Вон, смотри, Верши стоят, значит, там и лодка должна быть. Видать, местный рыбалит.

Я посмотрел, куда указал Петя, и увидел деревянные дуги в траве, действительно верши. Пройдя по кустам напротив верш, мы действительно обнаружили лодку.

– Две недели связи у нас точно будет, пока нерест идет, хозяин лодку не уберет. Нам только обязательно нужно ее будет на место возвращать, а то он верши переставит – и опять искать будем. Так, ну, сегодня отсюда передачу набьем, держи катушку и давай шуруй к воде, покуда сапог хватит. Над рекой лучшее прохождение сигнала будет, я думаю, нас услышат.

Я взял катушку на двух ручках и пошел, разматывая проволоку антенны, а Петр сел под дерево, надел наушники и начал передачу. Я дошел до воды и зашел в воду до половины сапога. На катушке еще оставалась проволока, но я дальше решил не идти на глубину и прошел вдоль берега. И стал наблюдать за вершами, от которых явно шли круги, видать, улов уже был. Хозяин верши проверяет, видимо, или рано утром, или поздно вечером, а сейчас, в полдень, его точно рядом нет. Нужно будет уговорить Петра и проверить верши, наверняка в отряде порадуются свежей рыбке.

Я стоял в воде и наслаждался тишиной и покоем, который сейчас тут был. Речка текла с таким тихим шипением, время от времени в траве плескалась щука или окунь, которая занималась продолжением рода. В лесу во всю мощь своих птичьих легких пели птицы, радуясь весне и призывая самок. Я услышал свист крыльев, и прямо над моей головой пролетела пара уток. Меня просто завалило чувством весеннего счастья, мне так захотелось домой обнять Лейлу и Элизу. Обнять бы их обеих сейчас, а они бы обняли меня вдвоем и сказали бы:

– Мы помирились между собой и ждем тебя домой, Алексей, не уходи никуда.

Я так замечтался и расплылся мыслями, что не сразу заметил, что мои руки кто-то активно дергает. Придя в себя, я заметил, что Петр судорожно дергает проволоку, показывая мне пальцем в сторону. Там из-за леса слышались шлепки весел, явно плыла лодка. Я, быстро сматывая проволоку, пошел на берег и спрятался в кустах вместе с Петром.

– Ты что там, уснул?

– Да нет, замечтался, погода, весна – поплыл.

– А, понятно. Кто там плывет-то?

– Да кто ж его знает, кто там плывет.

Мы выглянули, из кустов лодка уже была в видимости, на ней плыл какой-то старый дед.

– А, понятно, это рыбак из местных, пойдем потихоньку, он нас видеть не должен. Он, скорей всего, тоже верши по-

ставит и лодку тут схватает, а нам хорошо – чем больше лодок, тем лучше.

Мы тихонько ушли от берега и пошли в сторону отряда. Когда отошли, Петр рассказал:

– Я получил уже и канал, и координаты, и время связи. Это просто чудо какое-то. Сегодня в 18.00 будут переданы точные инструкции, так что нужно быстрее вернуться в лагерь, чтобы антенну растянуть. А наши-то, наши, видать, много партизанских отрядов-то, раз канал сразу держат. Я, главное, такой только передачу начал, а мне сразу, мол, уйти с линии, в 18.00 жди инструкций по частоте такой-то. Красота, видать, отлажено все. Вот только проблема одна есть, где нам взять седьмой том из собраний Ленина?

– А зачем тебе он?

– Да понимаешь, они передали: приготовите Л7, шифр они будут передавать по нему. Но где вот его найти? Может, Яша что придумает, этот хитрый жид что угодно может достать.

В общем, задумка-то была понятная, немцы слушали все, и потому открытым текстом общаться было невозможно. Ну и была у связистов своя кодировка. Передавали цифры, номер страницы, номер строки и номер слова. И обратная связь проходила точно так же. В качестве книги шифрования использовали полное собрание сочинений В. И. Ленина, которое должно, видимо, было быть у любого сознательного коммуниста.

Вернувшись в лагерь, мы передали о необходимости найти нам необходимую литературу Феодосию, он задумался и сказал нам спокойно принимать передачу, и все собрание он нам обещать не может, но седьмой том обязательно найдет к утру.

– Да шифровку-то я приму, я расшифровать ее не смогу, – жаловался Петр.

Петр ушел оборудовать приемную станцию, а я пошел пообщаться к Генделю. Зайдя в землянку, я обнаружил его отжимающимся от пола. Он, увидев меня в немецкой форме Лейтенанта, в непроизвольном движении вскинул руку вверх, но осекся, сообразив, кто перед ним.

– Я выполнил все, что вы просили, и прошу выполнить мою просьбу.

– «Да я думаю, завтра мы все устроим. Командир отряда разрешил нам провести дуэль.

– Скажите мне: как вас зовут?

– Алексей. – Мое имя для немецкого языка было тяжелым, и потому он произносил его как Алекс.

– Скажите, Алекс, кто Ваш учитель?

– Это слишком долго рассказывать, да и вы не поверите, как не верите в победу Красной армии.

– Ваш учитель немец?

– Нет, он даже не человек, – я был откровенным с Генделем, так как он был приговорен, даже если завтра он со мной справится, его все равно поставят к стенке, так как кормить

его в отряде никто не будет.

– Как это не человек?

– Мой учитель – самый настоящий эльф.

– Вы шутите?

– Нет.

Я решил, что на сегодня хватит уже терроризировать бедного Генделя, у него и так уже начали вылезать глаза из орбит, и я вышел из землянки. Для чего я приходил? Позаниматься немецким? Нет, вряд ли, это был предлог. Посмотреть на противника? Как его тут посмотришь? Я пришел, чтобы подавить его морально, именно для этого. Мне стало неприятно от этой мысли, что я, в общем-то, пользуюсь, может быть, не совсем честными приемами ради победы. Но тут же я нашел себе оправдание: сколько честных воинов я встречал в своей жизни? А сам Гендель сильно был честный, когда резал по одному партизан из подвала себе на потеху? Какой был шанс встретить серьезного противника?

Хотя ребята могли провернуть операцию и без меня, если бы Гриша простоял с минуту, махая саблей, как я поначалу, они точно так же смогли бы окучить двух солдат. Так что в чем-то Гендель, конечно, рисковал, но скорей от собственной мании величия, нежели чем от благородства.

Вечерело, в лагерь начали возвращаться отряды с поживой, самой ценной, по словам Григория, были ящики с патронами.

– Два полных ящика патронов для шмайсера – это просто

замечательно.

Также ребята притащили пулемет с двумя наборами лент в железных коробках. Григорий увидел огромного детину с пулеметом на плече, спросил:

– Володя, ты его, что, с корнем оторвал? Пулемет-то явно со станка, где ты его надыбал?

Детина, которого звали Володя, заулыбался.

– Да я его с мотоцикла снял, но я не отрывал, я открутил. Он там на барашках закреплен, легко снять было.

– А что ты его прямо с коляской не открутил? – в шутку спросил Гриша.

– Да она неудобная, коляска-то, на плече не помещается, – ответил в шутку Володя, и веселый смех, раздался в лагере.

Еще через час вернулся еще один отряд, но в этот раз были не трофеи, а носилки, на которых кто-то лежал. Я подошел поближе к отряду, на лицах было горе. На носилках лежала девушка, гимнастерка разорвана, и грудь была забинтована. Сквозь бинты шла кровь. Командир отделения – с понурой головой.

– Что случилось? – спросил Георгий.

– Да машину мы остановили офицерскую, Маруся водителя сняла хорошо. Мы со шмайсеров продырявили все, что смогли. Ну и полезли обыскивать. А офицера, видать, не убило, а только ранило. Мы уже от машины уходить начинали, а он из браунинга шамальнул и в нее, родимую, попал. Лучше бы в меня!

К нам незаметно подошел Феодосий и ответил:

– Спокойно, Николай. Придет и твой черед, сейчас жить нужно и воевать нужно. Нет тут твоей вины.

– Как нет, святой отец? Не проверил я фашиста-то? Не проверил! – убивался Николай.

– Гриш, налей ребятам по 200 грамм, завтра вам выходной. А Марусю ко мне в землянку отнесите. Отходит она, я грехи ей отпущу.

У меня опять возникло чувство некоего диссонанса и нестыковки, никто из коммунистов не возразил священнику перед лицом смерти, никто не возразил ему, что это все фигня, мол, и не нужно этого ничего. Несмотря на звезды, которые были почти у всех на шапках или пилотках. Звезда и крест рядом. Но праздничное настроение ушло из отряда.

Развели костры и сели в кружки. Выпивки всем не полагалось, только отделению, которое вернулось с потерями. В этот день такое отделение было одно. Я было подумал, может, попробовать спасти эту Марусю? Но потом понял, что пулевое ранение, задето легкое, и еще куча внутренних повреждений, я вряд ли смогу каким-то образом помочь при помощи своего сканера. А хирургически я тут тоже был бессилен.

Когда уже стемнело, вернулся Яша. Куда он уходил, никому известно не было, но он вернулся, улыбаясь своей хитрой улыбочкой, довольный настолько, что показалось, что в лагерь вошло маленькое еврейское солнышко, и стало даже

капельку светлей.

– Я говорил, что Яша может все? Таки я вам говорю, что Яша может все! Достать собрания сочинения Ленина на оккупированной территории, где нет прохода евреям? Да нивапрос! Яша достал! Но кто потом вспомнит маленького бедного Яшу, когда будут делить пирог победы? Я вас спрашиваю. Никто не вспомнит старого бедного еврея, который положил жизнь за свою малую родину.

Дружный хохот и улыбки в лагере опять сменили грусть. Кто-то спросил Яшу:

– Яша, а это ты какую родину называешь малой?

– Как какую, Союз Советских Социалистических Республик, конечно.

– А что же для тебя тогда большая родина?

– Вы мне, конечно, не поверите, но это Израиль. По размеру он, конечно, даже меньше, чем черкасская область, но для каждого еврея он занимает самое большое место в его сердце. Помяните мое слово: эта война вернет евреям большую родину.

Еще одна волна хохота накрыла лагерь. Я смеялся вместе со всеми, но понимал, насколько этот тщедушный старик Яша был прав. Евреи действительно получают свою землю после этой войны, но им придется еще повоевать достаточно долгий период времени. Может, именно поэтому, что их земля досталась им таким трудом, они и сделали рай в пустыне?

Я забрал у Яши две авоськи с книгами и сказал:

– А ты прав, Яша, так оно и будет, за книги спасибо. Не буду спрашивать, где ты их взял.

Яша сверкнул глазами, глядя на меня. И продолжил в своем репертуаре и со своим одесским акцентом:

– А хоть бы и спросил, Яша с радостью расскажет историю, как он нашел собрания самого Ленина.

Я не стал слушать и понес книги в землянку к Петру. Петя сидел под светом керосинки в наушниках и что-то слушал. Когда я вошел и поставил на стол авоськи с книгами, он просиял лицом, снял наушники и сказал:

– Леха, брат! Наши перешли в наступление практически по всем фронтам. Отбросили немца уже, переломили хребет немецкой гадине! Ты представляешь, как заживет советский народ, когда мы их выгоним? Ведь они что к нам полезли-то? Увидели, как может жить светлое коммунистическое общество. Вот и боятся, что их рабочий класс воспрянет и поднимет их на вилы.

– Кого их? – нечаянно для самого себя спросил я.

– Буржуев! Это ведь все буржуи народ баламутят, если бы не буржуи, рабочий класс жил бы ого-го как! Мы уже, считай, и жили! Вон ДнепрогЭС построили, села все почти электрифицировали. А какие мы взяли темпы по зерну, углю, металлам? Да царь в гробу бы перевернулся, узнав, каких высот мы достигли. У нас в читательском клубе про космос вот рассказывали. Ты про Циолковского слышал?

– Да, конечно, слышал.

– Вот великий советский ученый. Вот помяни мое слово: после войны наверняка к другим планетам полетим, а буржуи будут себе локти кусать, и врежет им рабочий класс, по самые помидоры врежет.

– Да, так все и будет! И врежет, и в космос полетим, все будет, как ты сказал, Петя.

– Я прямо вижу, как мы заживем счастливо и беззаботно.

Разрушать иллюзию Петра я не стал, к нему я относился много лучше, чем к Генделю, и рассказывать ему, что не все так уж гладко и будет и что не только буржуи на самом деле виноваты во всем. Но то, что СССР действительно достигнет великих вершин, – ведь это правда, но то, что потом по чьей-то величайшей глупости это государство прекратит свое существование, тоже говорить ему не имеет смысла. Поэтому я решил уйти от этого восторженного Петра.

– Вот тебе книги, ты расшифруй все, что нужно, а я пойду, мне нужно завтра быть готовым к бою.

И я ушел в землянку к Феодосию и Григорию. Зайдя в землянку, я увидел Гришу, который сидел, подперев голову руками. И Феодосия, который умывался недалеко от печки.

– Мне тут переночевать? Или куда-то еще пойти?

– Тут, Алексей, тут, – сказал Феодосий.

– Как там Маруся?

– Отошла с миром. Окрестил ее и причастил, и отошла.

– Вот опять ты за свое, комсомолка она, как ты посмел

ее крестить? – возмущенно сказал Григорий, но в его голосе не было уверенности в своей правоте, и он, вопросительно посмотрев на меня, спросил:

– Ты как считаешь, нужно ли так поступать-то без спросу?

– Я, честно, не знаю, два года назад я бы сказал однозначно нет, но теперь у меня очень много сомнений в этих вопросах, – честно, как есть, ответил я.

– Вот и ты туда же, колеблющийся! Получишь ты у меня характеристику для вступления в партию, ох, получишь, – уже в шутку закончил Григорий.

– У меня это, дуэль завтра. Вы можете?

– Какая еще дуэль? – с удивлением спросил Григорий.

– Да отрок неразумный немчуре дуэль пообещал за помощь с рацией.

– Ты ополоумел?

Я насупился и буркнул: «Я слово ему дал убить его как мужчину».

– А если он тебя?

– Не справиться ему со мной, у меня перевес будет. Он морально подавлен, да и тесак я еще возьму, я двумя руками владею, а он одной. Так что зарезу его, как он Миколу, и слово свое сдержу.

В землянке повисла тишина, только потрескивание дров в буржуйке нарушало ее.

– Ну, дело твое, отрок, ты-то хоть крещеный?

– Да, крещеный.

– Ну, зарежет тебя – отпою тогда и похороним тут в лесу.

– Ну спасибо большое, – с сарказмом на шутку ответил я.

– Что там за гогот на поляне-то? – вдруг перевел тему Гриша.

– Да Яша вернулся, рассказывает о своих похождениях, как он таки достал полное собрание сочинений Ленина на оккупированной территории.

– Достал таки? Ну прохвост, вот умеет же. Нюх у него.

– Вот он нюхом там своим и хвастается, да еще с одесскими шутками и прибаутками, весь лагерь в лежку лежит.

– Ну хорошо, смех душу греет, – сказал Феодосий.

– Ты Петру-то все отнес?

– Да Петя там вовсю работает, радио слушает, счастливый весь, говорит, наши по всем фронтам немца бьют. Максимум через полгода тут у нас будут.

– Как бы только батареи раньше времени не посадил, новых взять-то негде.

– Да не посадит, я когда ушел, он расшифровкой занялся.

– Пойдем, Гриш, дойдем до него, послушаем, что он там поведает. А ты, Леш, спать ложись, раз решил на дуэль, так спи.

Меня уговаривать долго не пришлось, я лег спать. И даже уснул, но ночью я вспомнил слова Петра про комаров. Комаров было в землянке немного, видать, парочка залетела днем, и теперь они не давали мне нормально уснуть. Я лежал и слал проклятие этому сучьему племени, которое пищало у

меня над ухом, все не решаясь сесть, чтобы напиться крови. Я в итоге уже смирился с фактом, что меня укусят, и я ждал этого. Но комар все продолжал пищать, не давая мне уснуть. А потом к комариному писку добавился богатырский храп двух мужчин. Я понял, что самостоятельно мне не уснуть, и потому добавил команду на выработку мелатонина в сканер, и через 20 минут мне стало все равно и на храп, и на комаров.

Утром меня разбудил Феодосий.

– Вставай, вставай. Давай умывайся, и пойдем.

– Куда?

– На кудыкину гору, воровать помидору, – пошутил он знакомой присказкой. – Немца твоего резать будем.

– А, ну да. – Я встал, умыл лицо. Всполоснул рот, зубы тут чистить было нечем. Нужно будет попросить Яшу достать мне зубного порошка, а то совсем не чистить зубы совсем не хорошо. Так хоть пальцем протру – и будет порядок.

Я вышел на улицу, плотный туман опутал лагерь белым полотном. Кострища тлели углями, не успев прогореть полностью за ночь, дымок от углей растворялся в тумане. Феодосий спросил:

– Тебе что для поединка нужно?

– Да тесак вот твой, сабля, которую я притащил, ну и размяться, – я скинул фуфайку и, ежась от холода, хотел было побежать в сторону леса.

– Стой, окаянный. – Я встал как вкопанный на такой окрик Феодосия.

– Что случилось?

– Ты куда чесанул?

– Да хочу вокруг лагеря пробежать, разогреться!

– И что от тебя добежит? Спортсмен хренов, ты забыл, что все тропы вокруг лагеря заминированы?

– Ага, точно, забыл, – смутился я, не просто забыл, а начисто. И как вчера с Петром проходили аккуратно, переступая растяжки. И как нам говорил Захар, что все заминировано, – все забыл. Голова дырявая. Те самые 10 % людей, которые гибнут не от гордыни и недооценки противника, гибнут по собственной глупости и халатности.

– Давай до тюремной и обратно бегай и под ноги смотри!

– Хорошо.

Я сбегал четыре раза до тюремной землянки и обратно до землянки Феодосия. Каждый раз сильно удивляя часового, который дежурил возле тюремной. Когда мышцы разогрелись, я сказал, что готов. И Генделя вывели из землянки, и мы пошли на поляну за лагерем.

– А что, никого не будет, кроме вас?

– А незачем на все это смотреть. Такие поединки – это чисто варварство, для души и боевого духа никакой пользы, – сказал Феодосий.

– Все это блажь твоя, Алексей, я бы его тихо сейчас вот под деревом и чпокнул, – вторил ему Григорий. Но тем не менее оба шли со мной и не спешили применять оружие. С нами еще был часовой, вооруженный немецким карабином.

Генделю не удалось бы сбежать, даже если бы он сильно этого захотел. Хотя и Феодосий, и Григорий держали свое оружие на плечах, а не в боевой изготовке. Я был без огнестрельного оружия, у меня было две сабли и тесак.

– Вот тут, на этой поляне. Тут его и похороним. – Мы вышли на поляну и тут увидели еще двоих с нашего отряда. Дозор возвращался со своей смены.

– Честь имею, – произнес молодой парень, приложив руку к пилотке. – А что тут у вас?

– Шагай в лагерь, Егор, не задавай лишних вопросов, – ответил ему Феодосий. Феодосий знал по именам весь свой отряд, и, видимо, не просто имя, а знал характер каждого и имел к нему подход. Егор с товарищем не задавали вопросов и исчезли в тумане.

– В общем, начинайте, – скомандовал Гриша и взял в руки шмайсер.

Я дал на выбор сабли Генделю, ровно так же, как он мне два дня назад. Он выбрал правую, но не думаю, что у него был какой-то замысел. Оба клинка были одинаково хорошими, и если бы мне два таких клинка на поединке, то Гендель точно бы не имел шансов против меня. Гендель расправил плечи и сделал несколько движений саблей, видимо, проверяя мышцы на работоспособность. Я тоже встал напротив него и покрутил обеими руками с клинками. Видимо, Гендель времени не терял и тоже успел разогреться, находясь в землянке. Возможно, он вообще все время держал себя в

разогретом состоянии, так как не знал, когда наступит время поединка.

– Ну, я готов проверить эльфийскую технику против немецкой, мой генерал, – сказал он с юмором, все-таки он был дворянином, воином до последнего атома своего тела. Воспитанный так, что принять достойную смерть – это честь. Странно все-таки, как в таком благородном человеке может одновременно жить и зверь, и благородство? Ведь еще два дня назад он меня не считал за человека, я для него был «русской свиньей», которую нужно было красиво заколоть. А сегодня уже вот «мой дженераль». Ну ладно, посмотрим. Я настраивал себя на поединок, выгоняя эмоции и посторонние мысли. Которых, как всегда, было слишком много в моей голове.

Мы начали сходитьсь. Гендель улыбался, но в этот раз стойка у него была безупречной. Он стоял ко мне правым боком, держа саблю с наклоном снизу-вверх, убрав левую руку за спину. Я тоже встал в стойку правой стороной, хоть привычной мне была фронтальная. Но все-таки техника на сабле без щита и с одной саблей и тесаком, требовала некоторой импровизации. Мы еще не успели сойтись, как Гендель сделал молниеносный выпад в район моего горла, я парировал удар правой рукой, отведя саблю вправо, и сильно пожалел, что у меня нет второй длинной сабли в левой руке. Так как я уже смог бы закончить этот поединок, нанеся левой смертельный удар в шею противника. Но, к сожалению, в ле-

вой руке у меня был тесак длиной 20 сантиметров против 40 сантиметров сабли, и нанести им удар с такого расстояния я был не в состоянии, поэтому я сделал шаг назад. Гендель прочитал мои мысли, зрачки его расширились, но, не снимая улыбки с лица, он задал мне вопрос:

– То есть в твоей технике у тебя должно быть две сабли в обеих руках, и сейчас бы ты меня уже убил?

– Да, мой друг, ты был бы уже мертв, – ответил я ему.

– Как жаль мне, Алексей, что я не встретил тебя в мирное время, на тренировке. Я был бы счастлив иметь такого спарринг-партнера и друга, как ты.

Я не знаю, насколько Гендель был искренним, или просто сейчас он льстил, пытаясь отвлечь мое внимание, но, еще не закончив свой фразы, он сделал быстрый шаг вперед и нанес колющий удар в область груди. Мой опыт в сражениях и тренировки с Элрондом научили не отвлекаться на лесть и вообще на любые слова, которые произносит противник. Поэтому я отразил атаку и вновь не смог нанести ответного удара. Со стороны могло казаться, что я проигрываю, так как Гендель наступал, а я шел назад, выравнивая дистанцию.

– Не болтай, Гендель, лучше молись своему богу, чтобы он принял твою душу и не сварил тебя в котле ада, – сказал я ему, в общем-то, точно так же рассчитывая на отвлечение его внимания, но Гендель был опытным бойцом. Его было также не провести, хотя его опыт все-таки был больше спортивным, нежели боевым, он очень много уделял внимание

красоте и грации своих выпадов и красоте своей стойки. И я принял решение, как мне провести атаку, пусть некрасиво и неэлегантно, но зато эффективно. За секунду перед тем, как Гендель сделал очередную атаку, я сменил стойку с правой на левую и встретил его атаку не саблей, а тесаком, парировал удар сабли у основания тесака. Сильный удар пришелся по левой руке, рука онемела, но дело было сделано – сабля улетела, отбитая тесаком, в левую сторону, и я нанес встречный удар правой рукой в плечо Генделя. Удар прошел, клинок проткнул плечо, и я сделал шаг назад.

Стойка Генделя была хороша тем, что я не мог достать в атаке жизненно важных органов, и если бы это был спорт, то поединок сейчас был бы остановлен, а мне бы присудили победу. Но мы сражались на смерть, и сейчас правая рука Генделя была выведена из строя. Правда, как и моя левая. Пальцы онемели, и я выбросил тесак, метясь в березу на краю поляны. А Гендель, перехватив тесак в левую руку, принял левую стойку. Я увидел струйку пота, которая стекала у него по виску, и испарину, покрывшую его лоб, и понял, что я уже победил, но расслабляться было рано. Правая рука Генделя висела плетью, видимо, я попал в мышцу, но он все еще оставался очень серьезным противником.

Теперь я наносил удары, а Гендель отступал, а я проверял его то в горло, то в плечо, то чуть ниже. Теперь при соблюдении техники и правильной атаки моя победа была лишь делом времени, так как боль в плече и работа левой рукой

сильно снижали боеспособность Генделя. И на одном из вы­падов мой удар пронзил легкое Генделя. Сабля выпала из ле­вой руки, и он опустился на траву.

– Твой учитель и твоя техника просто удивительны, Алек­сей! Жаль, что мы не встретились в другое время в другом месте.

– Не в технике дело, Гендель! Твоя техника лучше моей, просто моим учителем чаще всего была смерть, а твоим был тренер.

– Я понял тебя, Алексей, спасибо, что дал мне умереть достойно.

Гендель умирал, кровь заполняла легкое, и жить ему было не больше 10–15 минут, кровь уже побежала из уголка его рта. К нам подошел Феодосий и сказал:

– Спроси его, желает ли он исповедоваться православному священнику перед смертью? – Он распахнул фуфайку, из­под которой стал виден крест, висящей на животе.

Я спросил Генделя, у которого на лице застыло удивление:

– Он священник? В партизанском отряде коммунистов есть священник?

– Не просто священник, а еще и командир этого самого партизанского отряда.

– Мы действительно проиграем эту войну? – спросил он меня.

– Да.

– Я не хочу исповеди и отпущения грехов, я заслужил на-

казание, – сказал Гендель и закрыл глаза...

Это не моя война, что я тут делаю? Зачем я сюда пришел? Я палач и убийца. С такими мыслями я шел обратно в лагерь. Мне было не по себе, почему-то немец, которого я считал фашистом, убийцей, не достойным жизни, вдруг вызвал во мне сострадание и жалость. Я не хотел его смерти, я тоже хотел бы видеть его на спортивной арене, нежели вот тут, умирающим в лесу от моей руки без малейшего шанса на спасение.

– Что, жалко его? – спросил меня рядом шагающий Феодосий.

– Да, он человек. Не зверь какой-то, а человек. Который просто попал в сеть какую-то и потому стал зверем. В нем благородства больше, чем во всех нас вместе взятых, и в то же время он колот нас как свиней, не достойных жизни. У меня, честно, голова кругом. Я не понимаю, зачем я здесь.

– Чтобы себя найти, зачем же еще? – сказал Феодосий так, как будто понял истинный смысл заданного мной вопроса. Ну нет, что, опять Бог? Теперь коммунист-священник? Нет, это слишком уже для меня.

– Ладно, ты отправляйся с Петром на реку, у вас сегодня важнейшее задание для нашего отряда. Вчера Петр расшифровал послание из центра. Они предлагают помощь и координацию действий. Петр, по-моему, спать так и не ложился, готовил шифровку в центр, что готовы принять помощь, и список того, что нам необходимо. В общем, ты сейчас в ла-

герь вернешься, переодевайся в немца – и шуруйте по вчерашней схеме. Заодно времени у тебя не будет, чтобы угрызеньями совести мучиться. Ну а вернешься ко мне – так сразу на исповедь приходи. Все твои камешки по одному снимать будем»

– Да, хорошо, задание выполню. И на исповедь приду.

– Я буду тебя ждать столько, сколько нужно.

– Хорошо, хорошо, – решил я отвязаться уже от назойливого Феодосия.

Вернувшись в лагерь, я переоделся, взял шмайсер, два рожка и пистолет в кобуру и пошел в землянку связистов. Петр уже упаковал рацию и собрался в путь, видимо, давно.

– Где тебя носит, господин унтер-офицер?

– Не унтер-офицер, а обер-лейтенант, попрошу, – сказал я в шутку, и мы тронулись в путь. Выйдя за пределы лагеря, миновав минное заграждение, мы пошли в сторону реки и лодки, которую вчера заметили. По пути я решил пожаловаться Петру на комаров.

– Прикинь, вчера падлюка мне спать не давала, еле уснул. Жужжит гад, что мессер подбитый, а падать все не хочет.

– Да сейчас еще, считай, и нет комаров, но эти и правда раздражают, уж тяпнул бы – и дело с концом, а то пищит-пищит. Ухо себе все отобьешь, пока его поймаешь.

– Ага, меня вчера только Феодосий с Григорием и спасли, они на пару такую трель выдали – то ли я оглох, то ли комар от страха испугался.

И мы опять весело смеялись. Странная вещь война, очень странная: тут радость и юмор рядом с бедой и смертью. Но если не вылезать из беды и смерти, то ведь реально можно сжечь себя живьем, как вот сделал Семен, ненавидеть всех и вся. Ведь сколько таких вот, как он, вернувшись с войны, не смогли обрести покой и вернуться к мирной жизни. Они ведь или шли убивать дальше, превращаясь в бандитов, либо спивались в смерть. Но есть же и другие, чьи души война разбудила? Что же мы за существа такие? Мирная жизнь нас убивает больше, чем война, а война будит, но не всех, некоторых ожесточает. Прав был Элронд, этот вековой старикашка, когда говорил мне, что не знает, чем помочь человечеству. Мы и есть такие вот, из черного и белого пополам. Из добра и зла, в равных пропорциях, да еще и так все перемешано, что с ума можно сойти. Думаем, что делаем добро, а совершаем зло, совершаем зло, а делаем добро. Хотя кто из нас делает зло? Все действуют из максимально благих побуждений в большинстве своем, но куда приводят эти благие намерения?

Мы подошли к реке и спустили лодку на воду. Петр сел на носу, а я сел на весла.

– Давай гребь вверх по течению, оно тут несильное, управисься. Я сейчас настроюсь и начну передавать, только, ради всех коммунистов мира, умоляю тебя: постарайся, чтобы с весла вода на рацию не попала.

– Я постараюсь, буду стараться изо всех сил, – пообещал

я Петру.

Петр разложил бумаги с шифровками, положил планшет и линейку и вдруг сказал:

– УПС, давай назад, блин, антенна-то...

– Что антенна?

– Антенны-то нет! Нужно антенну придумать, без антенны-то я не передам сигнал-то. Короче, давай на берег, ищи березу или сосну метра 4–5, не больше. На нее мотнем и на дно лодки положим, пусть с кормы выступает, нормально будет.

Мы вернулись на берег, срубили молодую березку, обрубив сучья, обмотав проволоку вокруг дерева, и закрепили ее на дне лодки, так что она свисала с кормы как балка для паука. Я, правда, не был уверен, что пауки тут использовались для рыбной ловли, но, скорей всего, ничего подозрительного в торчащей березе быть не должно. И мы погребли вверх по течению. А Петр начал передачу. Бешено стучая ключом. А я опять впал в весенний транс, как и вчера в этом самом месте. Свежий весенний воздух, поющие птички, плещущаяся рыба – лепота.

Минут через 10 мы дошли до изгиба реки, за которым стала открываться деревня, приняв решение сменить курс, мы развернулись, и я бросил весла, а лодку понесло по течению. Течение было небыстрым, и лодка двигалась медленно. Может быть, слишком медленно, но мне было все равно.

Через 10 минут Петр закончил передачу и сказал: «Повто-

рил два раза, должны принять. Рули к берегу».

Я зарулил в камыши практически в том же месте, откуда мы взяли лодку, и вылез на берег и стал затаскивать туда же лодку. Как вдруг я услышал странный звук. Я отпустил нос лодки и по инерции сделал три шага назад.

Время остановило свое движение, я понял, что это был за звук – это был звук мины, которая сейчас прилетела и начала разбирать на куски лодку вместе с Петром и рацией прямо на моих глазах. Я отчетливо видел, как мина прилетела и начала взрываться прямо за спиной Петра. Я видел этот взрыв, который расширялся с каждым мгновением, я видел, как взрывная волна разорвала грудную клетку Петра, как его голова отделилась от туловища, полетела вверх, я даже видел выражение его лица...

Глава 6. Госпиталь

Сознание возвращалось в тело, как жидкая ртуть, втекая в разбитый градусник, в съемке, которую прокручивали на оборот.

«Интересно, а сколько сотрясений мозга может пережить мозг человека в сжатый период?» – возникла в пустой голове мысль. То, что это было очередное сотрясение моего бедного мозга путем контузии, я не сомневался. Да и до того, как я смог открыть глаза, коммуникатор мне сообщил об этом. Он уже настоятельно рекомендовал мне госпитализацию с глубоким исследованием того, что у меня осталось от мозга. Я постарался открыть глаза и тут же закрыл их снова, яркий свет ударил мне в глаза, и пришлось зажмуриться. Я решил не торопиться и продиагностировать свой организм естественными способами. Ну, первое – у меня ничего не болело, это уже хорошо, или плохо? Ну, то есть то, что не болело, оно, конечно, хорошо, но это означает, что с момента потери мной сознания прошло достаточно много времени и сканер успел сгенерить обезболивающие компоненты. Второе – руки и ноги я вроде чувствую и могу шевелить, значит, существенных потерь в организме у меня нет. В-третьих, я чувствую холод, особенно холод чувствуют моя задница и спина. При этом сверху мне более-менее тепло. Странно, где я? Все-таки нужно открывать глаза, сначала один потихонь-

ку, потом второй. И так, я в больнице!

Я лежал в больнице, в этом не было сомнений, свет, который меня слепил, шел из окна, рядом с которым я и лежал. В палате, кроме меня, был еще один человек по другую сторону от окна. Он не спал, он читал книгу, лежа на одной руке. Я прокашлялся, он взглянул на меня и вдруг сказал на немецком языке.

– О, Йежи, ты очнулся? Меня зовут Ганс. Я пойду позову доктора. Он мне строго велел звать его, когда ты очнешься.

Йежи? Что-то знакомое пробивалось через оцепенелый мозг. А, точно, это же имя в документах, которые были у меня в кармане немецкой формы. Я вспомнил последние мгновения с Петром, и сердце защемило. Мне было невыносимо жаль этого пацана. Он ведь даже моложе меня был. И так глупо умереть... Я корил себя за то, что не греб веслами, и нас все-таки смогли запеленговать. Хоть что-то мне подсказывало, что мы просто затянули со временем, и нужно было сеанс прерывать в положенные 10 минут.

Мои мысли прервал Ганс, который пришел вместе с доктором.

Доктор – классический доктор из классической клиники. В белом халате, в белом колпаке и в очках-базиках. Усталые глаза и усталый вид говорили о большой работе, сделанной им. Он сел на мою кровать и спросил:

– Как тебя зовут?

– Йежи.

- А фамилию помнишь?
- Ковальски вроде.
- Что с тобой произошло?
- Не помню, все как в тумане.
- А откуда ты?
- Краков вроде.
- А где ты сейчас?
- Больница?
- Да, больница. Ты женат, у тебя есть дети?
- Я не помню.
- А на войну как попал, помнишь?
- Нет.
- А сколько тебе лет?
- 27 вроде.
- А звание как получал, помнишь?
- Нет.

Я был в немецком госпитале, попав сюда с тяжелой контузией с документами пропавшего без вести офицера. Единственное, что мне оставалось, чтобы выбраться отсюда, – это разыграть частичную потерю памяти. К тому же доктор меня к этому сам и подвел.

– Итак, молодой человек, у вас контузия, вы удивительно быстро восстанавливаетесь, при условии того, что вы практически четверо суток провели в коме. Давайте проверим сейчас моторику. Кончиками пальцев поочередно коснитесь кончика носа.

Я проделал манипуляции, которые попросил меня доктор. С удивлением обнаружив, что не каждый раз попадаю по кончику.

– Таак, хорошо, теперь вот следите за моим пальцем. Не вращаем головой, а смотрим только глазами.

Доктор поочередно провел пальцем из левого угла в правый угол. Потом вверх и вниз. Следить за пальцем было сложно, глаза как бы прыгали, и изображение двоилось.

– Ну что же, придется вам тут полежать. Если вы не хотите головных болей до конца дней своих, вы должны как можно больше лежать без движения. У вас сильнейшее сотрясение мозга, к сожалению, особенно ничем я вам тут помочь не могу, весь расчет только на то, что ваш организм сам реабилитируется. Вы курите?

– Нет.

– Прекрасно, значит, бегать каждые 20 минут вы и не будете. К вам хочет прийти офицер контрразведки, у него к вам вопросы, но пару дней я ему еще солгу, что вы без сознания, но потом вам придется ответить на его вопросы.

– Да хорошо, знать бы, чего отвечать, я действительно ничего не помню.

– Ну вот так и ответите ему.

Доктор явно был на моей стороне, и не очень, видимо, любил немцев, хотя лучше, конечно, на это не рассчитывать. Несмотря на то что доктор явно был евреем и по идейным соображениям теперь не должен был немцев, каким-то

образом он ведь был тут жив, и мало того еще и лечил самих немцев.

– В общем, вы пока тут с Гансом лежите, вам повезло, вас тут всего двое господ офицеров и вам выделена шикарная отдельная палата. Кстати, вы хотите есть?

– Да, по-моему, очень сильно хочу.

– Хорошо. Сейчас придет сестра, помоеет вас, постелет вам простынь, а потом принесет обед.

Доктор встал, что-то записал на щите, который висел в ногах моей кровати, и вышел из палаты.

Ганс обратился ко мне с вопросом:

– Он ведь еврей, да? Как ты думаешь?

– Я не знаю, с чего ты так решил?

– Ну по всем основным параметрам, которые нам давали в учебных материалах по определению евреев, он проходит. Все-таки не все евреи плохие, да?

Боже, вот только не нужно втягивать меня в эти вопросы, как я не хочу на них отвечать, это же просто невыносимо. Но, видимо, мне сильно «повезло» с соседом, и не отвечать на его вопросы было нельзя. К тому же он ведь тоже мог быть тут не просто так.

– Мне сложно судить, плохие евреи или хорошие. До войны я ни разу не задумывался над тем, что они плохие или хорошие. У нас в Польше много евреев, так-то я не помню особенно, почему они стали плохими, – я решил играть не очень здорового человека, коим я сейчас и являлся.

– Да у меня вот тоже на ферме ветеринаром еврей был. Максимом звали, хороший был ветеринар, очень любил сви-ней, и свињи его любили. Хотя по их религии свиней им и нельзя вроде как. Но это совершенно не мешало ему опреде-лять, беременная свињья или нет, просто глядя ей в глаза. Хороший был ветеринар. Надеюсь, ничего с ним не сделали. Когда я уходил на войну, он сильно переживал за свою се-мью, все спрашивал меня: «Ганс, может, мне покинуть гер-манию?». А я ему: «Зачем, Максим, кто тебя тронет, ты же просто ветеринар». А он мне говорит: «Да, мол, время стран-ное наступило, и нет детям Израиля покоя нынче». Стран-ные они все-таки, евреи. – Ганс был человеком, который, ви-димо, очень любил рассуждать сам с собой. Говорить он лю-бил много, и сейчас, по его мнению, у него появился слу-шатель. Мне он не мешал, в общем-то, мой немецкий еще был хромой, и тренировки в языке мне были очень полезны. Хоть, конечно, от акцента я так быстро не избавлюсь. Но, как я понял, акцент в немецкой армии – дело обыкновенное.

– Да, Ганс, мне сложно судить, но, сколько я знаю, врачи и ветеринары из евреев действительно хорошие. Хотя, конечно, гораздо больше они преуспевают в торговле.

– Да, торгуют они славно, это их умение быстро найти что угодно где угодно... Я всегда поражался, как Максим это де-лал. Лучшее ветеринарное оборудование, лучшие ветпрепа-раты – все появлялось у него как по волшебству, а он ведь даже не покидал нашей маленькой деревушки. Вот как они

это делают?

Я вспомнил Яшу, который нашел полное собрание сочинений Ленина на оккупированной территории, но решил не рассказывать эту историю Гансу, а лишь только повторил:

– Да, этого у них не отнять.

Наш диалог прервал робкий стук в дверь, который вдруг вызвал румянец и улыбку на лице Ганса.

Он вскочил, поправил на себе одежду и, как галантный кавалер, подскочил к двери со словами:

– Милая Лейтхен, проходите. Я безумно рад Вас видеть.

Я не видел, кто там за дверью, но догадывался, что это медсестра. Я услышал ее мелодичный голос:

– Ох, милый Ганс, вы такой галантный, мне очень приятно.

И тут в нашу палату зашла Лейла. Я не мог поверить своим глазам, это была действительно она. Те же светлые локоны, те же глаза, это была точно она. Но в то же время это не могла быть она, это было невозможно. Да и откуда она могла знать немецкий язык? Нет, эта, видимо, очень похожая просто на нее. Но ее появление щипануло меня прямо где-то в левой части груди почти физической болью. Первый мой порыв вскочить и обнять ее что было сил я подавил с огромным трудом, прямо-таки с невыносимым. Но, видимо, мой взгляд не ускользнул от Лейлы-Лейтхен, так как она очень внимательно посмотрела на меня. Мне показалось, что она пытается вспомнить, где меня видела, и не может этого сде-

лать.

Она зашла в палату с медицинским столиком на колесике, который был закрыт белой простыней.

– Йежи, мне нужно помыть вас, и поменять белье, и сделать вам укольчик, который прописал доктор. Вы не против?

– Конечно, нет, я тут для того, чтобы лечиться.

– Скажите, Йежи, мы где-то встречались раньше?

– Нет, Лейтхен, навряд ли, я бы вас запомнил. Но, к сожалению, у меня нелады с памятью, и потому я могу не помнить.

– Мне определенно знакомо ваше лицо, но как будто откуда-то из детства. Как прям чувство дежавю.

Ганс, видимо, заревновал, наполовину в шутку.

– Ах этот жук Йежи, не успел в себя прийти, а уже вот нашу Лейтхен обаял. И как тебе только не стыдно?

– Ох, ну что вы, Ганс, как вам не стыдно? Вы же знаете, я замужняя женщина, и мое сердце целиком и полностью принадлежит моему мужу, который сейчас на войне.

Видимо, эта фраза была направлена не столько Гансу, который, видимо, уже совершил немало попыток завоевать сердце Лейтхен, сколько мне. Я точно понял, что это не Лейла, ну, может, и Лейла, но не в той жизни, в которой мы встретились с ней. Невольно поверишь в реинкарнации с такими вот встречами.

Тем временем Лейтхен сняла мое одеяло, под которым я был абсолютно голым. От чего я не произвольно закрылся

руками и стал пунцовым. Лейтхен улыбнулась ослепительной улыбкой и сказала мне:

– Йежи, я работник медицины, существо бесполое, и не нужно на меня так реагировать, я уже двое суток вас мою и уже все видела. Прошу вас не стесняться и довериться мне. Я вам привезла пижаму, и, надеюсь, дальше вы сможете уже ухаживать за собой сами.

– Я буду стараться.

Вообще больше всего я стеснялся не того, что Лейтхен видит меня голым, а того, что от прикосновения ее рук мой организм может среагировать неправильно, и меня это приведет в еще более неловкое состояние. Но, к счастью, горячее вафельное полотенце, которым Лейтхен протерла меня с ног до головы, и холод, который сразу после этого накрыл меня, привели строго к обратному эффекту, и теперь мне было стыдно от того, что мой друг стал настолько маленьким и сморщенным, что мне было просто стыдно за него. Поэтому, когда Лейтхен протянула мне полосатую пижаму, я с радостью натянул ее на себя, пока она меняла клеенку, на которой я лежал, на белоснежную простыню. Она ловко и умело заправила пододеяльник и наволочки. Я с восхищением смотрел на ее действия, как у нее это получается. Обычно битва с пододеяльником доставляла мне немало хлопот, и я предпочитал засунуть в отверстие все одеяло скопом и потом найти один угол и трясти его до тех пор, пока все углы не займут своих мест. Но Лейтхен действовала каким-то другим спо-

собом, и в итоге, встряхнув всего один раз, все углы заняли свое место. Она реально волшебница пододеяльников. Хотя, скорей всего, дело в том, что она их просто заправляет в день по 50 штук, и потому у нее набита рука. Положив на место подушку, она пригласила меня лечь.

– Ложитесь на живот и оголите ягодицу, пожалуйста. Мне нужно сделать вам еще укол.

Я послушно лег на ставшую теплой кровать, которая пахла крахмалом и чистотой. И спустил штаны. Лейтхен протерла руки тампоном со спиртом, достала из ящика стеклянный шприц и сделала мне достаточно болезненный укол. На коммуникаторе загорелось предупреждение и таблица с анализами того, что мне было введено. Тут был действительно набор витаминов, которые, в общем-то, были позитивно оценены коммуникатором как полезное для моего организма. Хотя мой коммуникатор все еще требовал моей госпитализации в правильную клинику, так как 100 %-ое излечение при помощи одного сканера было невозможным, та сложные сотрясения моего мозга требовали отдельной терапии. Но, в общем-то, и 95 %-ое излечение мне казалось не таким уж и плохим результатом. Где мне тут было взять специальную клинику?

Лейтхен закончила процедуры, улыбнулась своей волшебной улыбкой мне и Гансу и ушла. Ганс ждал этого момента и, вскочив с кровати, галантно открыл перед ней дверь.

– Милый Ганс, – проворковала Лейтхен, – Вам ведь веле-

но лежать, а не вскакивать каждый раз, когда я прихожу. Если вы в следующий раз вскочите, ей-богу, я уговорю доктора, чтобы он прописал вам снотворное, чтобы все время спали, – в голосе Лейтхен прозвучали стальные нотки, несмотря на то что тон оставался максимально ласковым. Ну, насколько ласковым может быть тон на немецком языке.

– Лейтхен, мужчина во мне не может быть убит снотворным. Вы уж простите, но теперь, проводив вас, я буду лежать что крокодил на песке и шевелить только глазами.

Лейтхен улыбнулась еще раз, но пригрозила Гансу пальчиком. У меня в душе было двойственное, а может, даже и тройственное чувство. Я ревновал Лейтхен к Гансу, при этом я остро ощущал, что Лейтхен мне не принадлежит, и от этого всего я чувствовал какое-то бессилие и тоску по моей Лейле, которую сейчас хотел увидеть и обнять больше всего на свете. Да как я смел вообще оставить ее и Элизу одних, беременных? Что там может учудить этот старик Элронд? Он ведь очень плохо относится к людям как таковым. И с чего я взял, что Лейла там в безопасности? Кстати, вот Коля-то и подсказал выход: нужно будет купить дом в Будищах, ну, на худой конец, участок, и построить дом самому и перевезти туда Лейлу, тоже завести корову и спокойно жить-поживать и добра наживать!

От этой теплой мысли о спокойной и сытой жизни в деревне с молодой женой меня отпустило от тройственного чувства и накрыло двойственным. Ага, а что я там делать буду?

Работы-то в Будищах для меня нету, я же не тракторист и не пахарь. Колян-то вон своими исследованиями занят и еще что-то там даже производит, какие-то реагенты. А я-то не химик. Можно, конечно, во фриланс податься. Поковырявшись в себе еще немного, я понял, что на самом деле меня больше беспокоит не вопрос пропитания меня и моей семьи, а вопрос, смогу ли я теперь смириться со спокойной сельской жизнью где-то в глуши после всех моих приключений. Можно, конечно, было попросить Коляна снять действие плода и спрятаться на дне бутылки, но все во мне теперь протестовало против такого жизненного финала. Я хотел теперь жить и действовать, где бы я ни находился, свершать какие-то подвиги и двигаться, двигаться, двигаться. Просто жить от понедельника до пятницы я уже не хотел.

Из моей задумчивости меня вывел Ганс:

– Сейчас тебе принесут обед. Так-то обед был два часа назад, и до ужина осталось два часа. Но доктор распорядился, и, значит, тебе сейчас принесут. Еда тут, конечно, отвратительная, хуже еды и представить себе сложно. Но что поделать, на передовой-то и такого не бывает. Зато регулярно, три раза в день.

Ганс не успел закончить, как в дверь без стука въехала тележка, а за тележкой женщина за 40 в белом переднике.

– Кто тут Йежи? – сурово спросила она. Но я не успел ответить, так как, увидев Ганса, она сразу поехала ко мне, видимо, исключив его из списка возможных Йежиков в этой

палате. Она подъехала к тумбочке и поставила мне первое, и второе, и даже какой-то напиток. И положила мне ложку.

– Так, тарелки заберу, когда буду развозить ужин. А ложку мой сам, это твой прибор, береги его.

Я начал есть, после первой ложки супа я понял, как я голоден, но желудок пронзило острой болью, и я почувствовал спазм. В желудок хлынул желудочный сок, и я осознал, что кушать нужно осторожно и не торопясь, давая желудку привыкнуть заново к еде. Я съел пять ложек и лег на кровать, мучаясь с позывами тошноты. Ганс сочувственно смотрел на меня и спросил:

– Что, не идет еда? Я тоже двое суток без сознания был, ты с третьего начни, это, по-моему, чай сладкий, он наверняка чуть теплый, выпей весь стакан, полежи минут десять – и нормально будет.

Я послушался Ганса, подождал 5 минут и выпил чай залпом. Желудок сладкий чай воспринял более спокойно, чем суп, и еще через пять минут рези прекратились, и я спокойно дохлебал суп. Но решил все-таки дать перерыв, перед тем как кушать второе. Может быть, в этой еде, которая давалась в больнице, и был какой-то особый смысл, потому что желудкам больных ее было легче переваривать. Минут через десять я расправился со вторым и начал икать. Ганс посмотрел на меня с улыбкой и пониманием:

– Ожидаемо, я тоже долго икал, после того как очнулся. Сейчас принесу тебе еще чаю.

Он взял мой стакан и ушел из палаты. Неплохой парень был этот Ганс. Заботливый, у меня прямо не увязывалось в голове, что он фашист, тот самый немецкий офицер, который убивает на нашей земле наших людей.

Ганс вернулся и поставил мне стакан с чуть теплым чаем. Я залпом выпил, но икота не прошла, однако стала чуть реже и не такой острой. Ганс принес мне еще один стакан, но сказал:

– Пока не пей, не поможет, минут через 20 выпьешь. Это желудок у тебя сжимается, все никак не поймет, что он опять в деле.

– Да уж, никак.

– Ты руку правую подними вверх, и поддержи с минуту, и дыхание удержи.

Я так и сделал, поднял руку и задержал дыхание, еще, думаю, нужно встать на одну ногу и попрыгать. Хотя стоять на одной ноге сейчас – идея не самая лучшая. Я толком и сидеть-то еще не мог, так кружилась голова, все-таки накрыло меня достаточно крепко. Вообще я получил за последние два года столько травм и ушибов, что диву даюсь, как я выжил-то вообще? Я вспомнил, как я тоскливо смотрел на склон горы Юлалулу в измерении Техно. А тут в почти «Родном» измерении я, не успев прибыть, получил удар по башке, который наверняка уже сам по себе сделал мне сотрясение мозга, и итог – еще и тяжелая контузия. Хорошо хоть слух не потерял. Петьку, конечно, жалко, молодой ведь парень, даже мо-

ложе меня, ну, может, в следующий раз, в следующей жизни ему повезет больше.

Икота прошла, и это радовало.

– Что, прошла? – спросил Ганс.

– Да, слава богу.

– Вот теперь полстакана еще выпей, и уже не вернется.

Я послушался своего нового врача и выпил еще полстакана жидкости под названием «чай». Это была просто сладкая вода коричневого цвета, но моему желудку она нравилась, и я ее выпил. Итого на процесс употребления пищи у меня ушел почти час. Но при этом я понимал, что только сейчас по-настоящему я хочу кушать.

– Ганс, а скоро будет ужин?

– Через час где-то, что, не наелся?

– Нет, только сейчас, мне кажется, и есть-то по-нормальному захотел.

– Да понимаю, я тут сам все время голодный. Ну ничего, врач разрешит – я до пайка своего доберусь, у меня там ветчина консервированная, вот мы с тобой отовремся. Правда, это, конечно, не та ветчина, которую мы на нашей ферме делаем. Ух, попробовал бы ты, Йежи, ветчину, которую мы в Колькене делаем. Никто не делает вкусней нас ветчину и кровяной колбасы. Я все время пишу отцу, чтобы он выслал мне немного, но он пишет в ответ, что на восточный фронт такие посылки не принимают. Может, если нам с тобой дадут отпуск по ранению, съездим ко мне?

– Я не знаю, может быть, дай мне голову в порядок привести.

– Да баварское пиво и колькенская ветчина – это то, что голову приведет в порядок быстрее всего, поверь мне. Но, боюсь, не видать нам отпуска даже по ранению, дела на фронте все хуже и хуже, и сейчас офицеры наперечет.

– А что там на фронте?

– Да ничего хорошего, мы, как и Наполеон, попались в капкан русской зимы. Зима собрала дань с великой немецкой армии существенно больше, чем вся война с самого ее начала. Только в моей роте полегло 20 человек от обморожения, и никакой возможности спасти их не было. Русские плохо оборонялись и плохо вооружены, а тактика у них вообще никакая. Они полностью деморализованы и разобщены, но на их стороне зима и территории, и было очень тяжело. От моей роты осталось только 20 человек и я. И мне предложили укомплектовать новобранцами прямо на передовой. А что это значит – новобранцы? Это ведь пушечное мясо. В итоге я подал рапорт, чтобы мне дали возможность уйти в тыл хотя бы на 100 километров и переформировать свою роту. Я написал, что солдаты рейха на вес золота и мы не можем себе позволить класть необстрелянных новобранцев. И, что удивительно, мой рапорт удовлетворили, и на обратном пути наш вагон подорвался на заряде партизан, и весь мой отряд тут, в этом госпитале. Теперь я и не знаю, что от моей роты и осталось. В последний раз мне говорили, что в живых 12,

но 5 с тяжелыми ранениями. Эх, тяжелая была зима, самая тяжелая для меня и всей немецкой армии.

Мне было приятно слушать Ганса, который с такой скорбью рассказывал про потери немецкой армии и своей роты. Но вид я состроил грустный и печальный.

– Может быть, не нужно было начинать эту войну, Ганс?

– Ну как не нужно? Нужно же было освободить этих русских от большевиков. И вернуть их к нормальной жизни.

– Освободить от большевиков?

– Ну да, русские – хорошие люди в большинстве своем, но в 1917 году власть захватили представители мирового еврейства и загнали их в рабство. Они же темные. Еще Наполеон писал в своих трудах о необходимости реформирования русского государства, и великий фюрер – он тоже хотел этого. Я вот мечтал после войны создать тут самую большую ферму в истории России и научить, как правильно выращивать свиней. Как их перерабатывать. Я видел свинарники в деревнях, в которые мы заходили, – это же просто ужас. Русские совершенно не умеют держать свиней, свиньи у них мучаются. Вот у меня в Колькене свинки живут что короли. У них чисто и светло, и всегда есть корм и вода. И все это практически автоматически. Мы втроем с отцом и моим братом можем ухаживать за тысячью свинок. А у русских? Ты, может быть, видел такие деревянные темные сараи с маленькими окошками у самой земли? Это у них и есть свинарники, а навоз? Как они убирают навоз? ТЯПКОЙ вручную! Одно

слово варвары!

Я смотрел на Ганса, потрясенный сделанным только что открытием, я, человек, воспитанный на военных фильмах, всегда представлял себе немцев в качестве жестоких захватчиков. Да и, попав в это измерение, познакомившись с Генделем, моя вера в это только утвердилась. Но сейчас передо мной сидел немецкий офицер, который мечтал освободить русских и научить их выращивать свиней в чистоте и довольстве. У меня в голове, видимо, произошло какое-то расщепление мысленного процесса, которое просто сейчас вызывало его коррозию.

– Скажи, Ганс, а как ты, фермер, стал офицером? – решил я перевести тему разговора.

– Ну как, отец отправил нас после школы на службу и заплатил за обучение, еще до войны. Поэтому, когда началась война, мы с братом отправились на войну в чине офицера. Мой отец воевал еще в Первую мировую, и его отец воевал там тоже. Мой дед воевал обычным солдатом, а сыну писал, чтобы тот обязательно пошел в школу офицеров и на фронт чтобы попал офицером. Я благодарен отцу, что он настоял на этом. Хоть с офицера, конечно, спрос больше, но все-таки много комфортней, чем рядовым. Хоть морально мне и тяжелей, я формировал свою роту за месяц до начала восточной компании. Мы успели сдружиться, практически стать друг другу родными, и потому мне было так жаль их терять. И сам писал похоронки на каждого, с характеристи-

кой и наградными.

Диссонанс в моей голове стал еще большим. Ганс был отцом-командиром и хорошим парнем-фермером. Он чем-то напомнил мне Григория и Петра одновременно. Петр мечтал, как он заживет после войны, но прилетела мина, выпущенная вот таким вот Гансом, которая разорвала его на куски. Но Ганс при этом вовсе не был захватчиком, он шел освобождать порабощенный народ и свято в это верил. Как верил в это и Гендель. Который наверняка считал благом дать партизанам умереть с оружием в руках. Жаль, мне не удалось с ним поговорить про это, не удивился, если бы он мне рассказал про Валгаллу и Одина. Хотя, по-моему, это ведь у викингов. А Ганс в это время решил спросить меня:

– А ты правда ничего не помнишь?

– Ну как, часть помню, помню, что я из Кракова, частично помню улицу, где мы жили. Родителей помню. А дальше все как в тумане, ничего не помню.

– Я слышал про это у контуженных, говорят, это может пройти, а может и не пройти. Я вот все радуюсь, что барабанные перепонки уцелели, так-то у контуженных очень часто потеря слуха. Но меня спасло, что, когда нас накрыло, я что-то рассказывал своим солдатам. И рот был открыт.

Я вспомнил, что тоже в момент, когда прилетела мина, что мой рот был открыт и я что-то собирался сказать Петру. Неужели такой момент и сохраняет слух? Вслух я сказал:

– А я не помню, был у меня рот открыт или нет.

Дверь в палату открылась, и дородная тетушка, которая приносила мне обед, зашла, забрала тарелки и принесла ужин. На ужин была овсяная каша и плошка с творогом.

– Захотите добавки – покричите в коридор, я добавлю, – сказала тетушка, глядя на меня с явным состраданием. – Каши много наварили, и на молоке. Вкусная каша.

Ганс сморщился как весенний гриб сморчок.

– Фу, а можно мне лучше двойную порцию творога, а кашу я не буду? Бабушка Роза, ну пожалуйста, мне можно хлеб-бушка и творог?

Бабушка Роза, как назвал ее Ганс, сморщилась от того, что ее называли «грандмутер», но все-таки смилостивилась над Гансом и дала ему еще плошку творога и порцию хлеба. И спросила меня:

– А ты-то как, кашу будешь?

Я не ел овсянку уже очень давно, и сейчас она мне казалась очень милой на вид. Поэтому, заглотив ложку, я с полным ртом сказал: «Аха, и порцию Ханса тофе».

– Ну вот и славно, – сказала Роза и удалилась дальше по коридору.

А я расправился с обеими чашками овсянки, съел творог и хлеб, почувствовал себя счастливым человеком. Каша очень приятно и полезно легла в мой желудок, заполнив, видимо, все его пустые места. Ганс старался не смотреть на меня, когда я с удовольствием уминал кашу, но, когда я закончил, он не выдержал и спросил:

– Как ты ешь эту английскую гадость? Овес подходит только для того, чтобы им кормить лошадей и варить самогон и пиво. Да и пиво из него получается гораздо хуже, чем из ячменя.

– Да я такой голодный, Ганс, что мог бы съесть что угодно. Да, и кстати, почему английскую?

– Да это англичане придумали, чтобы жрать этот клейстер. Нормальный баварец жрать это не станет.

– Ну я-то не баварец, я-то поляк. У нас в Польше это нормально, я привык, хотя, если был бы выбор, я тоже бы не стал это есть.

– Эх, добраться бы мне до моего пайка, у меня ведь полный вещмешок консервированной ветчины, не пускают меня туда, ну, ничего, доберемся. Может быть, Лейтхен нам поможет и хотя бы баночку нам принесет. Розу-то просить нельзя, она нам банку-то принесет, но весь паек себе заберет.

– Да ладно тебе, почему ты наговариваешь на бедную женщину?

– А ты видел ее задницу? Чтобы поддерживать такую задницу в такой форме, она должна как мы с тобой вдвоем кушать, – Ганс перешел на полусшепот, чтобы не дай бог Роза нас не услышала.

И мы вдвоем засмеялись над шуткой Ганса. Хоть мне были и не очень приятны такие шутки про женщину, которая проявляла о нас такую заботу. Она, кстати, зашла и забрала грязные тарелки, с большим удовольствием отметив, что

мои обе тарелки идеально чистые.

– Вот, Ганс, смотри, он из больницы раньше тебя уйдет, если бы ты так же, как он, кушал кашу, давно бы уже выписали, – съязвила она. После ее ухода Ганс начал мне рассказывать про свою любимую тему, а любимая тема у него была свиньи. Он знал про них все, и я понял, что к моменту выписки я тоже буду уже опытным свиноводом.

– Ты представляешь, Максим-то, он молодец какой, он ведь самку без хряка покрывает. Ездил на какую-то выставку в Швейцарию и привез оттуда дорогущее оборудование. Мне тогда еще 15 лет было, как на него тогда орал отец, что он потратил целое состояние на какую-то муру. А он привез микроскоп и целую кучу всяких пробирок и непонятных реактивов. И стал брать у хряка семя, представляешь себе? У свиной какая проблема обычно, что матки в охоту приходят спонтанно, и приходится держать нескольких хряков, чтобы они смогли их осеменить. А хряки или семя плохое дают, или жиреют и ленивые становятся, в общем, беда с ними всегда. И мясо у них очень плохое, невкусное, вот и много их содержать совсем не выгодно. А он что, значит, придумал: брать у хряков семя, морозить его, и, значит, как матки в охоту приходят, он их переводит в ряд и всех скопом осеменяет. Десять лет отлаживал эту схему. А сейчас мы на сто маток двух хряков держим, и хватает! Вот так мастер он! Жаль, что еврей.

– Вот это да, – деланно восхищался я. – Всего двух хряков

на сто маток, это ж надо.

– Ну да, они маток-то всю жизнь и не видят. Максим их раз в неделю сам охаживает и семя, значит, морозит и хранит, ты представляешь? Он и нас всех этому научил, это несложно на самом деле. Очень просто, только свинарник нужно строить изначально правильный, чтобы проходы между клетками были с дверками и чтобы места все были правильные. Мы долго думали и в итоге построили все заново. Я потому тебе и говорю, что, если я русских научу, как держать свиней, они забудут, что такое голод, навсегда. Вот мы места-то проходили, так там свиньи – жир один, кошмар, а не свиньи.

– Так-то они ради сала держат. Сало русские любят очень, особенно в Украине.

– Сало? Да разве ж можно? Сало должно быть с мясом, как минимум пополам, тогда это отменный шпик, его и мариновать, и коптить можно, а чистое сало – это ж есть противно.

– Ну не скажи, Ганс, чистое сало тоже очень вкусное. Я вот очень люблю, с борщом да хлебом черным.

Ганс на меня обиделся, это было видно.

– Все-таки видно, что ты не ариец: и кашу жрешь, и сало без мяса. Ты уж извини, Йежи, ты, конечно, парень хороший и офицер, но все-таки не немец ты.

Мне было смешно от почти детской обиды Ганса, который ополчился на меня за то, что мои предпочтения в еде отли-

чались от него. Но спорить я с ним не стал, так как понимал, что для меня это было ерундой, а для него, может, действительно серьезная проблема. Я вспомнил, как в книжке про Гулливера лилипуты воевали потому, что не смогли договориться, с какой стороны разбивать яйцо удобней – с тупой или с острой. А тут целых два блюда – каша и сало без мяса.

– Ну так-то сало с прослойкой и колбасу кровяную я тоже очень уважаю, Ганс. Да и прав ты, копченое сало действительно лучше, когда там мяса побольше. Просто хотел тебе сказать, что и чистое сало – это ведь тоже очень неплохо. Например, для картошки-то со шкварками это ведь изумительно. А у русских картошки-то в рационе существенно больше, чем сала, сам же говоришь, что не умеют они толком свиной держать и мясо потому в дефиците.

Мой примирительный тон и рассказ сняли обиду Ганса, и он поддержал:

– Да-да-да, это потому что они никогда не пробовали настоящей ветчины и настоящего бекона. Вот если бы они попробовали наш бекон и нашу ветчину, они бы пришли ко мне и сказали: «Ганс, научи нас, как выращивать свинок», – и я бы их научил. Я хочу, чтобы все кушали так же хорошо и вкусно, как и в нашей деревне. Мне не жалко.

Мы продолжили разговор про свиной, Ганс рассказывал мне все: и как правильно и толком использовать навоз, ругая русских за халатное отношение к этому ценнейшему удобрению, как правильно перерабатывать свиной так, чтобы ис-

пользовать абсолютно все, опять же ругая русских за варварское отношение к разделке. В общем, у кого как, но Ганс во-евал с Россией только за свиней. С просветительской миссией. Он был свиным мессией, который пришел, чтобы спасти всех русских в их заблуждении в отношении этого святого, по его мнению, животного.

Наш вялый разговор прервала Лейтхен, принеся нам вечерние дозы с уколами. Она занесла к нам тележку с приготовленными шприцами, и Ганс с порога начал ее умолять:

– Милая Лейтхен, я от всего сердца умоляю Вас зайти в кладовую и найти мой вещмешок. И принести нам с Йежи баночку ветчины из моего пайка. Если вы сделаете это, я буду вашим покорным рабом до самой выписки. И я с удовольствием угощу вас тоже этой баночкой.

– Нельзя вам ветчины, Ганс, и Йежи нельзя, у вас четкое предписание по питанию от врача. И мне очень влетит, если я его нарушу.

– Я умру тут на этой каше, милая Лейтхен, и моя смерть останется на вашей совести.

– Он точно умрет, он сегодня один творог и ел, долго не протянет, – решил я поддержать Ганса в его мольбах.

– Ну хорошо, я что-нибудь придумаю, может, и получится, – сказала она, мило улыбаясь. – Ну, господа офицеры, поворачивайтесь своими лучшими половинами и дайте мне выполнить свой рабочий долг.

Мы дружно легли на животы, оголив ягодицы. В этот раз

укол был менее болезненным, чем днем, но и состав его был другим. В составе в этот раз был седативный препарат, на что коммуникатор высказал протест, что данный вид препарата слабоэффективен и наносит больше вреда моему организму, нежели пользы. Он внес изменения в программу регенерации веществ, чтобы аннулировать побочные эффекты от введенного мне препарата, но при этом оставил седативный эффект на месте. По-простому говоря, снотворное.

Ганс, видимо, тоже решил уже не продолжать разговора и засопел, повернувшись к стенке. А я лежал и мучился от мысли того, что мое путешествие в этот мир действительно бесполезное. Я не мог ничем помочь Красной армии. Я думал про это, и чем больше думал, тем больше понимал, что любая технология, которую я тут могу оставить, приведет к не меньшим, а к большим потерям. Да и не так уж и много было у меня с собой технологий, которые действительно могли бы помочь в этой войне. На внедрение любой новой технологии могли уйти годы. Ну, дал бы я, например, технологию по производству композитной брони по последнему слову техники из измерения Техно – кто бы ее тут смог использовать? Да, танк с такой броней, по сути, был бы неуязвим для орудий этого времени. Но сколько танков смог бы произвести СССР? Четыре или пять? Изменило бы это ход самой войны? Точно нет, но это могло бы изменить баланс сил после войны, и в лучшую ли сторону? Нужно ли давать СССР технологии? Вот с такими мыслями я и заснул...

Глава 7. Лейтхен

Утро было приятным. Давно я не просыпался в комфорте, хотя, конечно, время – очень относительная штука. Так-то разобраться, всего месяц я спал на шикарной эльфийской кровати, но это уже казалось каким-то далеким прошлым. А неделю назад я спал в сырой землянке, но после одной ночи в подвале мне казалось это комфортным. Все познается в сравнении, стоит один месяц проспать на хорошем ортопедическом матрасе, как ты к нему привыкаешь и начинаешь относиться как к само собой разумеющемуся, но стоит лишиться его на короткое время и опять вернуться к нему, как начинаешь ценить этот самый матрас гораздо больше, чем ценил до этого. Вот и сейчас я проснулся и понял, что ни одна из частей моего тела не затекла, и я проспал всю ночь, не просыпаясь от того, что начинал болеть тот или другой бок. Хотя спал я всего лишь на древней пружинной кровати с небольшим полосатым матрасом, набитым ватой. Но события предыдущего месяца заставили меня ценить это как величайшее благо человечества. Открыв глаза, я увидел улыбающуюся Лейлу, и первое, что пришло мне в голову, – что я в эльфийском древе, и события последних дней – лишь кошмарный сон. Но потом я увидел в ее руках шприц и понял, что кошмар как раз и есть реальность и это не Лейла, а Лейтхен. А она пальцем показывала мне, что пора подставить ей

мою уже исколотую несчастную задницу для очередного укола. Но, подчинившись, я получил очередную дозу витаминов, которые мой коммуникатор одобрил. А Лейтхен проделала ровно ту же процедуру с Гансом. Который, проснувшись, заулыбался, радуясь тому, что его разбудила Лейтхен. А она, сделав ему укол, повернулась и достала из низа тележки банку ветчины. Ганс аж вскочил от радости, схватив банку, но, прочитав надпись, он с удивлением поднял глаза на Лейтхен.

– Но это ветчина не из моего пайка.

– Да, Ганс, это из моего, я решила угостить вас немного, а вы, как выздоровеете, вернете мне из своего.

– Ммм, я верну Вам в два раза больше, милая Лейтхен! Вы спасли бедного Ганса от мучительной смерти в этом голодном краю.

– Ой, не надо преувеличивать, господин офицер, голодная смерть вам тут точно не угрожает.

– Вы просто не знаете меня, милая Лейтхен.

Лейтхен улыбнулась нам на прощание и вышла из палаты. А Ганс, счастливый, как никогда, сказал:

– Как же повезло ее мужу, такая красивая и милая девушка, такой на свете больше не сыскать. Как жаль, что сердце ее закрыто и ключик где-то на восточном фронте. Я бы вызвал его на дуэль.

От слов Ганса меня накрыло волной тоски. Да, где ты, моя Лейла, куда я убежал от тебя? Неужели бы не смог догово-

ряться с Элизой и быть только с тобой? Кого я обманываю? Тут же подумал я: устоять против чар Элизы я был не в силах. Даже сейчас, вспоминая ее прикосновения, меня пробивал тот самый электрический ток и мгновенная эрекция. Но сердце при этом ныло по Лейле. Интересно, я один такой идиот в мире, который любит одну, а хочет другую? Или есть еще?

Это все магия Элизы, оправдывал себя я. Все же все говорят: невозможно мужчине удержаться против ее магии. Или все-таки возможно? Но когда она провела по моей ягодице своей рукой, о чем я тогда думал? Где были все мои мысли? Да там же, чуть ниже ягодицы, они и были, причем все до единой. И о чем я тогда думал? Да гори оно все огнем, я хочу ее – и все тут. Единственный способ быть с Лейлой – это быть там, где не будет Элизы. А способа быть с Элизой просто не существует, как бы она ко мне ни относилась, я для нее не больше, чем морская свинка для хозяина. Что бы себе при этом эта самая морская свинка ни думала.

Я тяжело вздохнул от своих тяжелых мыслей. А Ганс насторожился:

– Только не говори мне, что тоже влюбился в нее.

– Не в нее, Ганс, не в нее, я вспомнил свою жену, которая осталась дома. И понял, как я тоскую по ней. Я уходил – она была на 5 месяце беременности.

– О, как хорошо, Йежи, память к тебе возвращается. – Я не подумал, что Ганс воспримет мою сентиментальность как

симптом выздоровления. Но слово не воробей, вылетело – не поймаешь. Все-таки нужно быть более осторожным, если контрразведка начнет задавать мне вопросы про Краков, я точно ведь завалюсь. Я совершенно не знаю этого города и точно не знаю ни названия училища, ни событий последних лет. Поэтому легенду с амнезией нужно поддерживать целиком и полностью. Особенно нужно молчать при Гансе, вот уж у кого язык за зубами не держится. Стоило врачу открыть дверь в нашу палату, как он с ходу выдал:

– А наш Йежи-то на поправку идет. Вот жену вспомнил!

Врач внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Это правда?

– И да, и нет. Просто, глядя на медсестру Лейтхен, я вдруг вспомнил, что у меня есть жена. Я вспомнил ее прикосновения и ее лицо. Она очень похожа на Лейтхен. Но больше я ничего не смог вспомнить.

– Понимаю, но давайте посмотрим, как у вас с моторикой. Голова кружится?

– Да, когда встаю, еще кружится.

Дальше шел стандартный набор тестов с пальцами, носом и пальцем врача. Врач с удивлением крякнул, когда я смог попасть пальцем по носу все разы и проследить за его пальцем, уже практически не теряя взгляд.

– Вы удивительно быстро восстанавливаетесь, за одну ночь такой прогресс.

– Это все ваши витамины В₁₂ и С, – ляпнул я, опять не

успев сообразить, что мне названия витаминов знать не положено. И брови врача это мне очень явно дали понять.

– Откуда вы знаете про эти витамины? Это ведь экспериментальный препарат, сейчас только проводим испытания.

– Да я спросил во время укола Лейтхен, и она сказала, что колет эти витамины.

– Ага, возможно, и действительно, что набор витаминов с введением внутримышечно ускорил ваше восстановление. Но все равно, молодой человек, вы идете на поправку намного быстрее вот вашего, например, соседа по палате. Он сюда поступил на неделю раньше, а по тестам вы от него на 2–3 дня всего отстаете. Не удивлюсь уже, если выпишем вас одновременно.

– Ну я просто, может быть, здоровый сам по себе?

– Ну, не иначе, других объяснений у меня этому нет. – У меня-то объяснения были, они были спрятаны под пластырем на моей левой руке. Мой сканер лечил меня, круглые сутки синтезируя в моей крови вещества, которые помогали мне восстанавливаться существенно быстрее. – Вы можете потихоньку гулять, но очень аккуратно и без резких движений. Весна наконец-то пришла в этом году, на улице просто чудесная погода. Выходите раз в день вместе с Гансом на улицу перед обедом.

– Хорошо, доктор, спасибо вам.

– Да, неприятная для вас новость – сегодня вас посетит оберштурмбаннфюрер СС Штраус Фальштейн. Он уже зна-

ет, что вы пришли в себя, и долг офицера контрразведки – задать вам вопросы. Но упаси вас бог, господа офицеры, вскакивать, когда он войдет в палату. Достаточно будет просто сесть на кровати и поприветствовать офицера. Он знает, что вы раненые, и не будет сильно возражать.

– Хорошо, гер доктор, – ответил Ганс. – Благодарю вас за предупреждение.

Доктор вышел из палаты, а Ганс с нетерпением ждал завтрак.

– Сейчас принесут опять мерзкую кашу и, может быть, вареное яйцо. Но самое главное – принесут хлеб. Это, конечно, не очень хорошая ветчина. Но все-таки это ветчина.

Ганс оказался прав: нам принесли перловую кашу и одно вареное яйцо, Ганс сразу отказался от своей порции, а я решил все-таки поесть. Роза дала Гансу двойную порцию хлеба, и он, разложив хлеб на столе, стал нежно и бережно открывать ветчину. Банка была с ключиком, с перфорированной полоской, которую можно было открыть без ножа, и сейчас Ганс практически в медитативном состоянии открывал эту банку. Мне было неловко просить у него кусочек его священной ветчины, так как каша с вареным яйцом, хоть и не верх совершенства, но вполне себе подходила для завтрака. И к тому моменту, когда Ганс начал аккуратно резать ветчину ломтиками, я уже умял тарелку и чистил яичко.

Ганс был реально фанатом ветчины, такой аккуратности в приготовлении незатейливого в общем бутерброда я еще

не видел в своей жизни. Он выкладывал кусочки ветчины на хлеб с видом художника, который кладет мозаику в святом храме. Он вдыхал аромат ветчины, с благоговением дыша носом. Мне кажется, он даже задерживал дыхание, как наркоман, чтобы запах ветчины подольше оставался в его легких. Теперь, глядя на него, я уже боялся, что он предложит мне один из двух бутербродов, так как боялся, что возьму его без должного уважения и предстану в глазах Ганса святотатцем.

Я доел яичко, и, в общем-то, был сыт. И когда Ганс все-таки предложил мне один из бутербродов, я сказал:

– Ганс, друг, ешь сам, ты вчера почти не ужинал и сегодня. А тут так немного ветчины.

Ганс не стал со мной спорить, взглянув на меня с благодарностью, приступил к трапезе. Он не ел этот бутерброд, а вкушал его. Другим словом и не описать это действие, он откусывал по маленькому кусочку и очень долго жевал практически с закрытыми глазами. Меня подмывало потрогать его грудь, чтобы проверить, не мурлыкает ли Ганс. Так как выглядел он реально как счастливый и довольный жизнью кот. Может, вот так и нужно кушать, подумал я. Медленно, чувственно, понимая вкус того, что ты ешь. А не так, как я, впихивая веслом вареную крупу со скоростным вращением челюстями. Я сидел и завидовал сейчас Гансу, он сейчас получал истинное наслаждение от еды. И на завтрак он потратил не меньше часа, в отличие от меня, уложившегося в пять

минут. С другой стороны, вкушать перловку вот с таким вот удовольствием я, наверное, и не смог бы. Может, именно поэтому Ганс так не любит каши?

Закончив свою трапезу, Ганс поднял на меня глаза и предложил: «Ну, а теперь можно пойти и погулять?».

– Ну, раз врач велел, значит, пойдём.

Я встал на ноги, голова все еще немного кружилась, но все-таки я чувствовал себя намного лучше, чем вчера. Намного лучше. Мы прошли по длинному коридору и вышли во двор. Тут было много солдат, они сидели кружками и курили. Ганс внимательно осмотрелся по сторонам и, увидев, видимо, кружок из знакомых ему солдат, он зашагал к ним. Я пошел следом за ним, так как оставаться одному среди немецких, пусть хоть и раненых, солдат мне не хотелось.

Солдаты, увидев идущего к ним Ганса, начали вставать и приветствовать его по форме. Как я понял, они знали, что перед ними офицер. Но Ганс остановил их порыв:

– Вольно, ребята, вольно. Мы тут все без знаков отличия, так что не будем тут военными.

Он подошел к ребятам, которых было семь человек, и спросил: «А где Фриц и Клаус, Мартин и другие?»

Солдат, который был ближе всего к нам, ответил:

– Господин офицер, Фриц на растяжке лежит, он ходить не может. А других нет. Тут вот только нас восемь человек. Остальных и нету уже с нами. Но Фриц будет жить, бог милостив его: и рана затянулась, и кость вроде срастается. Гер

доктор сказал, что на днях снимет его с растяжки и оденет в гипс. И он сможет выходить с нами на улицу. Как вы, господин офицер?

Ганс грустил по своим солдатам, его лицо было печально.

– Да что мне, меня только доктор тут и держит. Кормили бы нормально – я бы уже бегал и стрелял русских.

Ганс не добавил слово «свиной», так как слишком благоговейно относился к этим животным. Но словосочетание «русская свинья» было в ходу у немцев, как у русских были в ходу слова «немчура» или «фашист». Так, если по-честному разобраться, значение слова «немец» в русском языке изначально было «немой человек». Да и, как говорят стороны, на войне напичканные пропагандой с двух сторон по самую макушку.

– Ганс, мы хотели спросить твоего разрешения: тут Август договорился, чтобы наши пайки нам выдали, и уже договорился с французами махнутья шнапсом на коньяк и еще по мелочам. Мы хотели спросить, можно ли нам прийти в вашу палату после отбоя и устроить небольшой праздник.

Мне показалось, что Ганс сейчас заплачет от счастья: то не было, не было, а тут сразу две трапезы в один день.

– Дорогой мой Август, будет возможность – я представлю тебя к награде, как минимум железный крест ты заслужил.

– Ну что вы, господин обер-лейтенант, мы тут все с ума сходим от этой больничной еды. А Ваш сосед по палате не будет против? – Все посмотрели на меня.

– Ну что вы, друзья, я так же, как и вы, с радостью разделю с вами пир, если вы меня, конечно, пригласите. К сожалению, у меня нечего предложить на ваш ужин.

– Ничего, мы тебя угостим. Потом тебя ведь тоже должны поставить на довольствие и выдать новое обмундирование, а значит, у тебя будет возможность с нами рассчитаться, – сказал Август, который, видимо, был интендантом в роте и отвечал за вопросы обеспечения.

– А давайте еще Лейтхен позовем? Я думаю, она не будет сильно против маленького глоточка французского коньячку? – сказал Ганс. Меня больно кольнуло в области сердца иголкой ревности. Я понимал, что Лейтхен – это не Лейла, но тем не менее я никак не мог избавиться от наваждения, что это она. И потому я ревновал, но понимал, что показывать ревность я не имею права.

Но солдаты дружелюбно загудели, согласно кивая головами. Мужчинам не хватало женского коллектива.

– Можно еще и Светхен позвать, она хоть и не арийка, но очень милое создание, правда, плохо говорит по-немецки.

– Нет, сегодня ее не будет, не выйдет позвать. Она же через сутки. Это только Лейтхен у нас постоянно на посту, и как только держится девчонка.

– Муж у нее на фронте, а она считает, что если отдаст всю себя работе, то он обязательно вернется живым, она как бы обед принесла такой.

– Вот бы мне такую жену, – мечтательно сказал Ганс. «А

у меня такая есть», – подумал я и опять загрустил. Нужно выбираться отсюда как можно скорей. Нечего мне тут делать.

Мужики были мужиками, что в Германии, что в России, что, видимо, в любой части вселенной и даже не одной. Все разговоры о выпивке, жратве и бабах. Сейчас уже весь разговор был, как достать еще разносолов, из которого я понял, что в госпитале находится полный интернационал: тут были и французы, и итальянцы, и поляки, и румыны, и кого только не было. Это было еще одно открытие, которое не укладывалось в моей голове. Я всю жизнь считал, что против СССР воевала фашистская Германия, а как тут выяснилось, воевала практически вся Европа, ну или, по крайней мере, в госпитале были практически все представители старого света, кроме, пожалуй, англичан. Мало того, видимо, снабжение сильно отличалось, так как у французов был коньяк, у немцев – шнапс, у итальянцев – сыры, но при этом все активно менялись продуктами и выпивкой и дружили друг с другом.

Поболтав еще с солдатами, наметив план, мы с Гансом вернулись в палату. Ближе к обеду пришла Лейтхен с очередным уколом. И как только она сделала нам необходимую процедуру, Ганс развернулся и сказал:

– Милая Лейтхен, мои солдаты в честь нашего выздоровления решили устроить небольшой банкет сегодня вечером в нашей палате, мы хотим чуточку посидеть и совсем капельку выпить, и от лица всех оставшихся солдат моей роты мы просим разделить с нами скромный ужин и украсить нашу

мужскую компанию своей светлейшей улыбкой.

Лейтхен нахмурилась, и в голосе прозвучали жестокие стальные нотки:

– Нет, нет и еще раз нет, Ганс. Вы не должны нарушать больничный режим и должны следовать правилам. Вот выпишитесь – и тогда делайте, что хотите. А пока не в коем случае!

Ганс смутился и сник, видимо, он вложил в свою фразу максимально возможные слова и так рассчитывал на то, что она согласится, что просто не оставил аргументов для возражения и уговоров. Он выглядел абсолютно несчастным, и я вступился за него:

– Лейтхен, вы поймите, ребят осталось всего семь человек из роты, они выстояли русскую зиму, и через две-три недели все вернутся на фронт, и сейчас непонятно, смогут ли они восстановить свою роту или их расформируют. Им это просто нужно, чтобы морально воспарить духом. А Вас они зовут, как раз чтобы Вы видели, что все будет чинно и благородно. Прошу Вас, не откажите солдатам в малой просьбе.

Моя фраза произвела впечатление на Лейтхен, она явно смягчилась, она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, на ее лице опять застыло чувство, как будто она пыталась вспомнить, где видела меня и где слышала мой голос. Хотя все это, может, я себе сам и выдумал.

– Хорошо, Йежи, я очень надеюсь, что два благородных офицера не подведут бедную медсестру под монастырь. Я

приду к вам через час после вечернего укола. Вы только должны пообещать, что не будете курить и шуметь в палате.

– Обещаем, мадам, – восторженно воскликнул Ганс. Лейтхен ушла, а Ганс, глядя на меня, сказал в полушутливом тоне:

– Что-то мне подсказывает, что она на тебя глаз положила, мне вот отказала, а тебе не смогла. Ух, Йежи, вызову я тебя на дуэль!

Я решил в шутку поддержать игривый настрой Ганса:

– Да я бы и принял твой вызов, назови место, и время, и оружие.

– Место – больничный двор, время – как разрешит врач, ну а оружие – я бы сразился с тобой на палках, ну не будем же мы с тобой стреляться. – Я перестал понимать, шутит ли Ганс или серьезно предлагает мне сразиться с ним.

– Ты что, серьезно, Ганс?

– Ну конечно, это будет шуточная дуэль Йежи, но почему бы нам не размять кости?

– Да я в целом не против, ну только когда голова более-менее соображать начнет. А что значит на палках?

– Ну, у нас говорят «на черенках». Мы в нашей деревне устраиваем бои на черенках от лопат. Нехитро и, в общем-то, неопасно, хотя можно и руку сломать. Но мы стараемся не калечить друг друга.

– Мне кажется, это не очень хорошая идея, но в целом я за то, чтобы размяться. Но только чтобы, не дай бог, Лейтхен не узнала, что мы деремся за нее.

– Упаси бог, Йежи, если она про это узнает, к тому же это и неправда. Она замужем, и сердце ее занято, а мы с тобой бедные трубадуры, которым если и светит что, так только ее милая улыбка и возможность поцеловать ей руку.

– Так ты романтик, Ганс, истинный.

– Что есть, то есть, я еще и серенады знаешь какие петь умею под окнами. В нашей деревне я слыл истинным ловеласом, может, и не женился поэтому, что все никак выбрать не мог. Но вот на Лейтхен я бы женился не раздумывая.

– А может, ты просто так стосковался по женскому телу, что уже на любой симпатичной готов жениться?

– Но-но, а то я тебя действительно на дуэль вызову, на пистолетах, и пристрелю! Хотя, может быть, ты и прав.

Роза принесла обед, на обед был, как всегда, супчик из непонятно чего и второе – кусок рыбы с какой-то крупой, которую я так и не смог распознать. Ганс отодвинул все это в сторону как брезгливый кот. А я все съел, еще и забрал у него кусок рыбы. Хотя гарнир ко второму был действительно отвратительным, и я не смог его до конца проглотить. Но рыбу и первого я похлебал и даже наелся. А Ганс приготовился ждать вечера, весь в надежде на обещание своих солдат, что они все достанут.

– Эх, мне бы только дожждаться вечера, а уж вечером я поем, так поем. И как ты только можешь жрать эту гадость?

– Я голодный, Ганс, и не так избалован хорошей едой, как ты, видимо. Мне и эта еда в радость. Ты не забывай, я и не

помню ничего, для меня и эти блюда все в новинку. Хотя, конечно, каша эта на гарнир – мерзость жуткая, что это хоть такое?

– Это пшено, по-моему, хотя такого странного вида, что я бы не был в этом уверен.

После обеда мы погрузились в сон, из которого нас вырвал стук в дверь. Я открыл глаза и увидел, что в дверь зашел немецкий офицер в черной форме. И я, и Ганс начали садиться на кровати и даже вставать, чтобы отдать честь вошедшему старшему по званию, но он поднял руки и произнес:

– Господа офицеры, в больнице мы с вами равны по званию, не нужно, не нужно.

Пришедший был в звании оберштурмбаннфюрера СС, то есть равный званию полковника. То, что к нам пришел целый полковник, не предвещало ничего хорошего, и я внутренне был очень напряжен. Вошедший поздоровался и, обратившись к Гансу, сказал:

– Ганс Отто Вельке, от лица командования разрешите вас поздравить с присвоением вам очередного звания гауптмана и награждением железным крестом 2 уровня за храбрость и мужество, проявленные в боях под Москвой, – произнес пафосно вошедший и вручил Гансу две коробочки. Лицо Ганса стало темно-красным от волнения и эмоций. – Вашим солдатам полагается железный крест 1 уровня. Как будете в состоянии, подготовите представление и характеристики на вы-

живших и награждение погибшим посмертно.

– Слушаюсь, господин оберштурмбаннфюрер, – Ганс опять попытался встать, но Штраус Фальштейн положил руку ему на плечо и удержал его. – Вы истинный офицер и истинный ариец, мой мальчик, и заслужили эту малую награду, – после окончания пафосной части Штраус повернулся ко мне, и лицо его стало серьезным.

– Йежи Ковальский?

– Да, это я.

– Я скажу прямо: ваша история очень странная, и, было бы сейчас другое положение на фронте, я бы предпочел вас изолировать для тщательного разбирательства и допроса. Но время сейчас такое, что каждый офицер вермахта на вес золота, и потому постарайтесь сейчас ответить на мои вопросы, и если я сочту ваши ответы достаточно убедительными, я рекомендую вас на возвращение на службу.

– Я бы с радостью ответил на все ваши вопросы, но, к сожалению, этих ответов у меня не так много, я только вчера вспомнил, как меня зовут.

– Да, и это, конечно, сильно осложняет наше дело, конечно, я говорил с доктором, и он мне со 100 %-ой уверенностью заявил, что у вас сильнейшая контузия и потеря памяти. В том, что вы контужены, у меня лично сомнений тоже нет, вы попали под минометный обстрел сектора, откуда была выявлена передача, и там, где вас нашли, были обнаружены останки еще одного солдата в немецкой форме и остатки

немецкой радиостанции. Но передача шла на волне противника, и шифрование было тоже. Что вы можете сказать мне по этому поводу?

– Абсолютно ничего, я ничего не помню.

– Ах, Йежи, Йежи. Тут вот в чем дело, Йежи Ковальский был действительно откомандирован в распоряжение Генделя фон Иориха с целью засылки в партизанский отряд. Гендель сообщил, что смог взять в плен несколько партизан и планировал устроить им побег, подбросив к ним Йежи. Но проблема в том, что Гендель не сообщил о прибытии Йежи на место. И был обнаружен автомобиль, на котором он ехал, тот был уничтожен. А потом было обнаружено, что и сам Гендель пропал, а его двое помощников убиты. Я могу допустить, что вы все-таки прибыли в его распоряжение и он просто не успел сообщить, а машину подорвали на обратном пути. Но куда пропал Гендель?

– Он убит.

– Убит?

– Я вспомнил фамилию и лицо офицера, которого звали Гендель фон Иорих, я помню, что он был расстрелян в партизанском отряде.

– Вы в этом уверены?

– Да, господин офицер, я это отчетливо вспомнил, но остальное, к сожалению, пока что все как в темноте.

– Ну хорошо, конечно, очень жаль, что Германия потеряла такого великого человека, как Гендель фон Иорих, спортс-

мен и представитель столь знатной и известной фамилии, но лучше уж сведения о его кончине, нежели неизвестность. Вы сможете показать мне, где он погиб?

– Вряд ли, может быть, позже, когда память восстановится больше.

Штраус задумался, и в палате повисла гробовая тишина. Его угроза запереть меня для допроса вызвала буйный полет моей фантазии, и внутри у меня все оцепенело от ужаса. Если бы я сейчас стоял на ногах, то, скорей всего, мои колени бы дрожали вместе с руками от страха. Штраус вышел из задумчивости и произнес:

– Как все-таки сложно сейчас принимать решение. Будь вы немцем, то ваша карточка была бы в полном порядке, и я бы уже имел полное ваше досье с фото, и мы бы уладили это недоразумение. Но, к сожалению, польские войска не могут похвастаться немецкой аккуратностью, и потому на мой запрос смогли мне подтвердить только то, что такой человек существует, сославшись, что большая часть документов уничтожена. И мне, офицеру СС, сейчас вот предстоит сделать выбор, если вы советский шпион, а я пушу вас в ряды вооруженных сил, то подложу свинью. Но если вы не шпион, германская армия опять потеряет хорошего офицера. И что мне прикажете делать?

– Я не шпион, господин офицер. Я не знаю, как вам это доказать, но я не шпион.

– Я очень хочу вам верить. В общем, я принял решение,

господа офицеры, вам по ранению положен отпуск в течение одного месяца, но я прошу вас в это нелегкое время отказаться от него, и восстановительный период поступить в распоряжение полковника Клара Бенца из инженерных войск. Ему нужны руки и толковые головы, а по вашей характеристике, Ганс, и по вашей, Йежи, вы склонны к точным наукам. В течение одного месяца я постараюсь собрать максимальное число данных на вас, Йежи. И если вы честный солдат, оправдать вас и представить к награде. Остатки вашей роты, Ганс, будут с вами и прибывать к вам по мере выздоровления, также вам будут представлены новобранцы для формирования новой роты. Ну как, вы согласны?

Я не знаю, как у Ганса, а, судя по всему, у меня выбора не было, я был привязан к решению Ганса, и, видимо, он будет наблюдать за мной, и от результатов его наблюдений зависела моя судьба.

– Я бы, конечно, хотел хоть на недельку поехать домой, но раз родине нужно, то я согласен, – сказал Ганс.

– Я согласен и постараюсь оправдать ваше доверие, господин офицер, – сказал я.

– Да, Йежи, если вдруг память будет возвращаться, вы должны будете сразу мне сообщить. После выписки вы должны прийти ко мне за документами, и я направлю вас в инженерные войска. Честь имею.

Штраус вскинул руку и, повернувшись, ушел из палаты.

– Вот так-так, значит, ты можешь быть потенциальным

шпионом, Йежи?

– Выходит, что могу.

– Ну нет, этого быть не может, не верю я. Ты настоящий офицер, выправка и стать. Если бы ты не был поляком, я бы точно сказал, что ты истинный ариец.

– Спасибо тебе, Ганс. Но время военное, все друг друга подозревают.

По-хорошему, я ведь и действительно не был шпионом на этой войне, мало того, единственным моим текущим желанием было выбраться отсюда как можно скорей. Правда, я не представлял пока что, как мне это сделать. Все-таки упасть было проще, чем взлететь, а линза находилась достаточно высоко над землей. Может, найти более-менее высокое здание и попробовать перейти по лестнице? В общем, пока что я не знал, как вернуться, но я этого хотел. Это не была моя война, это была война моих дедов, и я соперничал, но участвовать в ней в качестве российского, а тем более немецкого офицера я не хотел и не мог. А оказать помощь тут я точно не мог, да и, по-честному, я понимал, что я не имел на это морального права.

– И что мы будем делать в этих инженерных войсках, хотелось бы мне знать? Крутить болты и гайки? – спросил меня Ганс.

– А я откуда знаю? Видимо, да.

– Ну да ладно, Йежи, ты лежи, а я скажу ребятам, что у нас сегодня к празднику еще и повод образовался – новые

погоны и серебряный крест.

– О да, господин гауптман, я теперь-то ниже вас по званию, – вскинул я руку, отдавая честь Гансу. Он заулыбался и сказал:

– Отец будет доволен, за год службы такое повышение. Обязательно ему отпишу, и нужно найти фотомастерскую и отправить ему фото.

Ганс ушел хвастаться, а меня накрыло. Волна напряжения спала, и вместе с ней ушел адреналин. Но сердце все еще продолжало колотиться, стараясь пробить грудную клетку насквозь. Давление зашкаливало, а голова, которая только-только начала приходить в себя, опять закружилась. Я лег на спину, посмотрел на индикаторы своего состояния, которые гласили о том, что мое состояние совсем не лучшее для того, чтобы выздоравливать. И сканер уже на всю свою мощность вырабатывал успокоительные средства, чтобы снять мое избыточное давление и нервное напряжение. В итоге ему это удалось, и я провалился в глубокий сон.

Разбудила меня Лейтхен с очередным уколом. Видимо, я проспал ужин, Ганс меня будить не стал, так как считал больничный ужин ошибкой перед настоящей едой. Открыв глаза, я увидел улыбку Лейтхен и непроизвольно обнял ее рукой за талию и даже чуть ниже. Я сделал это настолько привычно и спокойно, что она даже не сразу сообразила, что происходит. Как, в общем-то, и я спросонья не успел понять, где я нахожусь и что я делаю. Неловкое мгновение продлилось не

больше секунды, я убрал руку, а Лейтхен сделала шаг назад, покраснев до кончиков волос. Ганс лежал на животе и не видел этого мгновения. И Лейтхен решила не высказывать мне ничего при Гансе. Она сурово погрозила мне пальцем и показала им же, чтобы я повернулся для укола. Я же, переборов хрипоту в горле, спросил:

– А там опять будет снотворное?

– Нет, я решила пойти вам навстречу, к тому же у Ганса сегодня действительно праздник, даже доктор вам разрешил сегодня немного покутить. Только он строго сказал не курить и не шуметь, а то господа офицеры будут переведены в общую палату несмотря ни на что.

Ганс, который все еще лежал на животе лицом в подушку, прохрипел:

– Мы будем тише воды, ниже травы.

Лейтхен улыбнулась и сказала: «Ну, не подведите меня, на кону мое честное слово. Я приду через час».

Как только ушла Лейтхен, Ганс встал и ушел, а я остался лежать, приводя свои мысли в порядок. Это было очень непросто, так как, возможно, в результате контузии, а может, потому что цепь событий, плотно сжатая в последних днях, полностью вытрепала мою нервную систему. В моей голове была каша, мысли цеплялись одна за другую и не хотели выстраиваться в какой-то ряд. Самым большим моим желанием было сбежать отсюда как можно быстрее. Причем куда угодно, хоть в Радужное, хоть в Техно, хоть в Гаремы. Мне

было все равно, главное – убежать из этого мира, где идет эта проклятая война, где меня разрывало двойственное чувство, а может, даже и больше. Это была не моя война, но это была война моих отцов. Я понимал, насколько я бесполезен в этой войне в глобальном смысле, да и в локальном от меня может быть вреда существенно больше, чем пользы. Знание немецкого языка мне сейчас сослужило и добрую, и злую службу. Добрую – в том, что я остался жив, а злую – в том, что я надолго залип в немецком плену и совершенно не представлял, как мне отсюда выбраться. К тому же я встретил тут женщину, как две капли воды похожую на Лейлу, и теперь я чувствовал ревность и чувство полной беспомощности. Еще страху и новых мыслей добавил господин Штраус своей прямо-таки отеческой заботой о немецких офицерах.

Попытку разобраться в каше из моих мыслей прервала открывающаяся дверь, в которую вошел абсолютно счастливый Ганс. Он принес два мешка, за ним пришло двое солдат из его команды, которые несли тумбочки. Они быстро вошли в палату и начали орудовать слаженно и четко. Составили вместе тумбочки, сдвинули кровати и принесли еще стулья. Ганс занимался сервировкой импровизированного стола с тем же видом, с которым с утра сегодня ел ветчину. Он делал все неторопливо и в состоянии глубокого медитативного погружения. Каждый продукт, извлекаемый из вещевого мешка, он внимательно рассматривал, так, как будто видел все в первый раз в жизни, и выкладывал на стол.

– Пойдем, Вольв, – сказал один из солдат, – господина гауптмана пока нельзя отвлекать. Иначе не избежать нам гауптвахты.

– Да уж, Геррард, отвлекать Ганса, когда он сервирует стол, не имеют права даже русские во время артобстрела, – оба солдата тихонько засмеялись, видимо, зная эту особенность Ганса, и удалились из палаты. А Ганс действительно был в состоянии глубокой медитации, он реально творил какой-то магический обряд, который был известен лишь ему одному. Он разложил продукты, и достал бутылки, и сейчас открывал консервы за консервами, нарезая содержимое идеально ровными кусочками, выкладывая на тарелках, которые он принес с собой. Я просто не мог поверить своим глазам: на одной из тарелок Ганс из ветчины выложил настоящее произведение искусства. Если смотреть сверху, это напоминало какой-то мистический цветок. Прямо как чаша у Данилы-мастера, но только не из камня, а из ветчины. Дальше он сделал еще одно произведение из сыра, потом он продолжил свое творчество, открывая банки и расставляя рюмки. Несмотря на всю любовь Ганса к свиньям, он был прирожденный ресторатор, он сейчас совершил невозможное – он накрыл шикарный стол из самых простых продуктов обычного солдатского военного пайка. Да, это был интернациональный паек, собранный и выменянный по всей больнице. Но я был уверен, что, если бы у Ганса в распоряжении была бы только тушенка и черный хлеб, стол бы выглядел ни-

чуть не хуже, чем сейчас. Шесть больничных прикроватных тумбочек сейчас напоминали мне стол перед новым годом, и в палате повисло чувство праздника. Не хватало только бутылки шампанского, но стоило мне так подумать, как Ганс достал из мешка бутылку в форме советского шампанского и установил ее прямо в центр стола. Увидев мой восхищенный взгляд, он сказал:

– Нет, это не шампанское, это обычная яблочная шипучка, и то пришлось потрудиться, чтобы ее найти. Но не можем же мы Лейтхен оставить без напитка.

– Я восхищен, Ганс! Я просто поражен, ты истинный ресторатор, тебе нужно открыть свой ресторан. Ты реально художник.

Ганс смутился от моего комплимента, ему было очень приятно.

– Ты правда так считаешь?

– Накрыть такой вот стол! Это просто чудо, это произведение искусства, я поражен до глубины души.

– Да тут нет моей заслуги, все продукты достали ребята, я всего лишь расставил их на столе, ну, и красиво порезал.

– Да, твои ребята тоже, конечно, молодцы, но я говорю именно про сервировку стола, как ты это сделал. Ты вот даже хлеб нарезал так, что очень жалко теперь брать его с тарелки, так как он нарушит целостность этой картинки.

– Ну, будет тебе меня захваливать, пошел я ребят звать, а ты пока ничего не трогай.

Трогать что-то с этого стола казалось мне кощунством, был бы у меня сейчас фотоаппарат, я бы заснял это и выложил в «Инстаграм», все лайки были бы мои.

Вернулся Ганс с ребятами, и все сели вокруг стола, так же, как и я, глядя на стол в немом восхищении искусством Ганса.

– Ну вот что ты наделал, Ганс? – сказал Геррард. – Теперь этот стол можно только смотреть, трогать его руками совершенно невозможно. Предлагаю поставить охрану и переправить этот стол из тумбочек в центр Парижа в Лувр, там ему самое место.

– Да что в Лувр, – подхватил другой солдат, имя которого я еще не знал. – Этому столу самое место в Берлинском музее, в самой главной галерее.

– Да, но так хочется кушать, что, боюсь, придется все-таки пожертвовать этим произведением искусства в угоду нашим непотребным мужским желудкам, – сказал Август, и все засмеялись.

– Тихо, господа, тихо, – сказал Ганс. – Я думаю, в Лувре и Берлинском музее шедевры существенно ценней этого скромного стола, и человечество не потеряет много, к тому же я запросто могу это повторить!

– Повторить это? Ну нет, это произведение уникально, как и набор продуктов, который лег в основу этого произведения, я боюсь, что повторить не получится. Но тебе нужно, Ганс, открыть свой ресторан, а не ферму, как ты мечтаешь. Ну или открыть ферму и ресторан вместе. В тебе действи-

тельно талант ресторатора, я завидую твоим свиньям, как же ты их кормишь, – сказал Геррард. И в палате опять раздался добрый мужской смех.

В палату постучали, и дверь тихонько открылась, и вошла Лейтхен. Все мужчины смолкли. А Лейтхен вошла и с порога заявила:

– Дорогие мужчины, я вас очень прошу не ржать так громко, а то вся больница трясется, боюсь, окна могут вылететь.

Шутка Лейтхен была воспринята правильно, все смеялись, но делали это как можно тише.

Она зашла в палату, увидела наш импровизированный стол и ахнула:

– О, как у вас тут красиво, прямо как Рождество, где же вы все это достали?

– Да, милая Лейтхен, тут и нет ничего такого уж редкого, это просто наш Ганс, он художественно накрыл стол из того, что у нас было в пайках.

– Ах, милый Ганс, вы истинный художник.

– Спасибо вам, милая Лейтхен, но, право же, не стоит. Как вы относитесь к яблочной шипучке?

– Ой, господа, алкоголь – это не мое, но стаканчик я пригублю в честь такого праздника.

Слова Лейтхен прозвучали как стартовый пистолет. Она присела слева от меня на кровати, и множество мужских рук в одну секунду изуродовало произведение искусства, созданное Гансом, Мне дали тарелку и налили рюмку коньяку, от-

крыли сидр, который даже шлепнул как настоящее шампанское. И налили в кружку Лейтхен. И Ганс встал, чтобы произнести тост:

– Милые мои ребята, я так рад, что вы тут живые, и я не хочу сейчас пить за мое звание или за награды, которые мы честно заслужили, а я хочу выпить за наших павших друзей на этой проклятой земле. Помянуть их и пожелать им светлых чертогов Валгаллы, так как пали они все с оружием в руках. Ну, или Райских кущ, кому как по вере его положено. Вспомним их, всех наших друзей, и выпьем.

Он выпил рюмку, и все выпили вслед за ним. Я тоже опрокинул налитую мне рюмку, восхитившись вкусу коньяка. Коньяк был отменным и вкусным. В течение следующих пяти минут за столом была тишина, все кушали и, видимо, действительно вспоминали павших друзей. А я боролся с внутренним диссонансом, который сейчас меня просто разрывал на части. Я чувствовал горечь потерь этих солдат, которая была ничуть не меньшей, чем горечь солдат потерь той же Маруси в партизанском отряде. У каждого из сидящих за этим столом война отобрала близких людей. Даже у меня была такая потеря, Петр, с которым я только вроде как успел познакомиться, но успел подружиться, погиб на моих глазах, запечатлев картинку своей гибели в моей голове на всю мою оставшуюся жизнь. Может, где-то там, в лесу, сейчас сидят Гриша и Феодосий и выпивают около костра за упокой моей души, так же вот поднимая, не чокаясь, солдатские кружки.

Как же тяжело, оказывается, может быть разведчикам, которые глубоко законспирированы во вражеский тыл и видят эту войну с обеих сторон.

За столом начались воспоминания и солдатские разговоры.

– Ганс, а помнишь, как мы брали то орудие? – где-то после третьей рюмки, уже чуть-чуть повеселев, вспоминал Геррард.

– Да уж, эти русские дерутся, что черти, – начал вспоминать Ганс. – Ты представляешь, Йежи, мы практически разворотили весь их укрепрайон, живого места не оставили. А одно орудие продолжало стрелять, мы пошли за танками и, представляешь, там медсестра с орудия работала, мы глазам своим не поверили, когда взяли уже ее. Женщина на орудии, а кругом трупы. Она одна три танка из строя вывела. Нас тогда это сильно расстроило, прямо очень.

– Да, – продолжил Геррард, – мы тогда, помню, шнапсу много выпили, это наша, считай, первая серьезная атака и была. Мы тогда пятерых потеряли. Гензеля, Гранда, друзья мои. Давайте за них выпьем. – Ребята еще выпили и еще погрустили. Видимо, Ганс решил, что хватит грустить, и сказал:

– Ребята, я, кстати, на всех вас представление написал, чтобы вам звание подняли и железный крест 1 степени. Мы сейчас в инженерные войска в тыл для восстановления отправляемся, нам всех новобранцев дадут, все вы теперь ко-

мандиры отделений.

Сказанное Гансом сработало, все заулыбались, все-таки повышение по службе грело душу, и дальше опять выпивали и закусывали.

Я старался сидеть тихо, и выпивать коньяк вместе со всеми, и изображать, что я тоже немного пьян. И, в общем-то, мне это почти удавалось сделать, только для всех, кроме Лейтхен, от ее взгляда не укрылось то, что я пью коньяк совсем маленькими глотками ради вкуса, а не ради того, чтобы выпить. И, видимо, мой взгляд был абсолютно трезвым, в то время как у Ганса и солдат глаза уже были совсем пьянящие. Она наклонилась и попросила:

– Йежи, вы не проводите меня?

– Конечно.

– Господа мои любимые офицеры, я, с вашего разрешения, уже пойду, прошу вас не шуметь, а Йежи проводит меня до моего домика, – сказала Лейтхен.

Ганс поднял на меня глаза и сказал наполовину в шутку, наполовину всерьез:

– Я отделаю тебя на черенках за нее, Йежи, ох отделаю, – но возражений на то, чтобы именно я проводил Лейтхен домой, ни у кого не возникло.

Мы вышли с Лейтхен из палаты, аккуратно прикрыв за собой дверь, и пошли к выходу из больницы. Она осторожно взяла меня под руку, и мы шли весенним майским вечером по больничному дворику. Она грустно вздохнула и сказала:

– Когда-то мы вот так гуляли с моим Фредом по Дрездену, два года назад, было так хорошо. Война шла где-то так далеко, и с фронтов шли только приятные новости, и у нас было столько планов на жизнь. А где он сейчас, мой милый Фред, я так боюсь за него. – Я хотел бы, конечно, утешить Лейтхен словами, что все будет хорошо и Фред обязательно вернется, но у меня язык не поворачивался сказать ей про это. Но Лейтхен и не нужны были мои ответы, она просто хотела сейчас говорить под влиянием выпитого сидра.

– Я все время не могу избавиться от ощущения, что я знаю Вас, Йежи. Что мы где-то встречались, ваше лицо такое теплое и знакомое, я все копаюсь и копаюсь у себя в голове и не могу Вас вспомнить. Скажите мне, Йежи, мы встречались с вами раньше?

– Нет, Лейтхен, мы не встречались, я бы точно Вас запомнил и никогда бы не смог забыть, – сказал я правду и не совсем правду. Я встречался с Лейлой, совсем в другой вселенной, можно сказать, совсем в другом мире. Как странно, что она тут помнит обо мне. У меня в голове что-то все время щелкало от попыток понять всю эту многомерную или многомирную ситуацию.

– А я вот помню о Вас, может быть, в прошлой жизни мы с Вами встречались? Вы верите в прошлые жизни?

– Мне очень теперь сложно сказать, во что точно верю, а во что не верю. После всего того, что я видел. Но я бы не хотел сейчас вам рассказывать все это.

– Да, вы правы, уже очень поздно, и вам нужно ложиться спать. Вы и так сегодня нарушили режим, главное, чтобы это теперь не превратилось в правило, а то мне так попадет от доктора. Все, вот я и пришла, вот тут я и живу, – в конце больничного двора был деревянный двухэтажный домик, в котором, видимо, было что-то вроде квартир или общежития. Сейчас, в серой мгле, я не мог понять какого, он цвета, и в половине окон уже не горел свет. Наступила такая неловкая пауза, когда парень проводил девушку и не знает, что делать дальше. То ли поцеловать ее, то ли уйти молча. Она была замужем и только что рассказывала мне про него, и вопрос с поцелуем сейчас бы выглядел очень глупо. Но что-то держало нас вместе и не давало вот так просто отпустить ее руку. Я стоял и ругал себя за это. Ну какого хрена я вообще пошел ее провожать? Я тут временный гость, не потащу же я ее с собой? Элронд меня точно убьет, если я из этого путешествия тоже вернусь с женщиной. Пусть даже как две капли воды похожей на Лейлу. Он точно меня убьет, и Лейла меня убьет, в общем, что я творю?

Я аккуратно снял руку Лейтхен со своего плеча и, вежливо поклонившись головой, сказал:

– Милая Лейтхен, было очень приятно проводить Вас, до завтра, – видимо, у Лейтхен тоже в голове шла какая-то тяжелая работа, так как после моих слов она облегченно вздохнула и, повернувшись, ушла в дом. Я же со своими грустными мыслями пошел обратно в больницу.

Было очень тихо, полная луна светила ярко, и я хорошо видел дорогу и светящиеся фонари больницы, я глянул вторым зрением в Родное, но не увидел разницы, так как небо и там, и тут было одинаковым. И я просто не видел краев линзы в темном небе, но я точно знал, что она там есть.

Глава 8. Выписка

Утро следующего дня для меня было легким и спокойным, но, видимо, очень непростым и тяжелым для Ганса. Все-таки они вчера хорошо посидели, когда я вернулся в палату, после того как проводил Лейтхен. Они уже были максимально теплыми и допивали последнюю бутылку шнапса. Но, допив его, они, видимо, не разошлись, и сейчас вот, когда Лейтхен принесла очередные уколы, Гансу явно было очень тяжело. Лейтхен, войдя в палату, поморщилась от запаха и сказала:

– Фу. Как тут у вас нехорошо пахнет, обязательно откройте окна и проветрите. На улице дождик, и в палате станет свежо и хорошо.

На улице был не дождик, как мило сказала Лейтхен, а настоящий майский ливень с грозой. Но смрад в палате действительно стоял значительный, и проветрить до прихода доктора было нужно. Я встал и открыл окно, сразу после того как Лейтхен поставила мне укол. В лицо мне пахнуло почти уже летним воздухом, запахом озона и свежего мокрого воздуха. Я вдохнул полной грудью этот замечательный воздух, который был лечебным сам по себе.

Ганс поморщился, лежа на своей кровати, держа обеими руками голову.

– Бог мой, что же оно там так гремит.

– Крепись, Ганс, это утро.

– Какой-то ты подозрительно свежий, Йежи, ты же вроде вчера пил с нами наравне, как так, что ты такой вот бодрый?

– А я не мешал коньяк со шнапсом, да и не оставили вы мне такой возможности.

– А, да, ты ведь ходил провожать Лейтхен, ты мне еще за это ответишь, – сказал он совершенно беззлобно, но с вызовом.

– Лежи уж, Ганс, сегодня погода нас не выпустит на улицу, так что поединок переносим на попозже.

– Ну смотри у меня. Нужно обязательно что-то съесть, хоть эту английскую бурду, иначе будет плохо.

– Ну, скоро Роза принесет завтрак, и покушаем.

Дни в больнице шли достаточно скучно и однообразно. Сегодняшний день не был исключением, пришел доктор, осмотрел нас. В очередной раз удивился моему быстрому выздоровлению. Потом обед, потом небольшая прогулка под дождем. Потом сон, ужин, укол. И опять сон. И следующий день повторился с точностью до запятой и эмоций врача. Который только добавил, что долго мы уже не будем занимать эту палату, так как идет эшелон с фронта, и в течение трех дней нас должны выписать.

На следующий день мы все-таки сошлись на черенках с Гансом. В общем-то, мое умение сражаться на копьях мне сильно помогло, но особенность сражения на черенках было в том, что так или иначе атака заканчивалась синяком или

у одного из противников, но чаще всего у обоих. В этом виде сражения не было задачи убить противника и даже покалечить его, задача была провести атаку и нанести краем черенка удар, ощутимый, но не травмирующий. Я в этом виде поединка оказался совершенно не подготовлен, и моя грудь и плечи покрылись парой десятков круглых синяков. Конечно, я не остался в долгу и отплатил Гансу тем же, но все-таки это был действительно дружеский поединок, где противники не планировали вредить друг другу. И Геррард засчитал победу Гансу со счетом 21 к 18, мы, пожав друг другу руки, собирались уже разойтись. Как вдруг мы увидели Лейтхен, которая бежала бегом из госпиталя в сторону своего дома с криком, точнее, плачем.

Мы с недоумением переглянулись и пошли в сторону госпиталя разбираться, что произошло. Навстречу нам вышел Доктор, который сверкнул на нас стеклами своих базиков и грозно спросил:

– Что вы там делали господа?

Мы шли разгоряченные поединком, в руках у нас были те самые черенки, которыми мы только что сражались. В общем, вид у нас был совсем не больничной, да и оголенные торсы, синяки на которых хоть еще и не образовались, но вполне себе были заметны, тоже красочно рассказывали, чем мы были заняты.

– Да мы это, гер доктор, просто разминались. Сил уже нет лежать.

– Ну, раз нет сил, значит, завтра и пойдете на выписку.

– Что случилось с Лейтхен?

– Да что-что, похоронка пришла на Фреда, мужа ее. Вот что случилось, война, господа офицеры. А вы тут палками деретесь.

Мрачная тень разом накрыла, как мне показалось, всю больницу. Я прямо физически почувствовал острую боль, которую сейчас чувствует Лейтхен. И все улыбки, и веселое настроение прошли махом. Мы вернулись с Гансом в палату.

– Как же ее жалко, Йежи, она так старалась, так работала, свято верила, что он там будет жить, пока она тут приносит себя в жертву. А оно вот оно как.

– Да уж, хочешь насмешить бога – расскажи ему о своих планах, – ответил я задумчиво.

Из грустных мыслей меня вывел посыльный, который принес мне новую форму, документы и офицерский паек. Форма была идеально выглажена и очень аккуратно сложена в бумажный пакет. Паек состоял из 5 банок различных консервов, буханки хлеба и даже небольшой бутылочки шнапса. Гансу тоже принесли паек. И, наверное, если бы не новость о Лейтхен, он бы уже организовал новый пир. Но сейчас он просто убрал все в тумбочку и лег на кровать. Так поступил и я. В обед уколы делала другая сестра, имя которой я не знал. А через какое-то время пришла Роза и принесла обед.

В обед я открыл одну из консервов из моего пайка и поделился с Гансом, он с благодарностью принял, и мы добавили

к обеду бутерброды с тушеным мясом.

Потом пришел доктор и сказал, что завтра мы должны покинуть госпиталь вместе с тремя солдатами и отправиться к оберштурмбаннфюреру для получения предписания по прохождению дальнейшей службы. Остальные солдаты будут выписаны в течение одной-двух недель, придут в часть позже.

Уже ночью, после ужина ко мне пришла Лейтхен. Я проснулся от того, что кто-то трясет меня за плечо. Открыв глаза, я увидел ее. У нее были страшные глаза, окруженные синяками, волосы разметались по всему лицу. Лицо, видимо, было соленым и липким от слез, так как локоны ее белокурых волос прилипли к щекам.

– Что тебе, Лейтхен? – шепотом сказал я.

– Йежи, у тебя есть выпить?

– Да, – сказал я, вспомнив о бутылочке шнапса, которую выдали мне вместе с пайком.

– Угости меня, пожалуйста, мне так плохо.

Я достал бутылку из тумбочки, взял шоколадку и стакан и вышел из палаты вместе с Лейтхен.

Она, всхлипывая, сказала:

– Я не знаю, куда мне идти, почему-то решила прийти к тебе. Ты можешь составить мне компанию? Побывать со мной этой ночью? Иначе я боюсь, что сделаю с собой что-то нехорошее.

– Конечно, без вопросов, – ответил я, и мы пошли с ней

во двор госпиталя.

– Ты представляешь, Йежи, я дала себе обет, я работала без отдыха, а он все равно погиб, мой бедный Фред. Моя душа. Что мне делать теперь, Йежи?

– Я не знаю, Лейтхен, не знаю. Это война, гибнут люди, и с этим ничего не сделаешь.

Мы прошли до лавочки, была уже совсем по-летнему теплая ночь, которая, могла стать очень романтической и интересной. Но обстоятельства места и времени, в котором сейчас все это происходило, были обратными романтическому настроению.

– Налей мне выпить, Йежи, – попросила Лейтхен, я открыл бутылку, поставил кружки и плеснул на полтора пальца шнапсу, открыв шоколадку. Лейтхен взяла кружку и молча залпом опустошила ее. С непривычки у нее сперло дыхание и на глазах выступили слезы. Она закрыла рот рукой, пытаюсь удержать выпитый шнапс внутри и не дать ему выплеснуться наружу. Я отломил кубик шоколадки и дал Лейтхен.

– На, заешь.

Лейтхен взяла в рот шоколадку, и через какое-то время, видимо, ей стало легче. Я не торопился пить свой шнапс, так как мне не нравился этот алкогольный напиток по вкусу, а другого смысла употребления алкоголя в моем случае не было. Но я держал в руке, свою кружку в готовности выпить при необходимости. Лейтхен отдышалась и уткнулась в мое плечо, всхлипывая:

– Ты понимаешь, Йежи, мы ведь с Фредом с самого детства были вместе. Мы росли на одной улице, ходили в одну школу, сидели за одной партой. Наши родители дружили, и когда он сделал мне предложение, у меня и в мыслях не было сказать «нет». Мы любили друг друга, может быть, не как парень и девушка, может быть, как друзья, но как настоящие друзья. Мы знали друг о друге, все, ну, или почти все, что могут знать юноша о девушке, а девушка о юноше в этом возрасте. У нас было столько планов. Родители подарили нам на свадьбу квартиру. Фред мечтал купить машину и уже копил. Мы собирались родить ребеночка. И тут эта война, и он вдруг решил, что ему нужно на фронт. Что долг его – встать на защиту Рейха и все такое. Ну вот какой долг? Кому он был должен, чтобы потерять свою жизнь? А я вот тоже решила, что должна, что должна лечить раненых солдат, пока мой Фред сражается на передовой. И что теперь? Его нет. Кому я теперь что-то должна? Кому стало лучше от его смерти?

– Да, Лейтхен, это очень непростой и тяжелый вопрос... – но мои ответы были не нужны Лейтхен, она закрыла мой рот своей ладошкой, не желая меня слушать. И продолжила свое бормотание, рассказ:

– А у нас такая квартира в Дрездене, вид на соборную площадь, в старом доме. Это ведь чудо, моя подруги уже начали дарить мне вещи, они так ждали, что я забеременею. А я боялась так быстро беременеть, хотела пожить какое-то вре-

мя для себя, для Фреда. А уже потом родить ребеночка. А теперь я вот жалею, какая же я была дура! Так бы у меня сейчас хоть была бы частичка его в виде ребенка. Уж я бы и одна его подняла, а теперь что? Сейчас мужчин гибнет очень много на двух фронтах, и девушке выйти замуж будет в два раза, а может, и больше чем в два выйти замуж. Кому я теперь нужна? Вот кому?

– Да ты всем нужна, ты умница, красавица, смотри, сколько у тебя поклонников.

– Ах, оставьте, это голодные до плотской любви солдаты, которых завтра опять отправят на фронт, не нужна им любовь, они не в состоянии сейчас ее испытывать. Налейте мне еще.

Я протянул Лейтхен свою кружку.

– А вы?

– Если ты не возражаешь, Лейтхен, то я воздержусь.

– Мне все равно, мне нужно просто, чтобы меня кто-то выслушал, – и она опять осушила залпом кружку до дна и потеряла дыхание, но уже существенно быстрее восстановилась и заела шоколадкой сама.

– Кому нужна эта проклятая война? Кому нужны эти проклятые русские? Да и вся эта проклятая Европа, будь она неладна? Почему мы, немцы, все время хотим сделать счастливым весь мир? Почему нам не живется спокойно в нашей Германии? Вот зачем этот сумасшедший фюрер полез, куда его не просили? Вот помяните мои слова, Йежи, нас, немцев,

в итоге сделают виноватыми за все грехи Европы за последние 50 лет. Абсолютно за все, никто не вспомнит политических и экономических причин, о которых так много писали перед войной, а все будут говорить, что мы оголтелые фанатики, которые ненавидят весь мир. И этот самый мир будет плевать на могилы погибших немецких солдат и на могилу моего Фреда... – Лейтхен не вынесла остроты собственных слов и, уткнувшись в мое плечо, зарыдала. Я был поражен ее словами, Лейтхен не производила впечатление сильной, умной и начитанной женщины. Но сейчас ее слова прямо звучали как слова пророка, ведь так оно и будет, ровно так, как она сказала. А у меня появился интерес изучить газеты, о которых она помянула. Какие именно предпосылки о войне, о которых так все говорили. Мы ведь действительно считали немцев оголтелыми фанатиками с большим фюрером во главе.

Я чувствовал, как горячие слезы Лейтхен текут по моему плечу. Они прямо-таки обжигали меня. Я обнял ее за плечо и понимал, что сейчас я максимум, что могу сделать, это как раз и подставить это плечо под эти самые горячие слезы. Но то, что произошло дальше, выбило меня из колеи и ошарашило.

Она отстранилась от плеча, и взглянула на меня внимательно, и спросила:

– Скажи мне, Йежи, я красивая?

– Да, очень, красивей тебя нет женщины на этом свете, –

сказал я, чуть не сказав «человеческой».

– Поцелуй меня, – в приказном тоне сказала она.

– Как это? – я не успел возразить. Она вдруг вскочила, села на мои колени лицом ко мне и, подняв мою голову вверх своими руками, она буквально вонзила свои губы в мои. Я не смог удержаться и ответил на ее поцелуй, и мой член начал свое движение на встречу Лейтхен. Я сто раз пожалел, что не надел, выходя на улицу, форменные брюки, так у меня был бы хоть малейший шанс на сопротивление. Но я был в больничном халате на голое тело, и сейчас все, что чувствует мужчина к женщине, было на самой поверхности. К слову сказать, на Лейтхен был плащ-дождевик, и что было под ним, я даже не мог себе представить. Но когда она закончила свой поцелуй и вдруг оказалась уже сидящей на моем члене, я понял, что не так уж и много.

– Скажи, Йежи, я достойна того, чтобы меня любить?

«Да, Лейтхен» – «Я красивая?» – «Да, Лейтхен» – «Я желанная?» – «Да»

Она начала движения вверх и вниз, глядя на меня в темноте. Она сейчас была похожа на суккуба или ночную фурию. Во мне была смесь желания, страха и даже какого-то первобытного ужаса. Я не мог себе представить, что таким образом может закончиться этот вечер, но он закончился именно так. И я кончил, а точнее, я взорвался. Другим словом я не мог назвать то, что произошло. Пожалуй, даже эльфийка Элиза не могла вызвать такого чувства и взрыва. Лейтхен

почувствовала мое извержение и, видимо, тоже ощутила какой-то невероятный оргазм. Так как ее тело забилося в конвульсиях, которые продолжались около минуты, и она обессиленно упала на мою грудь. Я обнял ее за плечи, но она раздраженно повела ими, и я убрал руки. Что было делать дальше, я не имел ни малейшего представления. Мне стало стыдно, что я не смог удержаться, да, Лейтхен очень похожа на Лейлу, но она ведь не она. Я в другом мире, в другой вселенной, в другом времени. И прошло-то всего ничего времени, а я уже с другой.

Лейтхен встала с меня. И, ни слова не говоря, ушла в темноту по дорожке, ведущей на выход из госпиталя. Я было рванул за ней, но она жестом руки показала, чтобы я этого не делал. Видимо, она получила то, что хотела, и я уже был не нужен. Такое отношение Лейтхен ко мне добавило в бурный компот моих чувств еще и обиду.

Я вернулся в палату, убрал в тумбочку открытую бутылку шнапса и шоколадку со стаканами и лег спать. Я дал жесткое указание сканеру сгенерить мне ударную дозу снотворного, так как понимал, что уснуть сейчас сам я буду не в состоянии. На коммуникаторе выскочила куча предупреждений о возможном вреде для моей нервной системы, но я их все отклонил. И сканер заработал...

Я проснулся от того, что в мою ягодицу воткнули иглу шприца. Пожалуй, если можно проснуться более неприятно, чем от хриплых труб в Гаремах, так это от того, что в твою

попу воткнули иглу, не спросив твоего разрешения. Я дернулся, открыв глаза от боли. Но Роза уже закончила введение лекарства и вынула иглу, прижав ватный тампон со спиртом.

– Это вам на прощание от доктора Гезельмана, в подарок коктейль из витаминов, – произнесла она в шутку. Все-таки доктор был евреем. Я повернулся на спину и спросил:

– А где Лейтхен?

– Доктор дал ей трехдневный отпуск, но ее со вчерашнего вечера никто не видел, – ответила на мой вопрос Роза. – «Вы давайте освобождайте палату побыстрее. Нечего вам тут больше делать, с фронта пришел состав с ранеными для размещения, сейчас в эту палату еще 4 кровати будут добавлены и положены больные. Ваши выписки лежат на посту, спешка ужасная просто началась. Вы не узнаете наш мирный госпиталь, доктор уже думает ставить кровати во дворе, пока хорошая погода, и переводить туда часть больных, которые идут на поправку. Вы вчера паек получили, так что с больничного довольствия вас сняли.

Я не был спец по больницам и госпиталям, но, видимо, такая вот скорая выписка – это было совсем не нормой. Мы оделись с Гансом в форму и пошли получать документы. Документов было всего лишь картонная карточка с номерами и фамилией, на которой было описано ранение и даты нахождения в больнице.

«Обер-лейтенант Ковальский. Тяжелая контузия. 1.05.1942 по 12.05.1945». То есть в больнице я провел 12

суток, был выписан.

Солдаты Ганса тоже были в новой или просто хорошо выстиранной форме, уже с железным крестом и новыми нашивками. Как, в общем-то, и сам Ганс уже был в форме гауптмана с железным крестом 2 степени. В форме он выглядел как настоящий немецкий офицер из фильмов про войну. Мне показалось, что он стал выше и существенно серьезней. Это был уже не тот рубаха-парень, который в течение всех дней, когда я был в сознании, рассказывал мне про свиней и будущую счастливую жизнь.

Ганс подошел ко мне и сказал:

– Обер-лейтенант Йежи. Приказом оберштурмбаннфюрера СС Штрауса Фальштейна вы назначены взводным в моей роте. Сейчас мы должны дойти до его штаба и получить предписания, – отчеканил он официальным тоном, но, закончив официально, он перешел на более мягкий тон. – В общем, мы теперь вроде как сослуживцы, мне сказано следить за тобой, но я надеюсь, что мне этого не понадобится делать, память к тебе вернется, и мы продолжим службу вместе.

– Я уверен, что следить за мной не придется, и рад тому факту, что мы будем служить вместе, – откровенно соврал я по обоим вопросам. Мне совсем не нравилось, что ко мне приставили надсмотрщика в виде немецкого офицера, и совсем не нравился факт того, что мне нужно было служить в немецкой армии. Я все время думал и искал повод, как вернуться в Родное, и понимал, что при первой же возможности

я им воспользуюсь. Хотя компания Ганса и трех его солдат была не самой плохой в текущей ситуации.

Мы пошли в комендатуру, где получили документы и направления. У немцев все было четко и правильно. Вплоть до отправления поезда, на котором мы должны были поехать в Люблин. И даже пометка, что из-за военного времени поезда ходят с увеличенными интервалами, потому что расписание редактируется по ходу и коридор прибытия в Люблин – от суток до трех. Если нас задержат в пути больше, мы должны продлить наш лист и получить паек на определенных станциях.

Все-таки мне несказанно повезло, что моя легенда совпала и некий Йежи действительно существовал и был в этом районе. Может, конечно, и совпало, а может, опять Элронд все это видел и отправил меня именно в это место и в это время со своей хитрой ухмылкой. Я вспомнил, как он задумался на несколько секунд перед фразой типа: «А сходи, тебе это полезно будет». Вполне возможно, он тогда и смотрел вариант развития моего будущего, и отправил он меня ведь к Коляну, именно в Будищи, и именно в доме Коляна жил Гендель во время войны. Что же у него за голова-то, у этого эльфа?

До отправления поезда оставалось около двух часов, и я очень хотел увидеться и попрощаться с Лейтхен. И предложил это Гансу:

– Ганс, а давай вернемся в госпиталь и узнаем, как дела

у Лейтхен.

– А ты думаешь, ей сейчас до нас?

– Ну давай прогуляемся. Все равно ведь делать нечего.

– Ты влюбился в нее, Йежи?

– Ну а хоть бы и так? Я просто за нее переживаю.

– Ну хорошо, давай прогуляемся, но у нас нет времени на ваше любовное мурлыканье. Я тебе просто советую сейчас дойти до больницы, и взять у Розы ее координаты, и написать ей по почте, в любом случае, у тебя не будет сейчас возможности для романа, пока ты добьешься от нее хоть что-то, уже и война закончится.

Видимо, Ганс вчера действительно спал и не видел, что мы с ней уходили, а главное, он не видел, с каким лицом я вернулся. Но, конечно, он был прав, для чего я сейчас шел обратно в госпиталь, я не мог ответить даже самому себе. На что я надеялся и чего хотел узнать, я не понимал в принципе. Но я не мог уйти просто так, и меня тянуло туда всеми силами, которые только можно себе представить.

Мы прогулялись обратно до госпиталя, Ганс пошел к солдатам, которых не выписали, чтобы сообщить им о плане действий после выписки. А я пошел в домик больничного персонала.

Пройдя через больничную дорожку, я дошел до него. Зайдя внутрь, я растерялся. Внутри дом оказался разделен на 4 квартирных двери на двух этажах. И в какую дверь мне было сейчас нужно заходить, я не знал. Поэтому я дернул епервую

попавшуюся дверь, и она открылась. Войдя внутрь квартиры или общежития, я никого не нашел, и потому пошел в следующую. Всего 8 общежитий, в одном я точно должен был найти Лейтхен, и я нашел ее.

За третьей дверью были отдельные комнаты, и дверь в одну из комнат была приоткрыта. Я увидел Лейтхен, которая лежала лицом на кровати, рука ее лежала на полу. Я зашел в комнату и покашлял.

– Уходи, Йежи, – сказала Лейтхен, не поворачиваясь ко мне лицом.

– Я пришел попрощаться, мы уезжаем в Люблин с Гансом.

– Очень хорошо, я рада, – сказала Лейтхен голосом, который говорил совершенно об обратном. Я стоял в двери и не знал, что делать: повернуться и уйти вот так просто вроде неловко, но мне явно тут были не рады.

– Что ты хочешь? Зачем ты пришел?

– Я хотел взять твой адрес, куда тебе писать.

Лейтхен повернулась и встала с кровати. Подошла к столу и на клочке бумажки что-то написала. Вернулась ко мне и протянула бумажку, на которой было написано два адреса.

– Вот, до конца войны пиши по номеру госпиталя, где бы мы ни были, письмо меня найдет, а если война закончится, то пиши вот по моему домашнему адресу, я надеюсь, что рано или поздно я окажусь в своем родном Дрездене, – Лейтхен стояла и ждала, когда я уйду. Всецелой своей позой показывая, как она этого хочет. А мне этого не хватало, стоял и хо-

тел чего-то еще, может, поцелуя на прощание, может, просто обнимашек. Видимо, мое лицо было красноречивым, так как Лейтхен все-таки сказала мне то, что я бы совсем не хотел слышать от нее на прощание:

– Йежи, мальчик мой, ты иди. Все равно сейчас от меня ты ничего не получишь больше. Я сейчас внутри пустая, как гильза от снаряда, и такая же холодная. Спасибо тебе за вчерашний вечер, ты помог мне, и я благодарна тебе. Но не думай, что для меня это что-то значит. Я не смогу любить тебя, а самое главное не хочу любить! Я не хочу получить еще одну похоронку и еще раз пережить то, что я переживаю сейчас. Доктор говорит, что время лечит и что все пройдет, но сейчас мне кажется, что я попала в ад. И я тебя очень прошу, не пиши мне до тех пор, пока точно не будешь знать, что выживешь. И если к этому времени война закончится и ты еще будешь помнить про меня, давай напиши, и мы встретимся, и, может быть, у нас что-то и получится. А нет – значит нет. Твое лицо... я все еще пытаюсь вспомнить его, и твои прикосновения вчера и запах – все было для меня каким-то родным и знакомым. И я очень хотела бы встретить тебя вне всего этого кошмара, но сейчас тебе лучше уйти, – сказала она и, подойдя, холодно поцеловала меня в щеку. Лучше бы она этого не делала и не говорила, а что я хотел услышать от нее? Зачем я вообще сюда сам пришел? Я пришел попроситься, так как при любом раскладе я не увижу Лейтхен, как бы я себя ни обманывал в данный момент времени.

Убрав бумажку с адресом в нагрудный карман, я сказал:

– Прощай, милая Лейтхен. Мне очень жаль, что все так и произошло и что я оказался в этом месте в это время. Но я не считаю это ошибкой, и от всего сердца я желаю тебе счастья.

Лейтхен поняла, что я прощаюсь навсегда, и что, не смотря на то что я взял ее адрес, писем от меня и предложения встречи не будет. Она тяжело вздохнула, повернулась ко мне спиной и сказала:

– Уходи, Йежи.

– Мое имя Алексей.

От звука русской речи она вздрогнула всем телом и повернулась, глядя на меня с ужасом. А я, опомнившись, произнес уже на немецком:

– Мое имя Алексей, просто запомни меня так, и все. Я не предатель и не разведчик, но я хочу, чтобы ты знала мое имя.

Я повернулся и вышел из ее комнаты и из ее дома. И быстрым шагом отправился к госпиталю, где на дорожке уже ждал меня Ганс. Он увидел меня, заулыбался и спросил:

– Ну что, Йежи, получилось у тебя что-то?

– А что у меня могло тут получиться? Я просто попрощался, – зло ответил я.

– Ой-ей-ей, видимо, все-таки не так все хорошо-то, – попытался Ганс разбавить мое настроение. – Ну давай, солдат, вспомним о том, зачем на нас форма, сопли и слюни утрем и пойдем с тобой выполнять приказ родины.

«Да пошел ты в жопу со своими приказами и своей ро-

диной», – ответил я Гансу про себя. Но вслух не сказал ни слова. И мы пошли по направлению к вокзалу. По пути Ганс начал расхваливать своего интенданта.

– Август-то какой молодец, выхлопотал нам дополнительного шнапса и коньяку в дорогу. И пробил офицерское купе, правда, придется впятером там разместиться, ну да в тесноте, да не в обиде, правда?

– Ну да так-то, конечно, – буркнул я. А Ганс прямо сильно радовался этой поездке, видимо, сильно его утомил госпиталь, и он хотел действия. Ну, или просто любил поездки. Может быть, в другое время и при других обстоятельствах я бы тоже радовался поездке, все-таки сейчас я был в местах, где, может, всю жизнь мечтал побывать, но так ни разу их и не посетил. Хотя съездить в Польшу я мог бы очень много раз, и я много раз собирался это осуществить, но все как-то не складывалось. Сейчас поезд должен был решить этот вопрос, но вся проблема была в том, что я в это путешествие ехал не совсем понятно в качестве кого. Я не был разведчиком, который действовал под прикрытием на вражеской территории, я не был военнопленным, хоть за мной и следили. В общем-то, я был тут опять по стечению обстоятельств, но в этот раз я уже четко осознавал, что ничем я тут помочь не могу. А самое главное, я понял, что не хочу. Ганс со своими солдатами не были моими врагами, как бы я ни цеплялся внутренне за это. Я не видел в них врагов, так как я видел в них людей, обычных людей со своими жизненными взгляда-

ми и мировоззрением. Это мировоззрение, хоть и не было, может, мне таким уж и близким, но оно не было для меня и чужим. Я понял, что не принимаю слова «оккупант», глядя на Ганса. Так как он свято верил в то, что он несет дух свободы и освобождения, хоть и сам при этом он был рабом идеологии. Он пришел на эту землю, напичканный идеями и целями, которые ему лично и не нужны, но он полон ими. И если его убьют на этой войне, он может погибнуть как герой. И только историки после победы напишут, кто был героем в историческом плане, а кто им не был. И я знаю, как эта история будет написана. Но ведь Ганс может так же лечь на амбразуру, спасая своих солдат, так же встать грудью, защищая своих, а может ожесточиться и стать зверем, как Семен в партизанском отряде, и резать и душить все, до чего сможет дотянуться.

– У войны не женское лицо, – вспомнил я чье-то высказывание. Это правда, у войны звериная морда с клыками и кровавой пастью. И эта рожа выгрызает сердца у живых людей, но будит души. На войне человек может стать человеком, а может стать зверем, и вовсе не цвет его формы и марка оружия за это в ответственности...

Глава 9. Дорога в Люблин

Поезд шел, и в окне была весна. В этой местности о войне напоминали только встречные составы со множеством техники. Да и наш состав, на котором мы ехали, тоже был полным этой самой техники, только выведенной из строя. Три пассажирских вагона были прицеплены к грузовому составу, и он сейчас медленно, но верно шел в глубокий тыл. Как нас и предупреждали, несмотря на немецкую точность, военное расписание все время требовало корректировок, и потому перемещение было сложным и непостоянным. Например, мы всю ночь простояли на станции в ожидании паровоза, и когда нам его дали, все очень радовались. А за окном была весна, самое шикарное время года, когда уже все зеленое, когда уже очень тепло, но еще не жарко. Когда птицы поют так, что вызывает удивление, когда же они дышат. Ну и настроение мужчин, которые хотели и буквально требовали любви и смотрели на всех женщин с таким вождением, что удивительно, что женщины не сторали от этих взглядов на месте. Вот и сейчас мы стояли на полустанке, и вся группа Ганса торчала около вокзального ресторана, в котором трудились очень милые польские официанточки.

Вместе с документами я получил какое-то количество денег и сейчас мог себе позволить сходить в ресторан на станции, но поезд мог тронуться в любой момент, и поэтому рас-

сживаться в ресторане было невозможно. И, в общем-то, солдаты толпились на входе, стараясь закадрить официанток ну или просто говоря им комплименты. Официанткам, к слову сказать, такое отношение нравилось, так как по мужскому вниманию они соскучились, и они мило щебетали что-то в ответ. Глядя на этот весенний диалог немецких захватчиков, по сути, оккупантов, и польских девушек страны, которой досталось на этой войне больше всех, у меня опять возникло чувство диссонанса в душе. Так как, несмотря на военную форму и кучу военной техники, тут был мир. И люди старались жить в этом мире, кто как мог, кто как умел, и, когда выбьют немцев, в этом милом уютном месте ничего не изменится, к этим самым милым официанткам будут мило приставать бойцы Красной армии, а они так же мило будут ворковать им в ответ. И так уж виноваты эти милые девушки? Ведь они хотят просто мужского плеча и мужской ласки, а идеология, ради которой эти мужчины убивают друг друга, им может быть и не известна. А они ведь убивают и делают это очень качественно и усиленно во всех мирах и вселенных. Но я видел мир, где люди перестали убивать друг друга, и результат оказался не очень хорошим. Я видел мир, где мужчины убивали друг друга на турнирах, и тоже результат не очень хороший. Нужно попросить Элронда отправить меня на экскурсию в мир, где человечество и развивается, и не убивает друг друга, чтобы я понимал, что такое вообще существует, и чтобы, может, приложил усилия, чтобы мое

Родное стало таким же.

Из моих мыслей меня вырвал Ганс.

– Йежи, нам ехать еще сутки, сейчас был у коменданта станции, он сказал, что еще как минимум три часа будут держать тут, потом дадут паровоз, который протащит нас двести километров, а потом его у нас опять отберут. Безобразие, конечно, расписание все по швам трещит, комендант переживает, аж белый весь от всего этого безобразия. Но у нас с ребятами есть предложение использовать эти сутки с толком и потратить немного жалования. Август уже собрался в поселок, чтобы закупить продуктов и выпивки не по ресторанным ценам, ты в доле?

– Конечно, сколько с меня?

В общем, этого и следовало ожидать, вчерашние сутки мы провели точно так же. На прошлой станции Август собрал с нас денег и притащил целую корзину снеди и четверть самогона. Видимо, следующие сутки повторятся с точностью до запятой. Мы опять устроим в купе праздничный стол, который Ганс будет готовить в течение двух часов, а мы будем курить в тамбуре. Потом мы войдем, восхитимся очередным произведением искусства Ганса, уничтожив его едесятиза следующие 10 минут, солдаты и Ганс потихоньку надерутся до состояния свиней, неся бред. Я буду делать вид, что тоже пьяный, залезу к себе на полку под насмешки немцев о том, какие поляки слабые выпивохи, и сутки пройдут. Для Ганса и солдат пройдет от силы час, а потом наступит по-

хмелье, как сегодня утром. А для меня это будет очередная мучительно долгая ночь с кучей мыслей и раздумий. Лучше бы сейчас на время отменить действие темного плода, и нажраться вместе с ребятами до поросычьего визга, и проснуться завтра, как они, с одним лишь желанием попить водички и не умереть. Я, правда, теперь не мог понять, завидую я этому умению надираться или это уже такой вот скрытый сарказм по отношению к самому себе.

Август пришел через 30 минут, он весь аж светился от счастья.

– Ребята, вы не поверите, что я смог достать тут! Вы просто не поверите.

Ребята все заинтересованно потянулись в купе за Августом, который тащил два огромных вещевых мешка, туго набитых чем-то. Зайдя в купе, он открыл один из мешков и показал ребятам содержимое, они восхищенно присвистнули. Я заглянул из-за спины ребят и увидел, что в мешке лежат огурцы и помидоры. Сначала я не понял, от чего это вызвало столько удивления и радости.

– Это где же ты в это время смог это достать?

– Ты представляешь, тут есть один агроном – вот буквально в двух кварталах отсюда, у него там стеклянные дома построены. Прямо из стекла, чистого, так вот, там у него полные грядки, уже зелень в рост и плоды висят. Он меня пускать туда не хотел, но я сказал, что сейчас его тут же расстреляю как еврея, и он пустил и набрал мне вот целый мешок

свежих овощей. Так что пируем сегодня.

Ганса крайне заинтересовали стеклянные дома, он прямо загорелся.

– Август, своди меня туда, пойдём. Ребята, сегодня без меня стол накроете, только не начинайте без нас и, если что, поезд задержите. Йежи, пойдешь с нами?

Честно сказать, смотреть на теплицы у меня не было никакого желания, но и оставаться в поезде было не очень интересно, и я решил, что лучше, видимо, сходить.

– Да, конечно, это очень интересно.

Август, видимо, не очень хотел идти с нами и всеми силами упирался. «Вы идите сами, тут недалеко, я объясню, а я с ребятами столом займусь, мало ли, чего достать понадобится, а меня нету. Они же как дети без меня, вы идите. Только слушайте внимательно: как паровоз подавать начнут, он свистеть будет, значит, бегом на станцию. А то мы без двух офицеров уедем, и нас обязательно накажут».

– Ну, вы тут смотрите не надирайтесь без нас, – строго приказал Ганс. – Мы быстро, просто хочу посмотреть, что это за стеклянный сад.

И мы пошли с Гансом в направлении, указанном Августом. Август оказался прав, до тепличного хозяйства оказалось действительно совсем не далеко, два деревенских квартала. Мы сразу увидели три стеклянных теплицы, которые стояли в заднем дворе дома. Теплицы были собраны из деревянных оконных рам, чуть выше роста человека. И рядом

сейчас копался какой-то старенький мужичок. Видимо, тот самый еврей, о котором говорил Август.

Увидев двух немецких офицеров, идущих к нему, он побелел как полотно и стал одного цвета с рамами его теплиц. Он поспешил к нам навстречу и затараторил на очень плохом немецком:

– Господа офицеры, вы не думайте, тут все по закону. У меня и бумаги все есть, я получил разрешение на строительство вот этих сооружений. Все рамы я собрал из домов разрушенных и каждое стеклышко сам вынул.

Ганс прервал этот поток оправданий поднятием руки и, сняв фуражку, видимо, для того, чтобы перестать выглядеть грозным немцем, спросил:

– Скажи мне, стеклянные дома дают температуру, чтобы растения начали расти раньше?

Видно было, что вопрос Ганса сильно удивил садовода-любителя. Он даже рот открыл от неожиданного вопроса. Но снятая фуражка Ганса и его заинтересованное лицо, видимо, сделали свое дело. Так как старичок расплылся в улыбке и включил самого настоящего еврея из Одессы. Ломая и коверкая немецкий язык, он начал свое повествование:

– Таки господа офицеры хотят знать, как Изя выращивает помидоры в мае? Так Изя вам все расскажет и покажет. Изя не скроет от добрых людей своих знаний даже в это очень тяжелое и страшное для Изя время. Я надеюсь, что господа офицеры не расстреляют меня сегодня?

– Нет, не расстреляют, если ты расскажешь мне все честно, – ответил ему Ганс, подключившись в эту игру.

– Таки вот, смотрите, когда у нас разбомбили Тарногруд, осталось очень много почти целых домов и почти целых стекол. Жить там было уже нельзя, да и люди эвакуировались, кто на восток, а кто на запад. Я подумал: чего же добру пропадать, и получил разрешение на демонтаж и вывоз уцелевших оконных рам. У меня давно была мечта проверить, можно ли в наших широтах в грунт посадить в апреле месяце. Я дома-то выращивал на окне уже помидоры. Но вот хотел попробовать на масштабе. Но тут не только в стекле хитрость, таки вы не поверите, я ведь высадил-то все еще в марте. Хоть весна в этом году была и очень холодной.

Дальше Изя повел нас в свои теплицы, гордо рассказывая технологии, как он добился урожая в начале мая. А Ганс его внимательно слушал и кивал. Ганс забыл про войну и про все на свете, он сейчас опять стал фермером, который с евреем Максимом осваивал искусственное осеменение. Только сейчас он говорил не о свиньях, а о помидорах и огурцах. Но, как я понял, интерес Ганса был не просто так, когда Изя рассказал, что для разогрева почвы он использует свиной навоз, Ганс аж заорал: «Вот оно! Вот о чем я все время говорил отцу, что навоз преет и дает тепло и что если оградить от ветра, то можно получить еще целый месяц в году».

– Два месяца! А то и три, – поправил его Изя. – Но есть, конечно, сложности, – и Изя продолжил свой рассказ, как

он планирует проветривать и когда планирует сажать новый урожай. А Ганс слушал, и если у него и было сейчас самое большое желание в жизни, так это сбросить военную форму и остаться тут у этого старого еврея, чтобы до конца изучить эти самые первые теплицы. Но тут я услышал свист и пыхтение паровоза, который, видимо, все-таки прибыл на станцию. И я потянул Ганса:

– Пойдем, нам пора уже, а то отстанем от состава, – сказал я, опасаясь, что мои слова не возымеют действия, но Ганс очень быстро пришел в себя и сердечно поблагодарил Изю со словами:

– Ты, старик, хоть и еврей, но такой же умный и деятельный, как и наш Максим в нашем хозяйстве, я надеюсь, что тебя не убьют тут до конца войны и мы еще увидимся.

– Господин офицер, то, что я еврей, конечно, не делает мне чести в ваших глазах, но, по мне, так это большая ошибка, что нас считают врагами. Вы идите и возвращайтесь. Изя не станет делать секретов из своей работы и поделится всем, что сможет открыть, абсолютно бесплатно.

Мы побежали на станцию и успели на поезд, который тронулся как раз в тот момент, когда мы заскочили в тамбур. Все наши были уже в купе и, не став ждать нашего с Гансом прибытия, уже вовсю пировали. Ганс недовольно поморщился, когда увидел, что на импровизированном столике в купе был полный бардак и вакханалия.

– Ну вы хотя бы порезали, что ли, ну разве можно так по-

варварски относиться к продуктам? Вы лишили себя самого понятия «еда» и выложили все как в корыто для свиней. Хотя и свиньям я лично выкладываю много лучше.

На столе действительно был бедлам, помидоры и огурцы лежали кучками, сало и колбаса порезаны были большими неровными ломтями. А главное место на столе занимала огромная бутылка с мутноватым содержимым.

– Ганс, дружище, не обращай ты внимание, садись хлопни стаканчик, расслабься, – ответил ему Ганс. Который уже, видимо, хлопнул больше, чем один стаканчик, и сейчас уже разница в званиях была для него далеко в прошлом. Ганс не стал его поправлять и возражать и, сев на скамейку, он сказал:

– Давай тогда мне налей побольше, чтобы я перестал смотреть на это безобразие, и Йежи тоже налей.

Я тоже сел на скамейку на место, которое освободили ребята, и мне в руки сразу был вручен граненый стакан, в котором больше чем наполовину была налита та самая мутная жидкость. Нюхнув из стакана, я непроизвольно сморщился от мерзкого запаха самогона, но делать было нечего – первый стакан я должен был выпить, дабы не вызвать подозрений у собутыльников. Традиции немцев в этом вопросе оказались удивительно похожи на наши, они так же, как и русские, терпеть не могли непьющих за столом пьющих. И пили немцы ничуть не лучше и красивей наших и абсолютно до того же состояния, когда национальная, а то и порой про-

сто человеческая черта стирается начисто. Правда, была одна особенность, которая меня удивила: они очень много ели. Если русские в своих застольях больше закусывали, то немцы, скорей, заедали. Если немец взял помидор в руки, чтобы закусить им, он обязательно его съедал целиком. То же самое происходило с бутербродом или другой едой. Поэтому главным отличием немецкого стола к концу пьянки была его полная стерильность. А все остальное ничем не отличалось. Те же разговоры ни о чем и мысли по кругу. Я сейчас сидел за столом и в очередной раз наблюдал за процессом опьянения собутыльников со стороны. Это достаточно забавное открытие, когда я пил и пьянел вместе со всеми, мне всегда казалось, что мы так много и интересно разговариваем в момент употребления алкоголя. Теперь же, когда процесс опьянения стал для меня недоступным, я сделал открытие, что разговор выпивающих за столом прекращается после второй, ну максимум четвертой рюмки, а дальше начинается разговор по кругу. Происходит как бы заикливание вокруг какой-то одной темы, и собеседники по сто раз повторяют одно и то же, думая, что они рассказывают что-то интересное. Вот и сейчас ребята, обращая ко мне, рассказывали мне историю про то самое орудие, из которого стреляла русская медсестра, которое они доблестно уничтожили. То плача, то смеясь, они ходили в своей истории вокруг этого оружия и каждый раз начиная с нуля:

– Там не окопы, там болото. Я, когда спрыгнул вниз, так

с трудом удержался на ногах. Ну что это за окопы, одно болото, а не окопы. А они там сражались, не могут русские создать себе комфорт, вот то ли дело наши блиндажи, – рассказывал Геральд весь вечер. А Ганс вторил ему, но дополняя совсем другими красками:

– Оружие-то уже, Считай, уничтожено. Колеса пробиты, почти на боку. А все равно стреляли, до последнего стреляли. Хоть толку, конечно, и немного, но четверых моих ребят унесла она с собой. Представляешь, четверых ребят.

Август рассказывал, как его другу и земляку оторвало голову то ли в той же атаке с этим оружием, то ли в другое время. Он обращался то ли ко мне, то ли ко всем сидящим за столом разом.

– Ты представляешь, вот так вот отрубил голову, снесло просто, она так и запрыгала по полю как мячик. А он продолжал идти вперед, как будто ничего не случилось. Я раньше такое у куриц видел, вот им голову отрубашь, а они по двору бегают, а тут человек без головы идет, кровь фонтаном в небо брызжет, а он идет себе, как будто ничего не случилось.

Все эти истории я уже слышал и вчера, и в палате. Ничего нового в них не было. Если эти солдаты выживут, они эти истории будут рассказывать всю свою оставшуюся жизнь. Я вспомнил, как в партизанском отряде командир взвода рассказывал про немецкого офицера, который пристрелил девушку Марусю, и тоже понимал, что этот рассказ теперь будет с ним до конца его дней. Сколько может человеческая

душа вынести таких вот моментов?

Я сидел за столом, выпивал и кушал и больше молчал, чем говорил. Мне было нечего рассказывать тут, я был чужим и остро, очень остро это чувствовал. Поэтому, дождавшись состояния, когда выпивающим уже стало настолько хорошо, что они перестали обращать внимание на то, сколько пьет их собеседник.

В этот раз самогона было слишком много, и до финала, видимо, было еще далеко, а поезд шел. И я пошел в тамбур, чтобы подышать свежим воздухом.

Я вышел в тамбур, открыл дверь и сел на ступени. На улице уже стемнело. Видимо, небо заволокло тучами, так как луны и звезд видно не было. Поезд шел небыстро, километров 30 в час, и постоянно гудел и свистел, а колеса постоянно стучали стыками. Тук-тук, тук-тук... тук-тук, тук-тук... В воздухе была смесь запахов весны и горелого угля, а еще табачного дыма. В вагоне перед нашим в тамбуре курили, и ветром относило этот запах сюда. Все больше и больше я погружался в мысли и все больше и больше я хотел домой. А поезд вез меня сейчас в совершенно обратном от моего дома направлении. Я хотел к Лейле, я хотел к Элронду, пусть они там мне взрывают мозг, как хотят, все втроем, но именно там я счастлив по-настоящему. Хотя Элронд, гад, конечно, выгнать может, но, в конце концов, вернусь с Лейлой в Канев и найду себе работу. Ведь возможен подвиг и в обычной жизни, никто же не мешает мне показать Лейле весь мир

да и самому его посмотреть. Ведь, стыдно сказать, в других мирах я видел в тысячу раз больше, чем в своем Родном...

* * *

Утро наступило очень рано. Поезд стоял на станции, в купе пахло так, что я, хоть и не пил вчера особенно, чувствовал похмелье. Голова болела, и во рту было кисло и неприятно. Видимо, пары алкоголя умудрились отравить мой организм настолько, что даже сканер не смог с этим справиться. Хотя коммуникатор молчал и не кричал о посторонних веществах в моей крови. Видимо, головная боль была последствием контузии и плохо проведенной ночи все-таки, нежели каким-то алкогольным отравлением. А вот во рту, видимо, было действительно от паров, которые витали в купе. Дав задание сканеру убрать головную боль, получив в ответ предписание явиться в больницу, которое в очередной раз проигнорировал, я вышел из купе. Нужно было умыться и привести себя в порядок. В нашем вагоне с этим были сложности, и потому я пошел на станцию.

Выйдя из поезда, я посмотрел в начало нашего состава, паровоза не было, значит, как минимум 20–30 минут у меня было, и я пошел в здание станции. Время было очень раннее, и народу на станции и вокруг нее не было. Станция представляла из себя деревянный домик шесть на девять метров с крыльцом. На двери висел замок, и никого вокруг не было.

Обойдя станционный домик кругом, я нашел колонку с умывальником колокольчиком на столбе рядом. Наверху умывальника было приклеено даже небольшое зеркальце, лежало мыло и зубной порошок. То ли оставленные кем-то, кто умывался еще раньше меня, то ли, может быть, специально для людей. Я набрал в колокольчик воды и умылся ледяной водой и почистил зубы. Морщась от холодной воды, которая ломала пальцы, лицо и зубы, я совершил маленький утренний подвиг. И, как только я закончил, я почувствовал голод. Идти в купе не хотелось, да и было бесполезным, так как наверняка было съедено все подчистую, и пока не проснется Август или Ганс, эту ситуацию будет изменить невозможно. На этой станции ресторана не было, и позавтракать за рейхсмарки было негде, поэтому я решил прогуляться по деревне около станции и поискать какой-то провизии самостоятельно. И подышать ранним летом полной грудью. Запахи цветущих деревьев кружили голову и пьянили. Пчелы уже проснулись, видимо, достаточно давно и радостно жужжали повсюду, добавляя свою ноту в этот утренний пейзаж. А вот птицы уже перестали рвать глотки, и трелей стало существенно меньше. Но тем не менее звуков было очень много. И сейчас я опять шел и наслаждался жизнью. Для чего нужна война человеку? Она будит его душу, вспомнил я слова Феодосия. Может быть, именно вот такая весенняя радость и есть эта душа? Где она, душа у человека? Где-то в районе солнечно-го сплетения, и именно там сейчас у меня теплый, почти го-

рячий комок, который радуется тому, что взошло солнышко после ночного дождя. Что тепло, что насекомым хорошо и цветам хорошо.

Я шел по улице и улыбался, радуясь весне. Деревушка была обычной, маленькой, тут ни кафе, ни столовой, ни тем более ресторана не было. Была просто светленькая польская деревня из 10, может быть, 15 домов. Война прошла мимо этой деревни, несмотря на то что она была станционной. Хотя я вообще не видел следов войны в Польше, только слышал о них, что где-то что-то разбомбили. Я увидел во дворе дородную тетушку, которая выгоняла на дорогу корову, и обратился к ней по-немецки.

– Не продадите немного молока и хлеба? – она взглянула на меня исподлобья и произнесла на чистом русском языке:

– Не понимаю я тебя, морда фашистская, – ее ответ обдал меня горячей волной, я вспомнил, в какой я форме и на чьей я вроде как стороне. Но жрать хотелось, и потому я ответил женщине на том языке, на котором она меня могла понять:

– Я вовсе не фашистская морда и даже не немецкая, я тут по делу секретному. Продай молочка, тетушка, и хлебушка, если можешь, – русский язык от человека в немецкой форме произвел совсем не положительный эффект, а, скорей, наоборот добавил негативу:

– Что ты, русский, а в форму эту поганую залез? Продал родину, да?

– Да ничего и не продал.

– Да вон лычки какие у тебя офицерские, иди отсюда по-доброму-поздорову, а хочешь – расстреляй меня тут же. Но не буду я кормить гада вашего, хоть убей не буду, – тетка шла в напор, в агрессивный и злобный. Видимо, у нее были на то свои причины, но стоять и препираться с ней тут на русском языке было не очень правильным делом, к тому же настроение мое хорошее испарилось, я опять почувствовал себя чужим в этой вселенной и потому, повернувшись, я пошел на станцию.

* * *

Далеко не все тут радовались немцам, но далеко не все были и против. Лучше отправить сюда Августа, он-то точно все как надо сделает и, возможно, никого не расстреляет, ну, очень хочется в это верить. Я дошел до станции и увидел Ганса, который стоял около вагона и курил. Увидев меня, он радостно замахал руками:

– Йежи, где ты был?

– Да я ходил умываться вот к той колонке, ну и погулял немного. Утро какое прекрасное-то.

Ганс, видимо, проснувшись и обнаружив пропажу на моем месте, сильно испугался, все-таки ему было приказано следить за мной, а я так вот запросто мог и убежать. Правда, куда тут было бежать, в глубоком немецком тылу, я не мог придумать.

– А я что-то испугался, просыпаюсь, а тебя нету. А как ты встал, я вообще не слышал. Вот, думаю, вдруг сбежал, попадет же мне за тебя, ох как попадет.

– Да тут я, Ганс, никуда не сбежал. Жрать охота, а нечего. Вы вчера все подъели подчистую.

– Все да не все, что-то осталось, – хитро улыбаясь, сказал Август. – Сейчас я за молочком сбегаю, и, кто сможет, тот позавтракает, – сказал он и ушел с чайником в сторону, из которой я только что пришел. Я проводил его взглядом и пожелал ему удачи, чтобы его там не покрыли, как меня.

Но он вернулся буквально через десять минут с полным чайником молока и пакетом творога. Ганс выгнал всех из купе и накрыл стол для завтрака. Как я уже говорил, немцы, по крайней мере вот эта группа, с которой я был знаком, отличались тем, что очень плотно кушали с утра, несмотря на выпитое ранее. И я кушал с ними, не вызывая никаких подозрений своим зверским аппетитом. Молоко Август принес еще теплое, которое подоили час или полтора назад. Я не выдержал и спросил:

– А у кого ты взял молоко?

– Да там тетушка была одна, она что-то орала, руками махала, я сам зашел и налил, потом спустился в подвал и взял творог. Ты не думай, я оставил ей немного рейхсмарок, по текущему курсу я заплатил очень хорошо.

Хорошо, что Август не понимает по-русски, а то висела бы уже тетенька на веревке прямо в собственном дворе. На-

рывалась она активно, видимо, больно задела ее эта война, смерти не боится. А Август – чистый оккупант, подошел, взял, что ему требовалось, молча, и ушел.

Поезд пришел в движение и начал потихоньку набирать ход.

– Мы в течение 2–3 часов должны быть на узловой станции, там нас уже до завода на маневровом потащат. А так нас довезут прямо до места, – сказал Август.

– А ты откуда знаешь?

– Я начальника поезда встретил, он сказал, что сегодня уже доедем до места. Он, кстати, с передовой идет, говорит, жарко там. Русские в наступление перешли, дерутся, что черти, с потерями не считаются. Что-то про заградотряды говорил и необходимость новой тактики. Но я не понял, о чем он, – сказал Август. В купе повисла тишина, все тяжело смотрели на Августа и на Ганса в ожидании того, что они опровергнут только что сказанное. Ганс понял, что все смотрят уже на него, сказал:

– Это все проклятая русская зима, сами русские – плохие вояки, а вот зима положила наших чересчур много. Я думаю, сейчас немного отступим, перегруппируемся свежими частями и уже возьмем Москву. А то я переживал, что главное сражение без нас пройдет, а мы тут в тылу. А так как раз мы и будем той самой свежей частью, – Ганс старался говорить бодро и весело, но у него не очень-то это выходило. Но тем не менее на лицах появились улыбки, хоть в

большинстве своем и натянутые.

Я-то точно знал, чем закончится эта война, и я хотел, чтобы она тут именно так же закончилась, как и в Родном, но мне было жалко этих ребят, какая у них судьба? В лучшем случае советский плен, в худшем – холмик земли братской могилы. За какие идеи они тут погибали? Ганс вот мечтает научить русских строить свинофермы, Август хочет открыть свой магазин, и, наверное, у всех есть свои желания, ради которых они тут воют. И, что удивительно, они верят в святость этой войны со своей стороны. У меня не укладывалось это в голове, я в очередной раз поразился тому факту, что они для себя самих не были оккупантами – они были освободителями. Они пришли освобождать бедных русских и надеются на награду за это. Какое же жестокое их ждет разочарование, какая трагедия для всех этих ребят и их семей.

Глава 10. Карл Бенц

Поезд прибыл в Люблин, и сразу же нас подхватил маленький маневровый паровозик, который потащил нас в обратную сторону от города по тому же пути, по которому мы прибыли. Но через какое-то время мы ушли на другую полосу и пошли через лесистую зону по однопутной полосе. Потом вдруг стало темно, мы выглянули на улицу и увидели, что весь путь сверху затянут маскировочной сеткой на всем протяжении, через которую свет проникал с существенным затемнением, и потому казалось, что стало вдруг облачно. Минут десять мы двигались под маскировочной сеткой и заехали в большое депо, где путь разделился на два и появилась высокая платформа. На платформе было много людей, но, видимо, форма тут была не в ходу, все были одеты в рабочую одежду серо-зеленого цвета.

Паровозик довез состав и остановился. И мы вышли на платформу, озираясь и оглядываясь. Тут явно было какое-то секретное военное предприятие, так как маскировка была на максимальном уровне. На первом пути стоял уже пустой состав с пустыми платформами, и паровозик, который привез нас, сейчас намеревался увезти этот состав из депо.

Мы вышли на платформу со всем скарбом, которого было не так уж и много. И встали в растерянности, не понимая, куда нам дальше двигаться. Рабочие на платформе не обра-

щали на нас внимание и начали скидывать брезент с платформ, открывая содержимое. На платформах оказалась советская техника. Я увидел танк Т-34, другой танк, название которого я не знал, такой, с дугами на башне, и разные орудия. Рабочие деловито снимали крепления, подготавливая платформы к разгрузке.

Навстречу нам вышел молодой голубоглазый парень со светлыми волосами и поздоровался:

– Добрый день господа, меня зовут Карл. Я тут вроде как за старшего, вы ко мне по направлению?

Ему ответил Ганс, вытянувшись в стойку и выбросив вперед руку, он отчитался:

– Хайль Гитлер! Да, нас направили из госпиталя на время переукомплектовки роты.

– Вольно, господин гауптман. Мы тут без формы и без погон, поэтому можно без уставных отношений, работа у нас тут грязная и нудная, но очень нужная для фронта. Поэтому в стенах этого здания, пожалуйста, без чинов и по именам. А строевые занятия можете проводить, как вам будет угодно. Между заводом и рекой есть плац, где вы можете заниматься. У нас тут порядка четырех рот проходит переподготовку, по готовности рота уходит на фронт, а к нам прибывает новая. Пойдемте, я вас провожу и покажу, чем и как мы тут занимаемся.

Карл показал нам рукой по направлению движения, внимательно глядя на вагон, есть ли там еще солдаты, но других

в нашем вагоне не было.

– Это что же, все, что осталось от вашей роты?

Ганс опустил голову ниже плеч и ответил: «Да, наш поезд подорвали и из и так небольшого числа стало совсем мало. Четверо еще в госпитале, придут по мере выписки, и, пожалуй, это все».

Карла эта новость, видимо, расстроила, он тяжело вздохнул и сказал:

– Ох и дорого нам эта война обойдется, ох и дорого. Ну да ладно, господа, идемте в главный цех.

Он повел нас по платформе вдоль поезда, с которого рабочие продолжали снимать брезент. Рабочие, видимо, были точно такие же солдаты после ранения и новобранцы, которые проходили подготовку. Были совсем юные пацаны и взрослые, почти пожилые мужчины. Пройдя по платформе, мы зашли через огромные ворота в большое помещение, которое и называлось цехом.

– Это бывшее железнодорожное ремонтное депо. На время войны мы его сейчас переоборудовали под другие цели. Мы тут занимаемся изучением советской военной техники и пишем отчеты для заводов, в общем-то, ваша работа будет достаточно простой, нужно просто все разбирать до винтика и выкладывать на свободной территории, внимательно записывая последовательность того, как разбираем. Работа, как я сказал, несложная, но крайне грязная. Отмываться от масла – крайне непростая и долгая задача, но что поделать. Еще,

конечно, не обходится без травм, техника у русских, прямо скажем, неаккуратная, и порезаться или повредить палец или руку очень просто. Поэтому, умоляю вас, не торопитесь. Медпункта у нас тут нету и не будет, и лечить вас тут некому. Живем мы в казармах все вместе, вы ведь не будете сильно против, господа офицеры?

– Нет-нет, – ответили мы с Гансом.

– Ну и замечательно, вход в казарму вот с той стороны, можете идти и занимать любые свободные места. Пайки привозят один раз в неделю, но у нас тут есть своя столовая. Если хотите, можете сдать паек в общий котел и есть со всеми, можете устроить себе отдельное питание, тут кому как удобней.

– Да мы как все, лучше уж через общую кухню.

– Ну и правильно, так будет эффективней. Вы располагайтесь тогда в казарме, помойтесь, сходите в кладовую, получите одежду рабочую. И приступайте к работе, на вашем поезде пришел танк Т-34, его вот в этот угол сейчас оттащат. Как будете готовы, приходите, я объясню, что нужно будет делать. У вас у кого-то есть инженерное образование?

Мы все промолчали, и я в том числе, так как мое образование – это последнее, что бы я хотел тут применять, да и вообще лучшее умение разведчика – это молчание. Хоть я и не был разведчиком, но мое умение вляпываться, открыв рот, я уже осознал целиком и полностью.

Казарма была казармой. Двухэтажные кровати и прикро-

ватные тумбочки. Особенность этой казармы была в том, что, кроме обычных запахов мужского пота, тут был запах машинного масла и железа. Он был вездесущим и постоянным.

– Ох и пропахнем мы тут маслом, на всю жизнь, потом ничем из нас этот запах не вытравить, будем что танкисты, – переживал Август.

– Да уж, пропахнем. Но что поделать, этот запах украшает мужчину. Хотя все запахи можно вымыть. Нужно, главное, форму убрать в мешок – и не останется запаха. Давай-ка, Август, за рабочей одеждой шуруй и найди чехлы под форму.

– Слушаюсь, мой генерал, – сказал Август и, вручив нам свои вещи, убежал.

Мы прошли в угол казармы, в котором было больше всего свободных кроватей, и решили, что этот угол будет нашим. Казарма была полупустой, и Ганс решил, что новобранцы, которые будут прибывать в роту, станут размещаться в этом углу, чтобы мы были рядом. Всего в казарме было около 500 койко-мест, из которых сейчас было занято не больше 150 по разным углам, с совершенно пустым центром.

Мы заняли кровати и положили свои вещи в тумбочки, когда пришел август и принес рабочую одежду.

– Хорошо амуниция полная, даже ботинки дали. Правда, я не знал всех размеров, поэтому вот принес мешок, а что останется, отнесем обратно, в общем, переодеваемся и на работу. Интересно, а на обед мы опоздали или еще нет?

На обед мы опоздали, в столовой уже убрали всю посуду и протерли столы. Но нас покормили остатками холодного супа и котлетами. После этого мы все пошли в цех и приступили к работе. Работа была интересной, нужно было разбирать танк. Причем выглядело это следующим образом: мы изучали танк, думая, как же его можно разобрать, находили все, что можно открутить или отковырять, и сообщали про это Карлу, Карл все это записывал и потом говорил, в какой последовательности мы должны работать.

Он все время вздыхал и говорил фразу:

– Ну как так можно делать? Ну как? – и переходил к следующему узлу. Танк, к слову сказать, был совсем не таким, как стоят на постаментах-памятниках времен войны. На постаментах стоят такие холеные танки, у которых все на своем месте и все практически идеально. Танк, который мы разбирали, выглядел так, как будто делали его, высекая из куска металла при помощи кувалды и большого зубила. Броня башни и корпуса была с огромным количеством раковин и наплывов, и сверху все это было облито темно зеленой краской, на которую прилипли еще, видимо, на заводе вертолетики от клена и прочий мусор. Ганса с ребятами такое состояние советской техники сильно веселило и приводило их в хорошее настроение, а вот Карл, напротив, не разделял их веселья и, наоборот, становился все темней и темней лицом.

Один из поводов такого веселья, например, факт того, что командирский люк на башне был прикреплен не на металли-

ческом пальце, а на куске железного троса, который был заварен с двух сторон. В итоге люк ходил из стороны в сторону, что нам и продемонстрировал Август, изобразив капитана на мостике, у которого в руках место штурвала был люк танка.

– Эти русские перепутали, видимо, технологии и вместо кораблей делают танки, а вместо танков – корабли. Видимо, их корабли тонут прямо в портах, – сказал он с довольным лицом, и все засмеялись. Кроме Карла, который забрался на башню к Августу, внимательно осмотрел соединение, что-то записал и почти с черным лицом слез.

– Нечего смеяться, давайте работать, – сурово сказал он. – Вот давайте разберем моторный отсек. Тут, видимо, придется резать, судя по всему, его заварили наглухо, – сурово и мрачно сказал Карл.

– Ну, они, видимо, не планировали, что это дерьмо поедет, – весело продолжал шутить Август. Все засмеялись шутке Августа, кроме Карла. Который стал еще более мрачным и ушел от танка к соседней площадке, на которой разбирали зенитное оружие.

Мы продолжали работу, я махал кувалдой, радуясь физической работе мышц, по которой мое тело сильно стосковалось. Мы выбивали пальцы из траков гусениц, планируя добраться до катков трансмиссии. Время за работой шло хорошо, мне не хотелось думать, что моя работа сейчас сильно влияет на расклад сил на этой войне. Главное – все-таки молчать и искать способ, как вернуться домой в Родное.

Мы закончили работу и пошли ужинать. На ужин были макароны по-флотски и чай. На ужин столы расставили длинными рядами, и мы сейчас сидели все вместе. За столом особенно разговоров не шло, видимо, все устали за рабочий день. Наш день был вообще длинный, и сейчас было одно желание – принять душ и идти спать. Поужинав, мы пошли в импровизированную душевую, которую сделали на улице.

Душевая была смонтирована из старой железнодорожной цистерны, которая была покрашена черной краской и за день сильно нагрелась под солнцем. Цистерна стояла на постаменте из бетона, на высоте человеческого роста. К цистерне была приварена труба, по которой шла вода под собственным давлением, труба разветвлялась на несколько трубок поменьше, которые заканчивались душевыми лейками-разбрызгивателями. Все это нехитрое сооружение было обтянуто маскировочной сеткой. На входе в саму душевую стояло несколько бочек с ацетоном и бензином с кучей тряпок. Бензин и ацетон предназначались для того, чтобы отмыть руки от вездесущего масла. Кое-как отмывшись, я решил погулять по территории в одиночестве, но мне это не удалось. Как только я вышел из дверей завода, меня тут же догнал Ганс.

– Ты погулять, Йежи?

– Да, Ганс, хотел вот побродить по окрестностям, посмотреть, что тут и как. Тут вроде речка какая-то должна рядом течь.

– Да, Чеховка вроде. Ты не против, если я составлю тебе

компанию?

Конечно же, я был против, Ганс следил за мной, и гулять одному мне тут было невозможно. Но уж лучше Ганс, чем кто-то еще, поэтому я вежливо ему ответил:

– Конечно, Ганс, я всегда рад твоей компании, – сказал я почти искренне. Ганс почувствовал небольшую фальшь в моей искренности и начал извиняться:

– Ну, Йежи, ты же понимаешь: приказ есть приказ. Я-то лично против тебя ничего не имею, да и на самом деле тоже хочу подышать воздухом и прогуляться.

Мы вышли с территории завода и пошли гулять по окрестностям. Особенно гулять было негде, за заводом был плац из бетонных плит, и за плацем было поле, за которым была речка, и дальше был лес. Лес был из ивняка, и ходить по нему было сложно. Речку тоже назвать речкой было сложно, это был такой широкий ручей. Правда, как раз около завода был пруд, который был наполнен из этого ручья. Один из берегов был засыпан песком, видимо, специально привезенным сюда, чтобы сделать пляж. На пляже были вкопаны и забетонированы два железных столба, назначение которых было непонятно. Ганс, увидев пруд с пляжем, очень обрадовался:

– О, как хорошо, чуть потеплей станет – будем купаться. Ты любишь купаться, Йежи?

– Да, очень.

– Я тоже очень люблю, расскажем ребятам – они будут рады. А вот смотри, тут еще и волейбольная площадка есть,

вот эти столбы только непонятно, для чего, тут что, тарзанка, что ли?

– Не понимаю, столбы непонятные, но вкопаны так хорошо, забетонированы.

– Я видел такое в парке развлечений в Баварии, резиновый жгут или пружины, и человека запускают вверх, чтобы он в воду шлепнулся. Может, и тут такое?

– Да ну, вряд ли, – засомневался я. – Слишком опасно, пруд тут небольшой, можно улететь и разбиться.

– Ну, может быть, может быть, в любом случае тут хорошее место для отдыха, нам же будет положен выходной, так что его мы будем проводить тут.

– Да, пожалуй, тут можно хорошо провести время в хорошей компании.

На улице уже начало темнеть, и мы решили вернуться с Гансом в казарму. В казарме мы разделись и легли спать. Я выбрал себе кровать на втором ярусе около стены, взобравшись на которую, я уткнулся в чистую наволочку подушки. Запах выстиранной наволочки успокаивал, хоть и не перебивал запах машинного масла, которым эта казарма пропахла целиком и полностью. Но особенно мыслей уже на эту тему у меня не оставалось, и я провалился в сон...

Утром я проснулся от того, что где-то звучали удары металлического предмета о металлический предмет. Типа ложки по тарелке или что-то вроде. Я так понял, это был сигнал к подъему. Все просыпались неохотно, видимо, устав от

вчерашнего дня. Но отдыхать было некогда, и, спустившись, мы пошли завтракать. На завтрак был консервированный бекон и кофе. Зайдя в столовую, я увидел Карла, который был бледным и отекившим, видимо, вчера вечером он здорово перебрал. Я, взяв свою порцию сел рядом с ним, и начал кушать. Карл сидел, осунувшись и смотрел в свою кружку с кофе. Видимо есть он еще не мог или уже все съел.

– Кхм, – прокашлялся я. Карл поднял голову и посмотрел на меня взглядом, который был мне очень знаком, такой взгляд был у меня по понедельникам после бурных выходных.

– Вы чего-то хотели? – спросил он меня.

– Нет, просто хотел поздороваться.

– Ну здравствуйте, – Карл явно не помнил или просто не знал, как меня зовут, и к диалогу не был расположен. Поэтому я решил не мучить его, а погрузился в свою еду, больше не пытаюсь сделать из него собеседника.

День прошел, очень похожий на вчерашний. До обеда мы крутили гайки, выбивали пальцы, в общем, занимались монтажом. В обед прибыл новый состав с новой порцией техники и новобранцами. В роту Ганса определили порядка десяти человек. И после обеда Ганс ушел на занятия с новобранцами.

После обеда куда-то пропал Карл, а мы как раз смогли при помощи лебедки вытащить двигатель из танка, и по его заданию мы должны были позвать его. Но его нигде не было,

и я пошел искать его. Карл жил в отдельной комнате, а не в общей казарме, и сейчас я пошел за ним туда. Дверь в его комнату была приоткрыта, я постучался.

– Входите, – услышал ответ и, открыв дверь, я вошел. – А, это вы, – сказал он устало, глядя на меня. На столе в его комнате стояла литровая бутылка шнапса, которая сейчас была уже наполовину пуста, а Карл сидел с кружкой в руке.

– Садись, выпей со мной, я сейчас просто на грани истерического срыва, и если не напьюсь, то застрелюсь, – сказал он мне.

– Меня Йежи звать, если вы не знаете.

– Да мне все равно, как тебя звать, вон возьми кружку, налей себе и выпей со мной, – Карл был уже очень сильно пьян. Видимо, он пришел сюда еще до обеда и успел уже хорошо накатить на старые дрожжи. Я взял кружку, на которую указал мне Карл, и сел на стул около стола. Налил себе шнапса на два пальца, проглотил одним глотком.

– Мы проиграем эту войну, Йежи, – я немного оторопел от такого высказывания Карла и, несмотря на то что Карл был на 100 % прав, я возразил вопросом:

– Почему вы так решили, Карл?

– Ты понимаешь, чем мы тут занимаемся?

– Ну да, мы изучаем советскую военную технику.

– Ну и что ты скажешь про эту самую технику?

– Ну мне очень сложно сказать что-то, я все-таки не специалист.

– Да что тут можно сказать, советская техника – это полное и стопроцентное говно. Оно не достойно называться техникой. Но именно это и есть ее сильная сторона.

– Как это? – я совсем не понимал, о чем говорит Карл и куда он клонит. Но, видимо, того, что я задавал вопросы и просто поддерживал беседу, Карлу было достаточно, чтобы рассказать то, что его беспокоит.

– Йежи, я молодой достаточно инженер, я всю свою карьеру проработал на заводе Круппа и всю свою жизнь занимался проектированием и разработкой танков и орудий. Поэтому и вызвался поехать в Польшу для изучения советской военной техники. Мне было действительно интересно, это война инженерной мысли. И первые четыре месяца я ходил и радовался, насколько немецкий подход лучше и мощней советского. Но с фронтов стали приходить все более и более грустные новости, и техника стала приходить все чаще. И эта техника стала изменяться, поначалу я не мог понять, как то, что производят русские, вообще может ездить, стрелять, но потом я сделал открытие, которое повергло меня в жестокую депрессию, из которой я вот уже месяц не могу вырваться. Давай выпьем.

Карл взял бутылку, и налил себе почти полную кружку, и начал наливать мне, я поднял пальцем горлышко, когда там стало слишком уж много. Карл криво усмехнулся и, не чокаясь, начал пить из своей кружки. Пил он ужасно, мелкими глоточками из кружки, как будто это был не шнапс, а холод-

ный чай или кефир. Меня передернуло от вида того, как пил Карл, но я не хотел его обидеть. Поэтому я тоже бахнул, как умел.

Карл, закончив пить, тяжело вздохнул, занюхал куском хлеба, который лежал на столе, и продолжил:

– Мое открытие заключалось в том, что я понял, что русские мыслят иначе, чем немцы, но тем не менее они мыслят правильно. Мы, проектируя каждый узел в наших танках, исходим в первую очередь из того, что он должен быть совершенен, а русские, проектируя и производя свои танки, мыслят, что они должны выполнить свою задачу. И главное, инженеры русских понимают, что у русских рабочих руки пришиты существенно ниже плеч, и закладывают сразу это в конструктив своих изделий, ты это понимаешь, Йежи?

– Не очень-то, если честно.

– Ну вот то, что вчера ваш солдат смеялся над тем, что люк прикручен абы как и болтается, как штурвал у корабля. Это вы еще только начали изучение этой техники, а мы тут ржали первые четыре месяца еще не над такими перлами. Одна табличка настройки ТНВД дизеля чего стоила. Я отправил ее в подарок почтой самому господину Круппу. Когда я еще думал, что это действительно смешно, а теперь я понял, насколько это грустно. Пока мы смеялись и думали, что это смешно, русские строили заводы, на которых трудились абсолютно не обученные рабочие, и эти самые рабочие производили танки днями, ночами, и скоро соотношение во-

енной техники будет 10 к 1 или, даже хуже, 15 к 1, и не важно каким совершенством будет немецкий танк и какие у него будут орудие и броня, он не сможет подбить 10 танков, каким бы он ни был. И поверь мне, Йежи, вот этот самый танк, который вы разбираете в цехе, который не один уважающий себя немец не сможет назвать танком, будет назван лучшим танком войны.

Ох, как же Карл был прав, хотя он сейчас мне напоминал Элронда, который говорил о моих личных сильных сторонах таким тоном, что мне было крайне стыдно. И сейчас, обозвав российских рабочих рукожопыми, а именно это сравнение мне пришло в голову на перевод пришитых рук, чуть ниже плеч. Звучало это обидно, что чудо советской инженерной мысли было не в создании хорошего агрегата, а в том, что они смогли изобрести машину, которую действительно могут собирать криворукие и необученные. А Карл тем временем продолжал:

– Я поначалу думал, что все эти недочеты – это просто глупость, инженерная глупость. Но чем больше я разбирал техники, чем больше я изучал ее, тем больше и больше понимал, что это не глупость, а замысел, что советский ППШ лучше МП конструктивно, так как он рассчитан на погодные условия, которые есть в России. Что его можно уронить в грязь и, постучав по дереву, продолжить стрелять с точно такой же плохой кучностью и скоростью, с которой он стрелял до того, как его уронили. А ты попробуй урони в грязь

МП: пока ты его не разберешь, и не почистишь, и не смажешь, он просто не будет нормально работать. И так во всем, в каждом оружии, в каждом узле советской техники заложено, во-первых, то, что его будут делать люди без минимального образования, и во-вторых, что эксплуатировать его будут в невыносимых условиях. И потому ППШ можно свести поезд с рельс, и, несмотря на то что он невыносимо тяжелый и очень неудобный, он крайне надежный и выполняет свою задачу. Мой коллега – оружейник Александр, мы с ним вместе смеялись над оружием, которое в начале войны начали повсеместно использовать русские. Они взяли наше немецкое ружье разработки Маузера 1918 года, увеличили мощность патрона, поставили простейший дульный тормоз. Мы смеялись, ох как мы смеялись. Пока с фронтов не стали поступать сведения, что при помощи этих ружей русские полностью выводят бронемшины и танки первых двух поколений. Да, это ружье бесполезно против красавца «Тигра» или «Пантеры», но ведь их так мало на восточном фронте. Кто мог подумать, что русские найдут выход и начнут выводить из строя танки сотнями?

Карлу уже не нужны были мое поддакивание и сочувствие. Он уже был пьян вусмерть и с трудом сидел на стуле, подперев руками голову. Карл своей исповедью убедил меня в том, что мой приход на эту войну был бесполезен. И что мне нужно искать варианты, как же все-таки сбежать из измерения. Может, попробовать подняться по лебедке?

Но где взять лебедку в Родном, чтобы продолжить подъем там? Ладно, придумаю чего-нибудь. Пока что нужно уложить Карла в кровать, пусть отдыхает.

Я встал, приподнял Карла за плечи и повел его к кровати, он подчинился, но посередине комнаты он вдруг встал, выпрямился и, глядя мне в глаза, произнес:

– Мы проиграли эту войну? Мы ее проиграли, Йежи! Я когда-то читал русского адмирала Ушакова про Русско-японскую войну, он писал: «война “макаков” с “кое-какими”! Я скажу, что сейчас идет война перфекционистов с кое-какими, и кое-каки победят! Нам не одолеть их, Йежи, нам не одолеть их!

Он упал на мое плечо и в голос зарыдал, мне, конечно, больше хотелось открутить ему голову, потому что он, упомянув нашего адмирала, назвал и меня лично «кое-каком». И были бы, может, мы в другом месте в другое время, я бы поспорил с ним, но сейчас это было бесполезным. И я продолжил тянуть Карла до кровати. Он подчинился, но вдруг, сев на кровать, он заржал и сказал:

– Вот поверь мне, Йежи, русские никогда не смогут делать хороших гражданских машин, но всегда будут лидерами по производству военной техники. Они хороши в изготовлении топоров, но отвратительны в производстве астролябий, – сказал Карл и, завалившись на спину, отрубился...

Я вышел из комнаты Карла с острым желанием сбежать в Родное как можно быстрее. Находиться тут на военном за-

воде было для меня невыносимой мукой. Я не мог смотреть на этих немцев без содрогания, меня бесили их слова, когда они ругали СССР и русских, и в то же время мне было их невыносимо жалко, потому что я понимал, какое жестокое разочарование ждет их уже в следующем году. И прозорливость молодого инженера Карла Бенца, который уже сейчас понимал, что немцы проиграли войну, меня поражала, хоть слова, которыми он описывал, и ранили в самое сердце. Я вышел в цех, где на меня практически налетел Ганс:

– Ты где был, Йежи?

– Я был в комнате у Карла, – ответил я ему.

– Ага, и как он?

– Он пьяный в хлам, до завтра работать не сможет.

– А завтра у нас выходной, так что как раз в себя должен прийти. Почему он напился посередине рабочего дня?

– Ой, да он что-то бредит. Сходит с ума от советской техники, говорит, что русские нас победят, в общем, у него депрессия.

– Видимо, нужно писать рапорт, чтобы его отправили в отпуск, а еще лучше – на передовую, – зло сказал Ганс. – Не хватало еще тут в тылу панических настроений.

– Да-да, так и есть.

– Кстати, Август вызвался найти нам мясо для шашлыка, ты в доле?

– Конечно, а когда шашлык будет?

– Ты что, я же сказал: завтра выходной. Пойдем на ту по-

лянку и устроим себе праздник. Август уже ушел на поиски, собрав с нас деньги.

– Ну, я в доле Ганс.

– А еще ребята завтра хотят сделать тарзанку на тех столбах, нашли пружины и лебедку. Приспособили сидение от танка, в общем, будет весело.

– Да, хорошо, – ответил я Гансу. Мне сейчас меньше всего на свете хотелось разговоров, но выпадение главного инженера остановило наши работы, и потому выбор был – либо общество Ганса, либо идти в казарму. И мне хотелось идти в казарму больше, чем терпеть общество Ганса. Но Ганс, видимо, был настроен по-другому. Он рассказывал мне свои планы по подготовке роты и спрашивал моего совета, как правильно готовить солдат:

– Я вот понимаю, что меня совершенно неправильно готовили, меня учили бегать, стрелять, командовать. А нужно было учить выживать и не бояться. Я хочу учить солдат выживать и не бояться. Как ты думаешь, Йежи, как правильно выстроить эту систему? Мне кажется, нужно быть очень жестоким и гонять их в сто раз сильнее, чем гоняли меня.

– Я не очень тебе в этом вопросе помочь могу, Ганс. Я не помню, где я и как учился.

– Да я понимаю, но все-таки надеюсь на твою помощь, все-таки тяжелая задача – и работать, и готовить роту к бою. Но я должен выполнить эту задачу, просто обязан. Пойдем я тебя познакомлю с новобранцами, – сказал он и пошел в сто-

рону столовой. В столовой уже был ужин, и ребята все были там. Десять молодых новобранцев сидели рядом с солдатами Ганса, которые рассказывали им про ужасы передовой. Новобранцы были бледней белоснежной скатерти, но слушали старослужащих с открытым ртом. Увидев нас, они вытянулись в стойку, выбросив вперед руку:

– Хайль Гитлер.

Я невольно сморщился от такого приветствия. Ганс увидел мое лицо и сказал:

– Давайте все-таки в столовой без субординации, а то Карл будет сильно против. Вот на плацу – там обязательно, а тут не нужно. Так что вольно, – солдаты были только с учебки, где отдача чести старшему по званию, видимо, вбивалась в любое время суток, и потому им было тяжело это понять, а Ганс продолжал: Сегодня сейчас поужинаем и спать, завтра у нас выходной, будет шашлык и, если повезет с погодой, еще и покупаемся, в вот послезавтра уже будем работать вовсю.

В эту ночь в казарме добавилось десять новых молодых глотов, а я не мог уснуть. Особенность сна в таких местах, как казарма, – это умение заснуть первым. Если ты по какой-то причине не смог заснуть, то слушать трели десятков спящих мужчин – это, я скажу, то еще удовольствие. Не то что для меня это было в первый раз, но от этого было не легче. Я лежал и уже не знал, о чем можно думать. В итоге обратился к коммуникатору и заставил его дать мне снотворное, несмотря на его жесткий протест со ссылками на мое

здоровье.

* * *

Утро было теплым, почти душным. Я проснулся от того, что упало одеяло на пол, которое я скинул себя и смял ногами. В итоге бедное одеяло не выдержало и бухнулось на пол с шумным звуком «ффух».

В казарме все еще раздавались трели храпящих мужчин разных тональностей. И потому падающее одеяло никому не помешало. Но меня почему-то это вырвало из сна, и я понял, что уснуть опять я уже не смогу. Я спустился со своей кровати и пошел умываться.

Вода в душевой была холодной, душ принимать не хотелось, по крайней мере, пока что. День обещал быть жарким, солнце было уже достаточно высоко и припекало активно. Я умылся и почистил зубы и пошел на кухню, с которой уже явно тянуло вкусным запахом кофе. Кофе в немецкой армии был в пайке, а поскольку паек тут мы сдавали в общую кухню, то кофе варили на всех и много. Так было более выгодно, хоть кофе, по-моему, получался не очень вкусным. Вот сейчас, видимо, кофе уже заварили, так как запах кофе даже перебил запах машинного масла, которым тут пропахло все. Я вспомнил, что на флоте механиков-мотористов называют «маслопутами», и начал понимать смысл сего прозвища, все, что связано с двигателями внутреннего сгорания и техникой

как таковой, было связано со смазкой, которая была крайне прилипчива к человеческим рукам и одежде. Запах ее был, может, даже приятным, но он был повсюду. Хоть через сутки я уже привык к нему и не ощущал практически.

Зайдя на кухню, я увидел чан с кофе на краю стола с раздачей. К столу раздачи спиной стояла какая-то огромная фигура. Скорей всего, это был Федерико, про него еще вчера рассказывал Август. Что Карл вытащил этого повара из рядовых, и он тут сам на ровном месте организовал кухню. И теперь Карл ни за какие коврижки не хочет отпускать Фредерико на передовую. За те сутки, которые я провел на этом заводе, я понимал Карла. Все-таки организация процесса питания была делом крайне важным, и найти тут хорошего повара тоже было искусством.

Фредерико увидел меня, улыбнулся.

– Бонжорно, господин офицер. Вы так рано сегодня. Все еще спят, хотите кофе и бутерброд?

– Да, Фредерико, буду очень благодарен.

– Сейчас все организую.

Я сел за стол, а Фредерико налил мне кофе и принес тарелку с бутербродом и продолжил свою работу по приготовлению завтрака.

Я пригубил кофе, который был очень горячим, и откусил бутерброд с ветчиной, когда на кухню зашел Карл. Выглядел он ужасно, вид у него был потерянный, видно было, что похмелье все-таки его догнало. В руках у него была какая-то

жестяная табличка, он увидел меня и подошел к столу, где я сижу. Он положил эту табличку на стол и спросил:

– Йежи, можно составить тебе компанию? – спросил он срывающимся хриплым голосом.

– Да, конечно, Карл, присаживайтесь.

Фредерико, не спрашивая ни слова, поставил перед Карлом большую пивную кружку, наполненную каким-то молочным напитком, и огромную тарелку овсяной каши.

– Что это, Фредерико? – сморщившись, как будто он только что съел лимон, спросил Карл.

– Это простокваша и овсянка, и если вы это не выпьете и не съедите, я подам рапорт и уйду на фронт, Карл!

– Ну что за шантаж, Фредерико? К чему все это?

– Я не желаю наблюдать, как вы тут спиваетесь, и либо вы сейчас же берете себя в руки, либо я ухожу на фронт.

Тон Фредерико был не терпящим возражений, видимо, запой Карла был чуть больше тех дней, что я успел тут увидеть.

– Ладно, ладно, я все съем и выпью, но если это пойло и английская бурда во мне не задержатся, то прости, друг, я сделал все, что смог.

– А вы не спешите, сегодня выходной, и вам некуда спешить, так что пейте по маленькому глоточку и кушайте маленькой ложкой, – прямо-таки по-отечески сказал Фредерико.

Сморщившись еще раз, Карл поднял кружку с простоквашей и мужественно сделал два глотка. Поставив кружку на

стол, он замер, явно прислушиваясь к своему организму, как он отреагирует, что в желудок совершенно неожиданно для него поступило нечто совершенно не алкогольного содержания. Хотя простокваша вроде как имела небольшой градус, и, может быть, именно поэтому желудок Карла не отторг эту «бурду» и, видимо, потихоньку начал работать.

Карл перевел взгляд на меня и неожиданно спросил:

– Скажите, Йежи, вы же понимаете русский?

– Да, конечно, – ответил я, вспомнив, что по моей легенде я должен был пробраться к партизанам именно потому, что хорошо говорю по-русски.

– Скажите, что тут написано? – спросил Карл, положив передо мной жестяную табличку.

– Настрочная таблица для полевой регулировки топливного насоса высокого давления.

– Как для полевого? – удивился Карл. – А разве такое возможно?

– Ну тут написано, что при наличии стенда «дизель» необходимо регулировать на стенде, но в случае отсутствия пользоваться этой таблицей, но по возможности произвести регулировку более точно.

Карл открыл рот от удивления: «А что там в таблице-то указано?»

– Ну тут число моточасов и показатель оборотов по рискам, – ответил я, с трудом разобрав замысловатые надписи на табличке.

– По рискам?

– Ну да, там на валу должны быть риски с номерами и на регулировочных болтах ТНВД тоже.

– То есть вот те самые царапины, сделанные руками?

– Ну, наверное, – для меня было непонятно, что вызывает такое удивление у Карла. Я помнил мопед «Карпаты», который был у меня в юности, да и «жигули» моего отца, где вот таких вот табличек с регулировками по рискам было достаточно много. Карл перешел на шепот, хотя на кухне никого не было:

– Нам не победить их, Йежи! Нам не победить! Это не глупость, это гениальные по своей простоте инженерные решения. Они сделали статистический анализ и результаты этого анализа закрепили вот на такой рукописной железке. А мы отказались от дизелей из-за невозможности регулировки их в полевых условиях! Мы сделали ставку на карбюраторные движки, так как регулировка опережения зажигания существенно проще, чем регулировка топливного насоса. Но мы не учли тот факт, что солярка существенно дешевле, и особенно экономить ее нет смысла, какая, в общем-то, разница 40 литров он жрет или 100, если он живет 10–20 минут? И реально можно вот так выставить его по рискам, и бог с ним, что он жрет эту солярку? Что, русские будут беречь солярку? Нет уж, чего-чего, а солярку они варить научились! А итог какой? Под Москвой они выводили наши танки при помощи горючей смеси, так как она проникает в двигатель и в бак и

танк выходит из строя, а их танки не горят, так как солярку так просто не поджечь. И пусть этот дизель по КПД просто ужасен, но в итоге он выполняет свою задачу. Но они ведь тоже не сидят без дела, они так же, как и мы, тут разбирают наши танки и вносят изменения в конструкцию. И с двигателями они ведут постоянную работу. Я-то знаю, я видел все модификации этого танка. И поначалу я смеялся, и ведь было над чем смеяться, Йежи. Видел бы ты крепление водительского люка в первых модификациях, я бы расстрелял того инженера, который придумал прикрепить люк на дугу с гребенкой прямо перед головой водителя. Да и вообще, в первых танках, прибывавших с фронта, экипаж гиб не от попадания снаряда, а от травм, которые наносил сам себе из-за неправильного расположения механизмов. У русских совершенно отсутствует чувство эргономики, они мыслят только над тем, как решить боевую задачу. Но тем не менее потом пошли модернизированные машины, где один за другим исправлялись эти недочеты. Но при этом число машин, которые они поставляют на фронт, только растет, и вот итог – они остановили наше наступление, – Карл беспомощно опустил голову на руки, и мне показалось, что он плачет. Я сидел молча, так как идобавить, и к словам Карла я не мог ничего. А он опять припал к кружке с простоквашей и практически осушил ее. Взглянув на меня влажными глазами, продолжил:

– Я знаю, Йежи, что ты теперь напишешь на меня рапорт, что мне требуется отпуск или что меня нужно отправить на

фронт за упаднические настроения, и ты будешь прав. Я хочу погибнуть на фронте в одном из лучших немецких танков, чем писать эти бесполезные отчеты о преимуществе оружия рейха. А что я им еще напишу? Что нужно упростить конструкции Т3 и Т4 настолько, чтобы делать в 10 раз больше танков, и нужно выбросить из конструкции все слишком сложное конструктивно? Кто меня послушает? Меня отправят в одну из лечебниц Геринга, где сделают лоботомию как умалишенному, но когда поймут, что я был прав, уже будет очень поздно...

Он сделал паузу и произнес:

– ...По-моему, уже поздно, мы упустили этот момент и мы заплатим жестокую цену. Пиши рапорт, Йежи, я умоляю тебя. Я не хочу быть бесполезным, лучше уж танкистом.

– Я не буду писать рапорта, но, если хочешь, может написать Ганс.

– Ты считаешь, что я не прав?

– Ты прав, ты даже не представляешь себе, насколько ты прав, Карл, – я было хотел Карлу рассказать и дальше о его правоте, но в кухню вошел Ганс и прервал наш разговор. Увидев нас двоих с Карлом, Ганс улыбнулся, подошел и сел рядом. Увидев в тарелке Карла овсяную кашу, он сморщился точно так же, как до этого сморщился Карл, и спросил:

– Что это, господа? Мы и тут, что ли, должны жрать эту бурду?

– Успокойтесь, Ганс, это Фредерико приготовил специаль-

но для меня, чтобы поправить мое здоровье, для всех он сделал бутерброды с ветчиной на завтрак.

– О, слава богу, а то я уж думал бежать отсюда куда подальше, – шутливо пожаловался Ганс. Он ушел в закуток, где готовил Фредерико, о чем-то с ним поговорил и вернулся с кружкой кофе и тарелкой с бутербродами.

– Фредерико замариновал мясо, которое вчера принес Август, так что обедать мы будем настоящим шашлыком, пожаренным на костре. Сам Фредерико согласился быть ответственным за шашлык, попросил только о помощи ему с углями. Кстати, Карл, хотел спросить твоего разрешения: ребята вчера придумали развлечение сделать что-то вроде катапульти на берегу пруда, ты не будешь возражать?

– Катапульти?

– Ну да, там на берегу пруда забетонированы столбы, я видел однажды такое в парке развлечений, вот вчера придумали взять несколько мощных пружин, связать их вместе и прикрепить к сидению, и можно стрелять человеком в пруд как из рогатки, будет весело.

Карлу явно понравилась идея, которую озвучил Ганс. По крайней мере, это отвлекло его сейчас от мыслей, которые крутились в его голове. Так как он начал живо обсуждать с Гансом, к их обсуждению присоединялись все, кто прибывал в столовую по мере того, как просыпались. Мне стало скучно от этого живого обсуждения, как провести выходной, и я решил прогуляться. Выйдя из столовой, я пошел в сторону

платформы, по которой мы приехали. На платформе сейчас не было составов, так как вчера все были разгружены и отправлены, и я пошел по цеху, который сейчас был безлюдным и пустым. Цех напоминал поле боя после войны. Тут и там стояла техника в полуразобранном состоянии, с выложенными железками по кругу. Тут было очень много техники, которой я даже и не видел на картинках, но была та, о которой я знал...

После завтрака все рванули на берег пруда, который вчера мы с Гансом определили как место для отдыха. Я не знаю, как тут отдыхали до нас, возможно, потому что вода была очень холодной, берег был еще не освоен в этом году. И только вторая неделя теплой погоды сейчас и сподвигла для освоения этой территории. Вот чего не отнять у немцев, так это умение подготавливать площадки для отдыха, они подошли к этому вопросу с полной серьезностью. Где-то были найдены косы, и сейчас двое выкашивали траву от берега пруда по всей территории, где трава уже пробила песок, и начали портить пляж. Ганс с Карлом и еще двумя ребятами занимались оборудованием тарзанки. Фредерико с помощниками подготавливал место для приготовления шашлыка. В общем, жизнь на берегу старого пруда просто кипела, и все преображалось. Мне тоже нашлось занятие – мне поручили вопрос организации навеса и стола, и сейчас мы с тремя солдатами пошли в лес, для того чтобы спилить необходимый материал. Доски мы планировали взять с разобранных щитов, ко-

торами укрывали привезенную технику. Спилив несколько некрупных сосен, мы нарезали стойки и вкопали их, потом, соединив перекладинами, мы обшили досками, собрав навес и стол. Получилось неплохо и даже не криво, и сверху мы все это обтянули брезентом цветом хаки. К тому моменту, когда у Фредерико уже была готова первая партия шашлыка, мы подготовили место, где этот шашлык можно было с большим удобством кушать.

Рядом на песчаном пляже ребята растянули волейбольную сетку, которую смастерили из маскировочной, и уже собирались играть в волейбол.

Как только мы закончили импровизированный шатер, его тут же начал накрывать Ганс. Карл же предложил провести испытание получившейся тарзанки и спросил про добровольцев. Добровольцем выступил Август:

– Я буду первоиспытателем, но у меня есть условие, что я хлопну 100 грамм для храбрости.

Никто не возражал против того, чтобы налить Августу, и он, хлопнув, разделся до трусов и взобрался на сидущку рогатки-тарзанки. В тот момент, когда ребята его оттянули за углы сиденья на всю длину пружин и выпустили, я понял, как я вернусь в Родное и кто будет вторым после Августа испытывать эту тарзанку.

Август взлетел метров на 5 ввысь, и, пролетев метров 15, плюхнулся в воду где-то посередине пруда, вынырнув из воды, он показал обе руки двумя пальцами вверх, демонстри-

руя, что ему очень понравилось. А тем временем я подошел и попросил:

– Можно я буду следующим?

– А тебе тоже нужно 100 грамм? – шутливо спросил меня Карл.

– Нет, Карл, мне не нужно, просто жарко, хочу искупаться.

– Ну так никто не против, давай раздевайся и забирайся в сидушку.

Я разделся до трусов, стараясь не думать, как я буду выглядеть в Родном, вылетев из ниоткуда в одних трусах. Интересно будет, конечно, увидеть глаза Ганса и ребят, когда я растворюсь в воздухе, я явно испорчу им выходной день. Я даже злорадно ухмыльнулся от этой мысли. Я сел на сидушку, которую смонтировали из деревянного сидения. Август, который к этому времени уже подплыл к берегу, начал давать советы:

– Йежи, ты сгруппируйся, как только окажешься в воздухе, прижми колени к груди, и так до самой воды, улетишь дальше, чем я. Я не сообразил сразу и потерял много скорости вначале.

Я послушался Августа, и, когда меня отпустили и сработали пружины, я приподнял ноги и прижал их к груди. Короткая перегрузка сдавила мне грудь, и я совершил переход в Родное...

Глава 11. Путь домой

Сначала я подумал, что переход мне не удался, так как ничего не изменилось: я, пролетев 25 метров, плюхнулся в пруд и ушел на глубину. Вынырнув из воды, я глянул на берег. Все-таки я вернулся в Родное: не сразу, но я понял, что люди на берегу – это не немецкие солдаты и рабочие, а обычные отдыхающие, которые расслабляются на берегу пруда. Берег был другим. И первое, что бросилось в глаза, – это количество отдыхающих, которых было тут очень много. Два столба, на которых собрали тарзанку, тут тоже были, но похоже, что не использовались по назначению, так как были обнесены забором из сетки-рабицы. Я поплыл к берегу, наблюдая за народом, который был вокруг. Видимо, никто не придавал значения тому, что я неожиданно приземлился на воду неизвестно откуда. Скорей всего, для тех, кто лежал на берегу, мое появление было воспринято так, как будто я просто плюхнулся из воды в воду, как тюлень или кит. И никто не придавал этому какого-то значения. Я живо представил себе лица Ганса и солдат, которые с недоумением стоят сейчас около тарзанки, выглядывая, куда же я улетел. Скорей всего, они придут к выводу, что я плюхнулся где-то в лесу на другом берегу, и пойдут меня искать. А не найдя, подумают, что не заметили, как я вошел в воду, и будут считать меня утонувшим. В общем, выходной я им точно испортил.

Выйдя на берег, я задумался, что мне делать дальше. Судя по всему, за послевоенный период город Люблин сильно разросся, и сейчас я был практически в центре города. Так как в том времени, из которого я прибыл, этот пруд был в пригороде.

На пляже было много полотенец, на которых лежали девушки и молодые люди. Были группы из молодых людей, которые пили пиво и просто отдыхали. В общем, это был обычный теплый день на городском пляже. Я тут выглядел не очень правильно, так как на мне были черные семейные трусы, которые вот уже лет 50 как можно было найти только в антикварном магазине или на киностудии. И, выйдя на берег, я остро почувствовал взгляды именно на этот самый предмет моей одежды. Хотя выглядел я в общем-то неплохо, мышцы мои были в тонусе, пресс живота с кубиками. Все-таки физические упражнения на арене привели мое тело в форму, в которой оно не было до этого, может быть, никогда в жизни, и даже две недели, проведенные в госпитале, не изменили этого. Правда, два дня работы успели мои руки пропитать маслом, которое не получилось смыть целиком ни бензином, ни ацетоном, и потому я выглядел достаточно странно для этих мест. Я выглядел, как работяга из советского прошлого, для внимательного взгляда. Но, может быть, я сильно преувеличивал свою значимость и тот факт, что на меня пристально смотрят. Я вышел из пруда и пошел по песку к парку, думая, что мне делать дальше. Пройдя мимо во-

лейбольной площадки, где висела настоящая сетка, а не обрезанная маскировочная, я набросал в голове план. Он не был хорошим и добрым планом, но выбирать особенно мне было не из чего. Планом номер один было раздобыть одежду, а где было можно раздобыть одежду человеку в моем положении? Только украсть. Поэтому я заметил группу полотенец ребят, которые сейчас играли в волейбол, и направился с целью сесть рядом с ними, как будто я хочу просто понаблюдать за сражением.

Ребят было шесть человек, и сейчас они играли трое против трех в волейбол. Одежда их была разбросана практически на краю лесополосы, и я присел, как бы наблюдая за игрой волейболистов. Они были увлечены игрой и не смотрели в мою сторону. Поэтому я с тяжело бухающим сердцем забрал джинсы, футболку и кроссовки и ушел в лесок, где быстро оделся и пошел в сторону города. Мой расчет был на то, что так быстро пропажу не обнаружат, и я смогу уйти достаточно далеко.

Солнце уже парило нещадно. Выйдя из леса, я попал в город, который обдал меня волной жара и сухости. Майка, которую я только надел, мгновенно прилипла к моему телу. Вопрос был – как мне выбираться из этой местности домой?

У меня не было ни документов, ни денег, и в Радужном было море. То есть попасть домой было не так-то и просто. Но план у меня был очень простой, как достать денег, я знал точно. У меня же был превосходный встроенный компью-

тер, в котором было достаточно много программного обеспечения, использовать которое можно и с небольшим нарушением законодательства. Так-то я бы не стал, конечно, но мне ведь очень нужно, и поэтому задача номер один – найти не сильно приметный банкомат и снять с него немного денег. Задача номер два – нужно добраться до границы и незаметно перейти через нее. Мне нужно было проделать обратный путь тому, что я проделал два дня назад. Вскрыть банкомат при помощи программного обеспечения, которое было на борту моего коммуникатора, было не сложно, я это уже делал, когда мы со Змеем пробирались через Дальний Восток. И сейчас мне нужно было просто найти банкомат и дождаться человека, который подойдет для совершения операции к банкомату, сосканировать его сигналы и далее расшифровать их, и перевести банкомат в режим технического обслуживания, и заставить его выдать мне денег. В прошлый раз я потратил на это почти весь день, так как мне нужно было еще найти правильные приложения в том наборе, который был у меня в архивах. Сейчас было проще, так как все основное программное обеспечение я уже отладил в прошлый раз.

Я шел по дороге города Люблин, который сейчас выглядел очень пустынным и безлюдным. В субботу в 12 часов дня народу на улицах было очень мало. Как всегда бывает в такие моменты, сразу сильно захотелось пить, и теперь мысль долбила так, как будто я уже умираю от жажды. Хотя вроде

не так давно я выпил огромную чашку кофе. Но сейчас во рту стало густо и вязко, и прямо-таки очень сильно хотелось пить.

Я нашел нужный мне банкомат, он был на углу дома, около входа в банк. Сам банк был, видимо, закрыт, по крайней мере, народу в нем я через стекло не видел. Ну а проверять мне было не зачем, еще было очень хорошо то, что на другой стороне улицы был уютный скверик, в котором стояла лавочка, которая сейчас была в тени от дома.

Я перешел через дорогу, сел на лавочку, включил сканер и стал ждать. Минут через 10 к банкомату подошел мужчина и начал манипуляции, что, в общем-то, мне и было нужно. Сканер сразу выдал мне частоту, на которой банкомат обменивался с центральным сервером, и буквально за 2 минуты взломал основной принцип шифрования. И выдал мне содержимое системы данного банкомата. Я дождался, когда человек закончит свою манипуляцию и отойдет от него.

Переходя через дорогу, я послал банкомату задание на проверку выдающего механизма с заданием выдать мне 2 000 злотых, 1 500 по 500 и 500 с разменом. Пока я подходил к банкомату, он захрустел, выполняя мое задание. Я прижался к стенке, чтобы не попасть в объектив камеры, я вынул деньги из выдающего устройства.

Банкомат обиженно запищал служебными сигналами, ожидая завершения транзакций. Я попытался перевести банкомат в рабочее положение из обслуживания, но он продол-

жал обиженно плакать, так как, видимо, я все-таки нарушил какую-то из систем внутренних проверок. В общем-то, красиво взломать без следов у меня не вышло, и вполне возможно, что через пару минут тут будет уже полицейский наряд. И я пошел быстрым, но спокойным шагом в сторону, как мне казалось, центра города.

Я прошел около квартала, когда увидел автобус, который подъехал к остановке, решив про себя, что поездка на автобусе существенно лучше, чем движение по жаре пешком, я заскочил в открытую дверь. Оплата проезда была через водителя, и поэтому, выбрав самую мелкую купюру в 50 злотых из выданных банкоматом, я протянул ее водителю. Водитель с ленцой отсчитал мне сдачу, и я прошел внутрь автобуса.

В автобусе было душно, существенно хуже, чем на улице. Стало чуть легче, когда он поехал, и в открытые окошки стал поступать свежий воздух. Но пить хотелось все больше, и выдержать эту муку в автобусе долго я бы не смог. Но долго, в общем-то, и не было нужно, я решил, что проеду две или три остановки и выйду и буду уже искать место, где можно перекусить и попить и подумать, как двигаться дальше. Через одну остановку я увидел через окно букву «М» вездесущего общеизвестного ресторана. Не то чтобы я сильно любил его, в общем-то, я и был-то в нем всего один раз в жизни. Но сейчас при виде этой желтой буквы мой рот просто автоматически наполнился слюной, и я понял свою цель.

Автобусная остановка была прямо напротив входа в ре-

сторан, и я чуть ли не бегом забежал в стеклянную дверь. Где на меня обрушилась толпа запахов и кондиционерной прохлады. Внутри ресторана почти не было людей, что меня очень обрадовало, и я подошел к милой улыбающейся девушке, которая стояла на кассе. Недолго думая, я решил не мудрствовать лукаво и сделал заказ на русском языке, благо названия блюд этого ресторана были уже международными. Уже отходя с грузёным подносом от кассы, я понял, что все, что я набрал, я вряд ли смогу съесть и выпить. Но в момент заказа мне казалось, что этого будет даже мало. Сев за свободный столик, я присосался к стакану с кока-колой и выпил треть.

Наевшись и напившись до состояния довольного поросенка, я начал думать над своим планом перемещения на родину. План был очень прост: найти таксиста и договориться, чтобы он довез меня до границы, там через Радужное пройти на нашу территорию, или уже остаться в Радужном и двигаться к дереву. Или двигаться по Родному в сторону дерева Элронда.

Я зашел в вай-фай «Мака» и подключился к интернету. Сразу же после входа в интернет на внутреннем экране высветилось, что у меня 1 800 входящих сообщений в «Телеграме». Немного удивившись подобному объему, я открыл приложение – все 1 800 сообщений были от Коляна. Последнее из которых было:

– Леха, приезжай, как вернешься, сразу ко мне, ты мне

очень нужен.

До этого все сообщения были вроде как дневником Коляна про его исследования, о которых мне он говорил. Читать сейчас все эти сообщения было невозможно, поэтому я выделил всю переписку и сохранил в текстовый файл. И написал Коляну:

«Привет, Коль, я вернулся, что-то срочное?» – и отправил. Коляна не было на связи, и в «Телеграме» висело сообщение, что он не заходил в течение недели. Внутри что-то нехорошо шевельнулось – как бы с ним ничего не случилось. Ну, в общем, делать было нечего, нужно было двигаться по направлению к нему, в любом случае это все было близко. Рядом с рестораном стояли машины такси, и я решил, что, в общем-то, искать машину можно прямо тут. Денег я снял в банкомате достаточно много, до границы с Украиной было не больше 300 километров, и мне должно было хватить. По карте я наметил маршрут через Старовойтово, там пересечь границу и добраться до Ковеля. А уж там взять машину до Черкассов.

Выйдя из ресторана, я подошел к стоящим машинам и тоже решил без ломания языка польским по-русски спросить машину. Водители разомлели от жары и сидели в машинах со всеми открытыми окнами, экономя бензин. Я подошел к первой машине и заглянул в окошко.

– Скажите, пожалуйста, вы не говорите по-русски?» – спросил я водителя.

– Нет, – был его ответ, а через секунду он задал вопрос:

А чего ты хотел?

– Мне бы машину до границы с Украиной.

– 2 000 злотых.

– Пойдет.

– До Старовойтово?

– Да.

– Садись, поехали.

Я открыл пассажирскую дверь и сел в душный и жаркий салон. Водитель завел двигатель и закрыл окна.

– Сейчас кондиционер заработает, и будет все хорошо. Только нужно будет меня сразу до полного залить на выезде из Люблина, будет 50 % стоимости, и остаток в конце мне заплатишь.

– А там магазин на заправке будет?

– А что ты хотел?

– Да водички купить, жарко, пить охота.

– Я остановлю тебя сейчас на выезде из города, купишь тогда воды.

Водитель был неразговорчивым и грубоватым, может, из-за того, что я говорил по-русски, а может, просто сам по себе был таким. Цену он мне, видимо, назвал огромную в расчете на то, что я откажусь. А мне было лень торговаться, деньги все равно были ворованные, и поэтому особенно выбирать не приходилось. Мы заехали в магазин, где я купил газировки. Потом заехали на заправку, где водитель залил полный

бак и еще и канистру бензина.

До границы мы доехали часа за два, не больше, водитель всю дорогу молчал, а я, в общем-то, и не хотел затевать разговоров. Когда он подъехал к пограничному участку, он остановился и буркнул:

– Все, приехали, гони гроши.

Я рассчитался с ним и вышел из машины. Он дал с места и уехал. Станный он какой-то, ну, мне было все равно. Выйдя на дорогу, ведущую к КПП, я посмотрел в Радужное, там было море, и я, оглядевшись по сторонам, плюхнулся в него. Замысел мой был просто переплыть через польско-украинскую границу и вернуться в Родное на той стороне, на остатки злотых доехать до ближайшего города, где доехать уже взять машину до Будищ. В общем-то, план был прост, но я не учел один момент – что выбраться между измерениями из воды на сушу не очень-то простое занятие. Я спокойно проплыл на спине оба КПП и нейтральную территорию, и, найдя спокойное безлюдное место, попробовал перейти в Родное, и вдруг понял, что не могу этого сделать. Родное не пускало меня, я был существенно ниже для того, чтобы сделать переход. Мое тело было в воде, а Родное было выше Радужного сантиметров на 15, и как проскочить теперь эту грань, я не имел ни малейшего понятия.

Паника – это то, что всегда рядом с нами на воде. Стоит чуть-чуть задохнуться или попасть в какой-то водоворот, так она тут как тут. И несмотря на то, что сил еще очень мно-

го, да и держаться на поверхности соленой воды не так уж и сложно, паника захватила мой разум. Я оцепенел и начал лихорадочно хлопать руками по воде в попытках перескочить в Родное, все больше и больше растрачивая силы. Ну, вот и все, промелькнуло у меня в голове, конец пришел Лехе – так просто и бездарно утонул в неизвестном диком океане по своей безбрежной глупости и тупости.

Когда сил уже не осталось и я уже был готов сдаться, вдруг две пары мощных рук подхватили меня снизу. Я опустил глаза и увидел двух самых настоящих русалок. Я не мог их разглядеть толком, так как мои глаза, залитые соленой водой, видели сейчас не очень хорошо. И первое, что пришло в голову, – что меня просто глючит. Но русалки приподняли мое тело над водой и кинули. Я, пролетев метра полтора, плюхнулся в воду. И опять забарахтался как котенок.

– Совершай переход, идиот. Мы что, так и будем тебя тут кидать? – раздался в моей голове требовательный голос, который напомнил мне речь Элронда.

– Угу, – подумал я про себя. И опять две пары рук подхватили меня, подняли над водой и кинули, я совершил переход в Родное и покатился по земле. По Родной земле во всех смыслах этого слова. Я был дома. Первые три минуты я просто лежал на земле, тяжело дыша, но, постепенно отдышавшись, я поднялся на ноги. Все бы ничего, вот только я совершил целую кучу фатальных ошибок. Первая – я теперь был мокрый насквозь и грязный как черт. И даже если

я сейчас найду машину, водитель вряд ли согласится взять меня с собой. Во-вторых, деньги, которые лежали у меня в кармане, теперь были абсолютно мокрыми, ну, и в-третьих, я заплыл на поле за лесополосу, которая была из какого-то колючего кустарника, пробиться через который было делом очень непростым и крайне неприятным.

Ну, просушить джинсы и футболку было, наверное, делом несложным, так как жара продолжала давить нещадно и вещи просто на мне высохнуть должны достаточно быстро, ну, за исключением кроссовок, которые хлюпали, полные воды, и так просто и быстро высохнуть они не смогут. Но я был грязным и выглядел диким бомжом, и нужно было как-то привести себя в порядок. Я продрался через лесополосу и вышел на дорогу в раздумьях, в какую же сторону мне лучше всего сейчас двигаться. Идти в сторону границы нельзя, там, конечно, есть наверняка таксисты, но в таком виде меня точно погонят в шею. Иди в другую сторону и найти колодец, где постираться и помыться, а потом уже ловить попутку, – более здравая идея. И я пошел по обочине дороги в другую сторону от государственной границы. Через 10 минут ходьбы грязь высохла в сухую корку и начала сыпаться с меня в виде песка. Причем не только с одежды, но и с лица, шеи и рук. Очень хотелось в душ, кожу щипало и драло, да и голову начало сильно припекать. К моему счастью, впереди показался населенный пункт. Через полчаса я прочитал название населенного пункта – это был тот самый поселок

Старовойтово.

Машин на трассе было немного, и на меня, к счастью, никто не обращал внимания. Скорей всего, меня воспринимали как алкоголика местного, который бредет по своим делам в поисках выпивки или подработки. Пройдя начало поселка, я свернул вдоль серого забора в надежде найти колодец или колонку. И через еще 10 минут ходьбы я нашел такую между двумя заборами.

Вода в колонке была, и я начал умываться, и решил хоть чуть-чуть простирнуть футболку и джинсы, чтобы смыть грязь. Умываться из колонки и стираться – дело нелегкое. Держать рычаг и одновременно что-то мыть под струей было делом не простым, и я весь измучился, но все-таки более-менее смог привести себя в порядок. Надев опять на себя мокрую, но более-менее чистую футболку, содрогнувшись от холода, я направился в сторону торгового центра, который был неподалеку от места, где я мылся. Там было кафе и стояли большегрузы, куда я и направился. Зайдя в кафе, где сидели водители, я спросил наудачу:

– А никто до Черкассов не едет? – Водители взглянули на меня без удивления, видимо, попутчики не были тут редкостью, поэтому большая часть вернулась к своим тарелкам, не удостоив меня особенно своим вниманием. Один водила, который сидел ближе всего к выходу, спросил

– Гроши есть? Или ты так?

– Есть немного.

– Ну добре, до Ковеля тебя доброшу, а там сам. Подкинешь сотку?

– Да подкину, не жалко.

– Ну обожди тогда, сходи умойся пока что, я доем – и поедем.

Я сунулся было в направлении туалета, куда указал мне водитель, но дородная тетка преградила мне путь.

– Куда?! Туалет только для посетителей кафе!

– Да я сейчас умоюсь и возьму что-нибудь.

– Сначала возьми, а потом в туалет шуруй.

Я покопался в штанах и достал мятые и влажные злотые, которые еще не успели толком высохнуть. Взял двадцатку, по моим подсчетам, это должна быть приличная сумма в гривнах, и положил на стойку со словами:

– Можно кофе и сосиску в тесте?

Злотые в придорожном кафе на границе с Польшей были в ходу и принимались спокойно. Тетенька, увидев купюру, смягчилась и дала мне ключ от туалета. Куда я и пошел. Глянув на себя в зеркало, я удивился, что со мной вообще разговаривали. Волосы торчком, на лбу рыжая полоса из грязи, одно ухо в глине, второе вроде чистое. В общем-то, умылся я у колонки, как смог, и сейчас выглядел реально как пугало огородное или сбежавший непонятно откуда бомж. В кабинке туалета было существенно приятней, хоть горячей воды не было, но было мыло и зеркало. Я, сняв футболку, намылил голову и шею и смыл все в раковине, стараясь не плес-

кать. Грязи с меня смылось столько, что я испугался, что раковину забьет сейчас глиной и песком. Но, к счастью, этого не произошло, я причесал руками мокрые волосы назад и, более-менее довольный своим отражением, вышел из туалета. Мой кофе и сосиска в тесте стояли на столе у водителя, с которым я договорился. Водитель уже пил чай и ждал меня. Сдача с 20 злотых лежала под стаканчиком с кофе.

– Ну давай, пей уже и поедем, меня Сергеем звать, – сказал он мне, одобрительно хмыкнув по поводу моего внешнего вида. – Ты откуда такой вылез-то грязный?

– Да бухали вчера с друзьями, они поутру умотали, а меня бросили, – придумал я первую попавшуюся легенду.

– Что, прямо в Черкассы умотали?

– Ну, видать, да, может, не нашли меня просто. Мы так с заработков едем, с Люблина, вот границу перешли и отметили, перебрали, видать.

– На гроши-то не кинули?

– Да не, у нас грошей с собой-то и не было особенно, все перевели переводами, так, на дорогу только крохи.

– Ну хорошо, ну ладно, поехали уже, я от графика отстаю, нужно нагнать немного.

Я не стал пить кофе, который на вид и на запах был бурдой, но сосиску в тесте забрал. Водила вышел и показал мне на свою машину, это была фура с тягачом «Вольво». Водитель сел и открыл мне пассажирское сидение, на которое я забрался.

Выехав на дорогу, водитель задал вопрос:

– Кем подрабатывал-то?

– Да на стройке, там депо железнодорожное, вот там и подряжались бригадой.

– Хорошо заработали?

– Да не, не очень-то, жмут по деньгам-то нас.

– Да, жмут, как могут. Ну, хоть 200–300 в долларах заработали?

– Да вроде заработали.

– Ну и то славно.

Всю дорогу болтали с водителем обо всем и ни о чем, как обычно болтают с водителями. О политике, о бабах, снова о политике. Дорога пролетела незаметно и быстро. Уже под вечер мы доехали до Ковеля, водитель, увидев впереди огни населенного пункта, сказал:

– Я не в сам Ковель еду, там терминал в пригороде, я туда на разгрузку, если гроши есть, то я сейчас другу позвоню – он тебя до автостанции добросит, а оттуда автобусом до Черкассов пойдешь. К утру будешь на месте.

– У меня злотые только, может, махнешь?

– Махну, чего же не махнуть, сколько у тебя? – я достал остатки злотых, оказалось 2 200. Водитель, увидев 1 000 злотых, присвистнул. – Ого, а говорил, что нет с собой денег.

– Ну там народу-то много было, как сказать-то?

– А мне теперь доверяешь, да?

– Ну ты вроде правильный человек, да?

– Да, да, – заржал водитель. – Но у меня столько гривен нету, там, считай, по курсу 15–16 тысяч будет. Я тебе тысячу поменяю, а остальное тогда сам давай за 8?

– Давай.

Водитель дал мне 8 тысяч в обмен на мою мятую и влажную 1 000 злотых. Он бережно взял ее и положил к себе в кошелек, ласково расправив углы. Тысячу он дал мне мелкими, а остальное тысячными.

– Сейчас куму наберу, он за тобой приедет, дашь ему 100 гривен – отвезет на автостанцию и на автобус посадит, – сказал водитель, достал мобильный и набрал кому-то, проговорив, он положил трубку и сказал:

– С автобусом тебе повезло, через 30 минут уходит, ты как раз успеваешь, тут до автостанции минут 10, а кум сейчас уже едет на терминал.

– Спасибо, Серега, ты настоящий друг.

– Да ладно, Леха, земля круглая, может, и пригодишься.

Серегин кум ждал нас прямо на въезде в терминал, где Сергей меня и высадил, попрощавшись. Я сел в старенькую «тойоту», кум протянул мне руку:

– Петро.

– Алексей, – ответил я, пожав огромную лапу водителя.

– Ты откуда едешь-то?

– С Люблина.

– Зробитчанин?

– Ага.

– Удачно?

– Да ничего, не очень хорошо и не очень плохо.

В общем, разговор с Петром повторял начало разговора с Сергеем. Он довез меня до автостанции и остановил прямо у автобуса, который, видимо, уже был готов отправиться, но ждал меня одного. Я зашел в автобус, водитель запросил на входе 700 гривен, отсчитал мне сдачу и сказал:

– Иди вон в конец автобуса, до Киева там пусто будет, ты там один спать будешь.

В автобусе было немного совсем народу, пять человек, и все спали, заняв по два сиденья. Я прошел до заднего ряда сидений и, как и обещал водитель, проспал часов 6 или больше. В Киев автобус прибыл часа в 4 утра, и народу значительно прибавилось. И мне пришлось дальше спать сидя, но в 7 утра мы были уже на автостанции Черкассов. Там я пересел в машину до Будищ.

В Будищах водитель остановил меня возле церкви, и я, выйдя из машины, вдруг спонтанно для себя решил туда зайти. Служба уже закончилась, и церковные бабушки сейчас мыли подсвечники и прибирались. Я встал посередине церкви и изучал иконы, которые тут были всюду до самого потолка и на потолке. Неожиданно для самого себя я вдруг перекрестился и поклонился в сторону алтаря. Вдруг я почувствовал, что кто-то аккуратно взял меня под локоть, я повернулся и увидел очень старого худого человека с огромной седой головой. Это был старый, очень старый священник. От

возраста кожа его выцвела и пошла бледными пятнами, волосы на голове и бороде были редкими и белее белого. Даже некогда ярко голубые глаза сейчас выцвели и стали почти серыми. Я внимательно смотрел на этого священника, я знал его, он был мне знаком. Я представил его моложе, в ватнике, с ППШ на груди. Это был отец Феодосий. Он внимательно посмотрел на меня и, улыбнувшись, произнес:

– Рад видеть тебя, Алексей, давно я тебя жду, ты пришел ко мне наконец-то камушки снимать?...